

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

ЮЖНО-КАЗАХСТАНСКИЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

У. К. Абдыханов

**ИСТОРИЯ
ДРЕВНЕРУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

Курс лекций для студентов специальностей филологических
факультетов

Шымкент – 2025

УДК 821.161.1=512.122
ББК А13

Учебник рассмотрен и представлен к печати решением методического совета Южно-Казахстанского государственного педагогического университета.

Протокол № от 2018 г.

ISBN

Рецензенты:

Кадеева М. И. – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы ЮКГПУ

Калжанова А. К.. – кандидат филологических наук, завкафедрой русского языка и литературы ЮКГПУ

Миятбекова З. У. – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы ЮКГУ им. М. Ауезова

Абдыханов У. К. История древнерусской литературы. Курс лекций для студентов специальностей филологических факультетов. – Шымкент, 2025. – 124с.

ISBN

В курсе лекций раскрываются характерные особенности историко-литературного процесса в древнерусской литературе. Разделы, содержащие обзоры литературы отдельных периодов, включают главы монографического характера.

На переплёте:

Памятник Евпатию Коловрату в Рязани

УДК 821.161.1=512.122
ББК А13

© У. К. Абдыханов

ВВЕДЕНИЕ

Русская литература – одна из самых древних литератур Европы. Она древнее, чем литературы французская, английская, немецкая. Её начало восходит ко второй половине X-го века. Семьсот лет этой литературы принадлежит периоду, который принято называть древней русской литературой.

Литература возникла одновременно с появлением на Руси христианства и церкви, востребовавших письменность и церковную литературу. Высокий уровень развития фольклора сделал возможным восприятие новых эстетических ценностей, с которыми знакомила письменность. Превосходно организованное письмо и церковные произведения переносятся на Русь из Болгарии. В это время создается и первое компилятивное произведение русской литературы – так называемая «Речь философа», в которой на основании разных предшествующих сочинений с замечательным лаконизмом рассказывалась история мира от «его сотворения» и до возникновения вселенской церковной организации.

Древнерусская литература ближе к фольклору, чем индивидуализированному творчеству писателей нового времени. Авторское начало было приглушено в древнерусской литературе. В ней не было ни Шекспира, ни Данте. Это хор, в котором совсем нет или очень мало солистов и в основном господствует унисон. И тем не менее эта литература поражает своей монументальностью и величиим целого. Она имеет право на заметное место в истории человеческой культуры и на высокую оценку своих эстетических достоинств.

Лекция 1

ОБРАЗОВАНИЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

План:

1. Русский фольклор в период зарождения и создания в Киевской Руси.
2. Периодизация древнерусской литературы.
3. Рукописный характер древнерусской литературы.
4. Авторство и датировка памятников.
5. Язык памятников Древней Руси.
6. Техника письма.

Задолго до возникновения книжности на Руси, восточные славяне обладали развитой устной поэзией в разнообразных ее видах и жанрах. Непосредственных данных, характеризующих эту поэзию, мы не имеем. До нас дошли косвенные данные, извлекаемые из письменных памятников, из летописей и «Слова о полку Игореве». Здесь мы находим пословицы, поговорки, загадки, исторические предания и легенды, следы заговоров и заклинаний, отзвуки эпических песен, сказочных мотивов, похоронных плачей, мифологических верований. Еще в доклассовом обществе распространена была также обрядовая песня, в частности песня, связанная с сельскохозяйственным календарем и с бытовыми условиями жизни народа. Рост общественного сознания в пору сложения Киевского государства вызвал к жизни самое драгоценное достояние старинного русского фольклора – былевой эпос, отразивший исторические события эпохи, героическую борьбу русского народа с его внешними врагами, а также отдельные эпизоды из жизни киевских князей и их дружины. Нет сомнения, что былины существовали уже в X веке, так как, как указывает Л.Н.Майков, «народный эпос по своему первоначальному образованию всегда современен или воспеваемому событию, или, по крайней мере, живому впечатлению этого события на народ». Зарождение былевого эпоса тесно связано с обрядовой песней, с древней колядкой, народной сказкой. В былинах выступают защитники народных интересов – богатыри, стойкие и бескорыстные защитники Русской земли, оберегатели ее границ от вражеских нападений. Былины создавались на всем пространстве обширного Киевского государства, но преимущественно в Киеве и Новгороде, Галицко-Волынском княжестве.

Таков был объём и характер русского фольклора в период зарождения и создания в Киевской Руси ранних древнерусских литературных памятников. Русский фольклор, особенно былины с его языковыми и стилистическими

особенностями, идейным содержанием и реалистическими элементами, благотворно воздействовал на древнюю русскую литературу. Содержание и стиль письменных памятников, в свою очередь, оказывали влияние на старинный фольклор, т.е. фольклор и письменное творчество находились в состоянии органического взаимодействия и взаимопроникновения. При этом, и книжное и устное творчество пользовались одинаково средствами живого, достигшего большого развития языка и сходно отражали историческую действительность.

В течение многих столетий устное народное творчество было единственной формой словесного искусства русских славян. Наиболее древние из дошедших до нас произведений русской письменности, имеющие литературное значение, относятся к концу X и началу XI века. С этого времени и начинается история древней русской литературы.

Изучая древнюю русскую литературу, мы входим в мир иных, средневековых представлений о литературе, об авторстве, знакомимся с произведениями, созданными в своем большинстве неизвестными писателями и перерабатывавшимися неизвестными читателями, с произведениями, распространявшимися многие столетия путем переписки от руки и не имевшими устойчивого текста, возникавшими по конкретному поводу, но читавшимися в самых разнообразных исторических обстоятельствах.

В деле изучения литературного наследия древней русской литературе принадлежит значительное место, которое определяется прежде всего тем, что она была начальным этапом в развитии великой русской литературы, приобретшей мировое значение. Древнерусскую литературу характеризуют высокая идейность, ее живая связь с насущными вопросами общественной жизни. Древнерусская литература по своей направленности была в основном публицистична и злободневна, так как принимала непосредственное участие в идейной и политической борьбе своего времени.

Русская литература возникла не сразу. Специфика литературы как художественного творчества определилась постепенно, в течение ряда столетий. Русская литература возникла отнюдь не в результате переноса к нам произведений византийской и болгарской литератур, отнюдь не по причинам механическим и случайным, не как результат появления на Руси христианской образованности и не как простое продолжение переводной литературы. Она родилась из внутренних потребностей классового, феодального общества древней Руси. Появление ее было подготовлено развитием русского языка, развитием устного творчества, оно нашло себе «техническую» базу в создании русской письменности и было облегчено культурным общением с другими странами и в первую очередь с Византией и Болгарией. Культурное общение с другими странами лишь дополнило и расширило этот процесс развития, играя в нем не основную, а лишь второстепенную роль.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Процесс развития русской литературы X-XVII вв. совершался в очень своеобразных условиях: он охватывал всю письменность в целом и близко следовал за развитием исторических событий. Поэтому периодизация истории древней русской литературы не может строиться по литературным признакам. Эта периодизация полностью совпадает с исторической, так же как совпадает с ней и периодизация истории искусства Древней Руси. Вся русская литература от своего начала (первого произведения – «Речи философа» конца X века) и до конца XVI века, отличается чертами своеобразного средневекового историзма. Она в основном посвящена историческим темам, а ее действующие лица в той или иной степени – исторические.

С конца XVI века появляется письменность демократических слоев населения («Повесть о Ерше Ершовиче», «Новая повесть», демократическая сатира и т.д.), прямой историзм ее отходит на второй план, литература все сильнее отделяется от деловой письменности, в ней появляется безымянный герой. С начала XVII века литература в основном отделяется от деловой письменности, возникают новые жанры, вымирают некоторые традиционные жанры. Литература развивается неуклонно и постоянно, она отнюдь не является косной и застойной. Но многие из ее памятников не могут быть датированы, еще большее количество безымянно, а это крайне затрудняет исследование историко-литературного процесса.

Ряд периодов, отделенных друг от друга историческими рамками, может быть намечен в пределах первых семи веков русской литературы:

Первый период (X-XI века) – это период древнерусского, относительно единого, государства с центром в Киеве. Литература этого периода по преимуществу киевская и новгородская, она представлена значительными и разнообразными по жанру произведениями, но распространена в узком кругу феодальных верхов.

Второй период – наступает с конца первой четверти XII века, когда вступает в силу феодальное дробление и образуется множество мелких областных литератур с их местными, своеобразными чертами. После татаро-монгольского нашествия литература объединяется темами национальной борьбы с иноземными захватчиками, а затем, с конца XIV и в XV веке наступает период борьбы за национальное централизованное государство.

Третий период охватывает XVI век до 80-ых годов. Его можно рассматривать как единое целое. Литература в этот период напрягает все свои силы в борьбе с остатками областничества, она очень тесно примыкает к политике, становится чрезвычайно публицистичной. Однако и в этом

относительно едином периоде выделяется все же эпоха Ивана Грозного с присущими ей своеобразными чертами.

Четвертый период (конец XVI и XVII вв. до конца 80-ых годов) также делится на несколько этапов: литература времени крестьянских войн и иноземной интервенции, затем гранью двух периодов выступают 40-ые годы XVII века и, наконец, завершается весь ход развития древней русской литературы переходом ее к литературе новой примерно с середины 90-ых годов XVII века.

В литературоведении установилась традиция выделять в развитии древней литературы три основных периода:

I – литература древнерусского государства XI – XIII вв. или, как часто условно именуют, литература Киевской Руси;

II – литература периода феодальной раздробленности и объединения Северо-Восточной Руси (XIII – первая половина XV века);

III – литература периода создания Русского централизованного государства (вторая половина XV - XVII вв).

В первый период происходит зарождение, формирование и развитие литературы, которая послужила основой в развитии литератур трех братских славянских народов – русского, украинского и белорусского. В этот же период создаются основные жанры светской и церковной литератур: летопись, воинская историческая повесть, житие, дидактическая и торжественная проповедь, описание путешествий (хождения), апокрифы. Письменность проникнута патриотическим гражданским пафосом, пафосом любви к «великой русской земле», публицистическим призывом к правящим верхам блюсти ее единство («Слово о полку Игореве»), резким осуждением княжеских усобиц. Широкое использование устного народного поэтического творчества придает ряду произведений небывалый эпический размах и героическое звучание.

Во второй период развитие литературы и культуры приобретает областной характер. В XIV – XV вв. на северо-востоке Руси происходит формирование великорусской народности, и в этот период можно уже говорить о зарождении литературы великорусской народности и формировании ее отдельных черт в литературе Московского княжества, Новгородской земли, Тверского, Смоленского и Муромо-Рязанского княжеств. Нашествие татар и установление татакского ига резко затормозило дальнейшее развитие литературы и культуры. Формирование централизованного русского государства, собиранье русских земель вокруг Москвы привело к появлению нового риторико-панегирического стиля в литературе. Для этого сугубо книжного стиля характерен интерес к внутренним переживаниям человека, стремление передать его психологическое состояние и дать психологическую мотивировку его поступков.

В третий период, в связи с созданием централизованного Русского государства, происходит процесс слияния областных культур в единую общерусскую культуру. Этот процесс завершается в середине XVI столетия. В XVII веке начинает постепенно дифференцироваться собственно художественная литература – литература формирующейся русской нации. Дифференциация художественной литературы связана с процессом так называемого обмирщения культуры и литературы, с процессом освобождения от пут церковной идеологии и дальнейшей ее демократизации. Этому способствовало усиление роли посадского торгово-ремесленного населения городов в общественно-политической жизни страны. В литературу вновь широкой волной начинает проникать устное поэтическое творчество трудовых масс.

Пробуждение чувства личности, торжество личного начала над сословным находят отражение в литературе. Интерес к личности, к частному быту вызывает появление новых жанров: бытовой и сатирической повести, стихотворчества и драматургии, приводит к отмиранию старых традиционных жанров или к их коренной трансформации (жития, исторической воинской повести). Литература XVII столетия уже непосредственно предваряет собою литературу нового времени – литературу XVIII столетия.

РУКОПИСНЫЙ ХАРАКТЕР ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Богатая и сложная литература Древней Руси имела рукописный характер, поэтому на сегодняшний день мы знаем ее далеко не полно. Такие произведения, как «Слово о полку Игореве», «Поучение Владимира Мономаха», «Слово о погибели русской земли» и некоторые другие дошли до нас в единственных списках. В 1812 году сгорел и единственный список «Слова о полку Игореве». По случайным упоминаниям мы знаем также, что существовало, например, «Житие Антония Печерского», до нас не дошедшее, что существовали не дошедшие до нас летописи: «Летописец великий русский» (он упоминался в так называемом «Тверском сборнике»), различные хронографы и другие памятники. Книги гибли во время нашествий половцев, во время страшного разгрома русских городов ордами Батыя, в период набегов золотоордынских ханов и «крымчаков». Характерные события разыгрались при нашествии на Москву хана Тохтамыш в 1382 году. Жители Москвы, «загородья» (пригородов) и окрестных сел снесли книги в московские каменные церкви, где думали уберечь их от пожаров и разграбления. Книг было так много, что они были навалены до самых сводов, но татары разбили церковные двери, разграбили и уничтожили все, что в церквах было, книги же «все без вести сътвориша». Много книг погибло в начале XVII века в результате польско-шведской интервенции. Истребляли

книги и постоянные пожары. В 1124 году пожар уничтожил почти весь Киев: «Бысть пожар велик Кыеве городе, яко погоревшю ему мало не всему по два дни по Подолью и по Горе, яко церквий единех изгоре близь 6 сот» (Лаврентьевская летопись под 1124 годом). В 1134 году пожар истребил Торговую сторону Новгорода (Новгородская Первая летопись под 1134 годом). В 1185 году во Владимире Залесском в пожаре сгорел «мало не весь город и церквий 32» в том числе и Собор Успения. В 1777 году пожар в Киеве истребил библиотеку.

Книги гибли также от небрежения хранителей рукописных собраний – особенно в XVIII – XIX вв. Характерен случай с митрополитом Евгением Болохвитиновым, который однажды, направляясь в Юрьев монастырь под Новгородом, встретил по дороге воз с монастырскими книгами, предназначенными к уничтожению. Евгений вернул воз в монастырь, приступил к разбору книг и нашел там ценнейшие рукописи, в числе которых была рукопись XI века. Книги страдали также от специального подбора монастырских библиотек и менявшихся литературных вкусов, сказывавшихся на работе переписчиков, перерабатывавших старые произведения в официальном церковном духе, или вовсе не достаивавших переписке произведения, которые они не понимали. Так не дошла до нас светская повесть «О мужестве Александра Невского», а дошла лишь позднейшая переделка этой повести в церковное житие. Не дошли произведения Кирилла Туровского, наиболее тесно связанные с политической жизнью второй половины XII века, а дошли те из его произведений, которые отличались наиболее отвлеченным, «общецерковным» характером. Неудивительно, что мы представляем древнерусскую литературу в большей степени церковной, чем она была на самом деле. Наши представления о древней русской литературе, особенно ее начального периода, искажены усилиями многих поколений хранителей церковных и монастырских библиотек, усилиями переписчиков, переделывавших на свой лад старые произведения, общими условиями бытования этих памятников. Вот почему так трудно построить подлинную историю древней русской литературы, историю, которая не была бы простым перечислением, пересказом и описанием сохранившегося до нашего времени состава древних памятников, а восстановила бы подлинную картину ее развития.

АВТОРСТВО И ДАТИРОВКА ПАМЯТНИКОВ

Средством распространения произведений древней литературы была почти исключительно рукопись, книгопечатание, возникшее на Руси лишь в середине XVI века и бывшее вообще фактом огромного культурного значения, обслуживало преимущественно литературу богослужебную не только в XVI веке, но и почти на всем протяжении XVII века. Рукописная

традиция древней литературы способствовала изменчивости литературных памятников, часто эволюционировавших в своем идейном наполнении, композиционном и стилистическом оформлении в зависимости от исторической обстановки и социальной среды, в которую попадал тот или иной памятник. Понятие литературной собственности и авторской монополии отсутствовало в Древней Руси. Переписчик того или иного произведения становился часто и его редактором, он приспособлял текст к потребностям и вкусам своего времени, своей среды. Поэтому история древней русской литературы должна иметь в виду не только историю памятников, но и ее редакций. Свободное распоряжение авторским текстом было естественным, так как автор не считал нужным указывать свое имя, а подчас произведения русских писателей для придания им большего авторитета подписывались именами популярных византийских писателей. Отсюда анонимность и псевдонимность древнерусских памятников, что приводит к усложнению проблемы построения ее истории. Своеобразная трудность изучения истории литературы этого периода обуславливается еще и тем, что если даже тот или иной памятник может определенно быть связан с именем конкретного автора, то мы, в большинстве случаев, ничего кроме имени автора не знаем, т.е. при изучении истории литературы выпадает то существенно важное подспорье, которым мы располагаем в новой литературе – знакомство с биографией писателя и с обстоятельствами его творчества, с его мировоззрением.

Сложно обстоит дело с хронологическим приурочением памятников. Старейшие памятники дошли до нас не в автографах, а в списках, при этом в основном позднейших. Часто при датировке памятников прибегают к косвенным историческим данным, извлекаемым из самих памятников, на основании языкового анализа списка, если он сохранил архаические черты оригинала. Памятники не датировались в основном потому, что они создавались «по горячим следам событий» и исследователи подчас дату устанавливают по летописям, где события зафиксированы с указанием даты.

ЯЗЫК ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Древнерусская литература развивалась параллельно с эволюцией литературного языка. В основу литературного языка лег живой русский язык, особенно в произведениях светского характера. В памятниках с церковно-религиозной тематикой замечается присутствие элементов церковнославянского языка – языка богослужебных книг, пришедших на Русь в связи с принятием ею христианства, хотя и тут мы наблюдаем проникновение фонетических, морфологических, а иногда и лексических особенностей живого русского языка. В XVI и в XVII веке живой разговорный язык становится преобладающим даже в произведениях церковно-религиозного характера.

ТЕХНИКА ПИСЬМА

Литература в древний период находилась в тесной зависимости от материала, на котором писались рукописи, и техники письма. До XIV века рукописи изготовлялись из пергамента (иначе «харатьи», «телятины», «кожи»), выделывавшемся из телячьей кожи, и писались почерком, который назывался «**уставом**», т.е. тщательно выведенными буквами, написанными прямыми линиями, с правильными углами и овалами, каждая буква в определенный период времени имела в общем однообразную форму написания. Качество материала и характер почерка в древнейшую пору не способствовали развитию рукописного дела: рукопись стоила дорого и писалась медленно.

Со второй половины XIV века в употребление входит бумага и устав постепенно уступает место **полууставу**, более беглому письму – прямые линии сменяются ломаными и косыми, правильность углов и овалов и однообразие в начертании букв исчезают. Тогда же и появляется **скоропись**. Таким образом, постепенно рукопись удешевляется, работа над ней ускоряется, книга становится доступней, демократизируется, и литературная продукция обнаруживает тенденцию к расширению.

Вопросы и задания:

1. Роль фольклора в период зарождения и создания древнерусской письменности.
2. Проблемы периодизация древнерусской литературы.
3. Особенности древнерусской литературы.
4. Проблемы авторство и хронологии древнерусской литературы.
5. Язык памятников Древней Руси.
6. Своеобразие письма древнерусской литературы.

Лекция 2

ВОЗНИКНОВЕНИЕ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

План:

1. Вопросы появления русской письменности.
2. Древнехристианская книжность на Руси.
3. Апокрифы.

В XIX веке, а отчасти и в XX веке, господствовало убеждение, что русская письменность появилась с христианством, что до крещения Руси не было письменности и книг. Первыми памятниками на Руси считались древнеболгарские книги, написанные на древнеболгарском языке. Такое восприятие русской письменности вытекало из тех общих представлений о происхождении русской культуры и культуры всех славянских народов у учёных, согласно которым всем этим варварским /славянским/ народам Византия несла не только религию, но и культуру, идею государственности, просвещение, вплоть до создания алфавита-кириллицы, ставшего основой их письменности. Исследования советских ученых установили местные корни русской культуры.

В вопросе о появлении русской письменности оставались без внимания внутренние потребности русского общества в письменности, исторический рост русского общества, и внутренняя обусловленность появления письменности как одного из факторов исторического прогресса.

В развитии русской письменности официальное принятие христианства сыграло крупную роль, но эта роль, как уже сейчас совершенно ясно, была ролью подсобной, а не основной. Потребности в письменности на Руси заметно выросли задолго до официального введения христианства как государственной религии, и само введение христианства, в конечном счете, ответило тем же потребностям русского общества, которые и вызвали появление письменности. Следовательно, основной вопрос состоит в выяснении внутренних потребностей русского общества в письменности, связанных с особенностями его социально-экономического развития.

Обратимся к древнейшим свидетельствам о русской письменности. Как видно из древних источников, письменность уже в первой половине X века использовалась при заключении договоров с греками. Она употреблялась для записи того русского текста перевода, который должен был храниться у русских. В самих текстах договоров читаем свидетельства о русской письменности. Так, в договоре Олега с греками от 911 года имеется свидетельство о наличии у русских письменных завещаний. В договоре Игоря с греками 944г. имеется статья, свидетельствующая о наличии письменных

документов в обычных мирных сношениях Руси с другими странами. Из этой статьи видно, что русские обязывались снабжать письменными документами корабли, отправляющиеся в Византию. В данном случае не важно, на каком языке должны были быть написаны эти грамоты: на греческом или на русском, важно отметить все возрастающую потребность в письменности во внешних сношениях Руси. Применение письменности на Руси было очень разнообразно, отвечало потребностям русского общества в письменности. Известно свидетельство арабского писателя Ибн-Фадлана о восточно-славянской письменности. В своей книге о путешествии по Волге в 920 – 921 годах, Ибн-Фадлан рассказывает о том, что над могилой знатного русса, погребение которого он наблюдал на Волге, «соорудили нечто вроде круглого холма, воткнули в середину большой кусок белого тополя, написали на нем имя того мужчины и имя царя руссов, и удалились». Образец русской письменности, принадлежащий X веку, приводит и арабский писатель Ибн-эль-Надим. Многочисленные надписи обнаружены археологами. Например, в одном из Гнездовских курганов под Смоленском на обломках глиняного сосуда обнаружена надпись первой четверти X века. Надпись эту М.Н.Тихомиров читает как «гороухица», а П.Я.Черных как «гороушна», но с одним и тем же значением «горчица». В XI веке надписи встречаются на шиферных пряслицах, обозначая владельца, на кирпичках и некоторых других изделиях ремесла, служа своего рода ремесленными марками или знаками собственности. При раскопках в Неревском конце Новгорода в 1951 и 1952 годах найдено большое число грамот, написанных на бересте. Самые поздние грамоты относятся к XVI веку, самые ранние к XI веку. Наибольший интерес среди этих грамот представляют письма, некоторые из которых относятся к XI веку. Эти письма составлены в демократической среде, о чем свидетельствует их содержание, что в свою очередь говорит о распространении грамотности.

Таким образом, письменность нашла широкое применение и помимо церковной богослужебной литературы ещё прежде, чем отдельные рукописи начали проникать на Русь через Болгарию после введения христианства. Это сказалось и на последующей судьбе письменности на Руси в XI – XII вв.

X век застаёт русскую письменность уже с довольно широким диапазоном применения: договора и сношения с иноземными государствами, крупная торговля (надписи на сосудах о содержимом), новые имущественные отношения (письменные завещания, надписи, удостоверяющие собственность), развитое ремесло (подписи автора, заменившие прежние родовые знаки собственности), почитание знатных умерших (надпись на могиле русса), повидимому, и развитый языческий культ (пророчество, написанное в храме). Такое многообразное применение свидетельствует о том, что к X веку письменность прошла долгий путь развития, по крайней мере не менее века, а вероятнее, и значительно больше.

Большинство отмеченных случаев применения письменности свидетельствует о том, что письменность появилась уже в развитом классовом обществе. Потребности государства, торговли, потребности ремесла, развитых представлений о собственности – вот что вызвало и поддержало на Руси появление письменности. При этом возможно, что единого начала письменности на Руси и не существовало, что различные алфавиты употреблялись в различных местах восточнославянской территории. Письменность возникла еще до образования относительно единого древнерусского государства, так что происхождение письменности на Руси могло не быть единым. Древним алфавитом могла быть глаголица, но рядом с глаголицей могли употребляться греческие буквы. Археологи неоднократно находили на территории восточных славян предметы с непонятными знаками, напоминавшими буквы неизвестного алфавита. Многоалфавитность древнейшей стадии письменности у восточных славян не подлежит сомнению.

Письменность явилась не результатом индивидуального изобретательства или «переноса», а следствием потребностей в ней, появившихся в классовом обществе, хотя сама письменность и не носила классового характера. Этим потребностям могли отвечать и индивидуальные изобретения собственных алфавитов и алфавиты соседних государств, обладавших уже развитой письменностью. Таким образом, дохристианская русская письменность носила деловой характер и была многоалфавитна.

Принятие христианства способствовало установлению единого алфавита и приданию письменности, помимо делового, книжный характер. Наиболее совершенный алфавит, которым Русь начала пользоваться с X века – кириллица – был изобретен в Болгарии в IX веке и оттуда перенесен на Русь. Алфавит этот был создан Константином (Кириллом) Философом на основании литургического греческого письма с прибавлением букв, для обозначения чисто славянских звуков. Этот алфавит подвергся частичному изменению в эпоху Петра I и в 1917 году.

Вопрос о происхождении письменности гораздо шире, чем вопрос о происхождении того или иного алфавита. Подобно тому, как невозможно с точностью установить, когда именно возникло Русское государство, в каком году, в какое десятилетие, поскольку формы государства возникали и развивались постепенно, так, очевидно, никогда не удастся установить – когда именно возникла русская письменность, кто именно и в каком году «изобрел» или «принес» ее на Русь.

Нельзя, конечно, преуменьшать значение христианской церкви на Руси в развитии письменности. Однако церковь и церковная письменность имеют отношение не к первому, а ко второму этапу возникновения русской письменности. Она способствовала ее развитию, но не определяла те

причины, которые действовали изнутри, которые, по существу, были, конечно, самыми важными факторами в этом процессе.

ДРЕВНЕХРИСТИАНСКАЯ КНИЖНОСТЬ НА РУСИ

Принятие христианства сопровождалось притоком на Русь книжности, призванной уяснить и развивать основные положения христианства. Христианская книжность расширяла горизонт древнерусского писателя и читателя, знакомила с новыми общественными, нравственными и юридическими понятиями. Пополняла тот запас средств словесного выражения, который уже имелся в русском языке. Языческая Русь должна была воспользоваться главнейшими, давно уже выработанными и устоявшимися видами церковно-христианской литературы, без которого не возможны были укоренение и пропаганда нового вероучения и нового мировоззрения. Таковыми являлись: библейские книги **«Ветхого» и «Нового» завета**; апокрифические сказания; произведения житийной (агиографической) литературы; религиозно окрашенные исторические хроники, излагавшие исторические факты в свете церковно-христианской идеологии; сочинения по вопросам миротворения и устройства вселенной; сочинения отцов церкви, посвященные вопросам христианской догматики и морали и др. Это была литература, созданная в Византии и в переводах распространявшаяся на Руси.

Прежде всего древней Русью были заимствованы библейские книги Ветхого и Нового завета. Книги эти содержали легендарные и мифологические сказания, народные поверия, юридические предписания, религиозную публицистику, эпические и лирические произведения религиозного и светского характера, исторические сочинения, почти исключительно основанные на преданиях, достоверность которых минимальна, как минимальна и достоверность авторства отдельных частей Библии.

Библия (от греческого книга) – «священная книга» иудеев и христиан. Она разделяется на две части – более древнюю и более новую, именуемые в христианском богословии соответственно Ветхим заветом и Новым заветом. Христианские и иудейские богословы учат о «божественном» происхождении Библии, она будто бы написана по «внушению Бога»: Ветхий завет – Моисеем и другими пророками, Новый завет – учениками Христа, согласно христианскому вероучению.

Ветхий завет написан на древнееврейском (отчасти на арамейском) языке и почитается иудеями и христианами. Это комплект иудейских священных книг. Название Ветхого завета дано этим книгам христианскими церковниками в отличие от Нового завета, состоящего из сочинений, написанных идеологами христианства. Ветхий завет иудейские богословы

именуют **Танахом**. В нем собраны разнообразные по форме и содержанию религиозные произведения, создававшиеся на протяжении огромного исторического периода – с XIII по II век до н.э. Согласно иудейскому и христианскому вероучению, Ветхий завет является священным писанием, вдохновленным Богом Яхве. Сохранились две редакции Ветхого завета: древнееврейская, так называемая масоретская, и «семидесяти толкователей» или Сентуагинта, - древнегреческий перевод Ветхого завета, выполненный в Александрии во II веке до н.э. Согласно масоретскому канону, Танах состоит из трех отделов:

Пятикнижие (пять книг Моисеевых или **Тора**): Бытие, Исход, Левит, Числа. Второзаконие;

Пророки: Иисуса Навина, книга Судей, I и II-ая книга Самуила, I и II-ая книги Царей, Исаия, Иеремия, Иезекиль и 12 малых пророков;

Писания: Псалмы, Притчи Соломоновы, Песнь песней, Руфь, Плач Иеремии, Екклесиаст, Есфирь, Даниил, Юдиф, Эзра, Иеремия, 1 и 2-ая книги хроник.

Доказано, что Библия представляет собой пестрое собрание литературных произведений различных форм и жанров, носящих преимущественно религиозный характер. Помимо того, в Танахе имеются произведения (Екклесиаст, Есфирь, Руфь, Песнь песней и др.), которые по существу лишены религиозного содержания.

Первый раздел был составлен из фантастических сказаний о сотворении мира, о первых людях на земле, о легендарной истории древних народов и о всемирном потопе. В этом же разделе содержались правила религиозной и общественной жизни. Во втором разделе находились сочинения, приписываемые древним пророкам, на самом же деле имевшие фольклорную основу. Сочинения эти обличали нравственное несовершенство людей, призывали их к покаянию, к исправлению недостатков и угрожали страшными карами в случае непослушания.

К разделу «Писаний» относились наиболее популярные среди христианских читателей книги: 1. Псалтырь, представляющая собой собрание как религиозных, так и светских гимнов и песен; 2. Притчи Соломоновы; Премудрости Соломона; Премудрости Иисуса, сына Сирахова – сборники фольклорных изречений, афоризмов, рассказов на разные житейские темы. 3. Книга Иова, повествующая о всевозможных страданиях человека, вознагражденного впоследствии за его долготерпение. 4. Екклесиаст – пессимистическое раздумье о бессмысленности человеческой жизни. 5. «Песнь песней» – одна из величайших мировых поэм о любви мужчины и женщины. 6. Книга Есфирь, рассказывающая о бесстрашной женщине, спасшей смелым ходатайством перед царем Артаксерксом свой народ от истребления. 7. Неканоническая книга о Юдифи, описывающая подвиг

девушки-патриотки, отправившейся в лагерь врагов и хитростью убившей их начальника Олоферна, и некоторые другие легенды.

Новый завет написан на греческом языке и почитается только христианами. Христианская или новозаветная часть Библии в основном сложилась во втором веке нашей эры, когда составилась так называемый новозаветный канон. Основой Нового завета является **Евангелие** (жизнеописание Христа). «Новый завет» состоит из четырех Евангелиев (от Марка, Луки, Матфея и Иоанна), из Деяний и Посланий апостолов и Апокалипсиса, самой древней части, составленной в I веке н.э., или откровение Иоанна Богослова.

Первые четыре книги заключают в себе изложение основ христианского вероучения, Деяния и Послания апостолов являлись истолкованием и дополнением, а в Апокалипсисе изображалась картина будущего конца мира, второго пришествия Христа на землю и суда его над грешными и праведными людьми.

Новый завет представляет важный источник по истории раннехристианской церкви, отражая эволюцию христианства, превратившегося из религии угнетенных слоев общества в религию, защищавшую интересы эксплуататорских классов. Книги Нового завета, являющиеся главными «священными книгами христиан», проповедуют основы христианской морали (смирение, непотворение злу, отрешение от «мирских» интересов и т.д.).

В качестве переводной литературы, полученной древней Русью из Византии после крещения, была историческая и естественно-научная литература средневековья. Уже в XI веке на Руси стали известны византийские хроники Иоанна Малалы Антиохийского, жившего в VI веке, и Георгия Амартола (Грешника), писавшего в IX веке. На основе этих произведений в XI – XII вв. на Руси возникла первая редакция, а в XIII в. – вторая редакция Елиинского и Римского летописца.

К естественнонаучной литературе относятся «Шестоднев» и «Физиолог». В «Шестодневе» рассказывалось подробно о том, как в течение шести дней был сотворен весь мир, изложены средневековые взгляды на природу. В «Физиологе» содержались сведения об окружающем человека мире, но и они истолковывались символически в соответствии с христианским мировоззрением.

Представление об устройстве вселенной давала книга «Христианская топография» Козьмы Индикоплова, т.е. плователя в Индию, жившего в VI веке н.э. в Александрии. Большой популярностью пользовались сборники афоризмов и изречений. Были известны на Руси и переводы светской византийской литературы: романы, повести, поэмы (Александрия, Девгениево деяние, Повесть об Акире Премудром, Повесть о Варлааме и Иоасафе).

Широкое распространение имели сочинения отцов церкви (патриотическая литература), преимущественно Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина, Василия Великого, Иоанна Дамаскина, Афанасия Александрийского, Геннадия Константинопольского.

АПОКРИФЫ

К числу переводной литературы принадлежат апокрифы, связанные с библейской тематикой. Слово «апокрифический» в переводе означает «тайный», «сокровенный», «доступный особо умудренным», а не широкой массе. При таком понимании слова в апокрифах, как в дохристианскую эпоху, так и в первые века христианства, не усматривалось чего-нибудь вредного, находящегося в противоречии с канонической литературой, а, наоборот, апокриф как род литературы для избранных, пользовался особым уважением и почетом. В дальнейшем апокрифы были использованы еретиками, ставшими в оппозицию к официальной церкви. В некоторых апокрифах нашло отражение критическое отношение еретиков к основным положениям канонической христианской литературы, утвержденным ортодоксальной церковью. Встала необходимость установления твердого круга религиозно-церковной литературы, заслуживающей истинного и полного доверия, литературы, получившей название канонической. Кроме канонической существовали писания двоякого рода – не обладающие всецело авторитетом святости, но, как не противоречащие канону, не считающиеся вредными, а потому допускаемые к обращению, и безусловно вредные, поддельные, фальшивые и потому отвергаемые церковью, «отреченные». В дальнейшем средний разряд произведений – дозволенных к обращению – теряет свое самостоятельное значение, а понятия «фальшивые» и «отреченные» становятся однозначными с понятием «апокриф». Таким образом «отреченная книга» стала «апокрифической».

Как видим, апокрифы на христианской почве представляли собой такого рода легендарно-религиозную литературу, которая тематически будучи тесно связана с каноническим писанием Ветхого и Нового заветов, в своих сюжетах и трактовке их заключала «еретические» элементы, отвергаемые ортодоксальным церковным учением.

Следует отметить, что и канонические библейские книги, в том числе и Евангелие, принадлежат к разряду легендарно-религиозной литературы, но библейская легенда, будучи использована официальной церковью в своих интересах, была ею санкционирована, тогда как легенда апокрифическая, расхваливаясь с канонизированной легендой своей трактовкой, официальной церковной санкции не получила.

К апокрифическим произведениям относились: отдельные памятники житийной литературы («Мучения Федора Победоносца»), литература

апокалипсического и эсхатологического содержания, где толковались вопросы о конечных судьбах мира («Хождение Богородицы по мукам», «Откровение апостола Павла», «Откровение Мефодия Патарского»), памятники богомильские («Как Бог создал Адама»), памятники катехизические, написанные в форме вопросов и ответов о самых разнообразных предметах («Беседа трех святителей») и «ложные» молитвы, заговоры, астрологические и гадательные книги. Формальное отнесение того или иного памятника к апокрифам определялось занесением его в «индекс», в список «ложных» или «отреченных» книг. Подчас явно апокрифический по своему характеру памятник не подвергался преследованию только потому, что он не попал в индекс или не попала в индекс та компиляция, в которую он входил. На Русь индексы перешли из Византии в XI веке. В «Святославовом изборнике» 1073 года помещена переведенная с греческого статья «Богословьца от словес», в которой наряду с книгами «истинными» и такими, которые к «истинным» не причисляются, перечислены и книги «сокровенные», т.е. апокрифические.

Апокрифическая литература использовала сюжеты Библии и Евангелия, но по-новому трактовала их, широко используя элементы фольклора. Благодаря этому, освещение многих сторон христианства получало в апокрифах более конкретный характер нежели в официальных церковных книгах. Киевские книжники воспользовались апокрифами, которые бытовали в Болгарии среди богомилов. **Богомильская ересь** – своеобразная религиозная форма социального протеста народных масс против эксплуатации церковниками и светскими феодалами. Они считали, что в мире господствуют две равные силы: добра – бога и зла – дьявола. Бог ведает духовным началом, дьявол – плотским, материальным. Задача человека – вести борьбу с материальным началом путем нравственного самоусовершенствования и аскетизма. Одно такое сказание зафиксировано в «Повести временных лет» под 1071 годом в легенде о сотворении Богом человека. Апокрифы эти давали наглядное представление о власти дьявола. В этом отношении интересен апокриф «Како Бог сотвори Адама». Бог и дьявол выступают как две равновеликие силы. В то время, как Бог творит человека, дьявол всячески старается напакостить своему противнику: мажет тело Адама нечистотами, наносит телу 70 ран и свой поступок дьявол оправдывает вещей пользой самого Бога – ведь если у человека ничего не будет болеть, то он никогда не вспомнит о своем творце – Боге. Таким образом, библейская легенда приобретала в апокрифе живое конкретное звучание и, конечно, была более доходчива для вчерашнего язычника, чем сухой и лаконичный рассказ Библии.

Большой популярностью пользовались апокрифы, связанные с именем библейского царя Соломона. Образ царя, побеждающего в состязании по мудрости царицу Савскую (в апокрифе Югискую), творящего

нелицеприятный суд, хитростью заставляющего демоническое существо Китовраса служить себе, был близок к русскому фольклору. Запросам времени отвечало апокрифическое «Сказание Афродитиана», в котором подчеркивалась закономерность и неизбежность смены язычества новой христианской религией, в результате чего наступило «окончание чести идолам».

Значительный интерес представляли апокрифы **эсхатологические**, развертывающие фантастические картины потусторонней жизни, конца мира. Эта группа апокрифов являлась действенным средством воспитания и пропаганды христианской морали, наглядно изображая христианскую идею «воздаяние в веке будущем» за соответствующие поступки в земной жизни.

Остановимся на эсхатологическом апокрифе «Хождение Богородицы по мукам», весьма популярном на Руси на протяжении многих веков. Апокриф этот перешел на русскую почву через югославское посредство и по своему содержанию очень близок к дошедшему до нас византийскому тексту памятника. Древнейший русский список относится к XII веку. Содержание апокрифа следующее: Богородица в сопровождении архангела Михаила спускается в ад, где перед ее взором открываются мучения грешников. Здесь в аду мучаются не верившие в Троицу и в Богородицу; почитавшие языческих Богов; проклятые своими родителями; людоеды; нарушители крестной клятвы; сплетницы; те, кто пропускал пасхальную заутреню; клеветники, разлучавшие брата с братом, мужа с женой; попадьи, не почитавшие своих мужей и после их смерти вторично выходявшие замуж; монахини-блудницы, блудники; воры; пьяницы; немилостивые князья, епископы, патриархи, цари, не творившие воли божьей; сребролюбцы-ростовщики и беззаконники. Они погружены в огненную реку – кто до пояса, кто по пазуху или до шеи, а кто и доверху, другие лежат на постелях, объятых пламенем, третьи подвешены на железных деревьях за зуб, за язык или за ноги, четвертых поедает змея, грызет червь и т.д. Богородица с состраданием относится к мучениям грешников, сама хочет мучиться с ними в аду и лишь однажды выражает одобрение наказаниям, которым подвергаются грешники. На ее вопрос, кто эти грешники, узнает, что это евреи, которые мучаются за распятие ее сына Христа и вместе с ними – отступники от христианской веры, а также творящие блуд с кумами, матерями и дочерьми, отравители и убийцы, о них она говорит – «По делам их буди тако». Богородица, увидев зрелища ада, обращается к Богу с мольбой о помиловании грешников. В помощь себе она призывает ангельский чин, пророков и силы небесные, все они обращаются к Богу. Снисходя к настойчивым просьбам, Бог дает ежегодный покой грешникам от великого четверга до пятницы (около двух месяцев). В русском тексте, в отличие от греческого, среди грешников, мучающихся в аду, есть и такие, которые почитали славянских языческих богов – Трояна, Хореса, Велеса, Перуна.

Но почему памятник, красочно изображавший адские мучения, способные утратить грешников и внушить им мысль о необходимости праведной жизни, был отнесен к числу «ложных» книг и запрещался церковью? Видимо потому, что он заключал в себе критическую переоценку, как бы ревизию традиционных представлений о божеской справедливости. Живое участие Богородицы к мучениям грешников, заставляющее ее то и дело проливать слезы, противопоставляется суровому и безучастному божьему суду. Весь апокриф проникнут свободомыслящим отношением к установленным религией нормам и понятиям; он не щадит грешников не только рядовых, но и таких, которые в силу своего иерархического положения, были под защитой официальной церкви: епископов, патриархов, черниц, немилостивых князей и царей, не творящих воли божьей. «Хождение» отразило в себе оппозиционное отношение известной группы верующих к учению ортодоксальной церкви и одновременно моральное переосмысление прямолинейно-бездушной официальной христианской доктрины. Центральная фигура апокрифа – Богородица – при всей своей эпичности, отличается свойствами реальной человеческой личности, она рисуется как деятельно сострадающее людскому горю существо, но вместе с тем и как рядовая женщина-мать, которой свойственно чувство озлобления, когда дело касается участи ее сына. Богородица противопоставлена в апокрифе жестокому, равнодушному к человеческим скорбям Богу. Апокриф резко расходился с канонической церковной литературой в трактовке божьей справедливости, давая наглядное представление об адских мучениях, которые ожидают грешников на том свете.

Занимательность рассказов, яркость, конкретность и образность изложения, близость к устным народным легендам способствовали популярности апокрифов в древнерусской литературе. Они вбирали в себе черты русской действительности, использовали фольклорные элементы и переходили в устные легенды, в духовные стихи.

Вопросы и задания:

1. Древнейшие свидетельства о русской письменности.
2. Роль переводной литературы на развитие древнерусской литературы.
3. Виды апокрифических произведений.

Лекция 3

ПЕРЕВОДНАЯ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА ДРЕВНЕЙ РУСИ

План:

1. Роль переводной литературы в формировании и развитии литературы Древней Руси.
2. «Шестоднев» и «Физиолог».
3. «История Иудейской войны» («Повесть о разорении Иерусалима»).
4. «Повесть об Акире Премудром».
5. «Повесть о Варлааме и Иоасафе».

В связи с принятием христианства в Киеве развивается переводческая деятельность, достигающая своего расцвета в 30-40-ые годы XI века, о чем свидетельствует «Повесть временных лет» под 1037 годом. В соответствии с запросами времени, в первую очередь переводились богослужебные книги, сборники житий, творения «отцов церкви», церковно-исторические и естественно-научные произведения. Однако русские переводчики не прошли мимо светской литературы, которая по характеру своего идейно-художественного содержания соответствовала духу времени. Древнерусские книжники перевели с греческого языка ряд воинских, исторических и дидактических повестей, способствовавших упрочению того светского идеала, который пропагандировала оригинальная литература. Переводчики не ставили своей целью точную передачу оригинала, а стремились максимально приблизить его к запросам своего времени и своей среды. Поэтому переводные произведения подвергались редакционной правке – известной русификации. На древнерусский язык были переведены в XI веке исторические хроники Иоанна Малалы Антиохийского, Георгия Синкелла, Георгия Амартола, излагавшие события мировой и византийской истории с христианской точки зрения. Хроника Иоанна Малалы (VI в.) носила преимущественно светский характер и включала в свой состав много языческих мифологических рассказов. Поэтому, очевидно, она не пользовалась популярностью на Руси. Хроника Георгия Синкелла (VIII в.) доводила изложение только до императора Диоклетиана (III в.) и также не получила широкого распространения. Популярностью пользовалась хроника Георгия Амартола, созданная в IX в. и дополненная Симоном Логофетом в X веке. В этой хронике преобладала церковно-дидактическая точка зрения на исторические события, изложение которых было доведено до 948 года. Материалы этой хроники служили не только назидательным чтением, они знакомили с событиями мировой истории, давали возможность русским

летописцам правильное уяснить место Русской земли в исторических судьбах мира.

Своеобразной средневековой «естественно-научной» энциклопедией являлись «Шестоднев» и «Физиолог». Большой популярностью в средневековой христианской литературе пользовались шестодневы, комментирующие краткий библейский рассказ о сотворении Богом неба, звезд, светил, земли, живых существ, растений и человека в течение шести дней. Это своего рода свод сведений о живой и неживой природе, которыми располагала тогда наука. На Руси были известны «Шестоднев» Иоанна, экзарха болгарского, «Шестоднев» Севериана Гевальского и «Шестоднев» Георгия Пизиды. «Шестоднев» Иоанна – это компилятивное сочинение, но используя множество источников, автор дополнил свой труд собственными рассуждениями. Произведение состоит из пролога и шести «слов», в которых рассказывается о небесных светилах, о Земле, об атмосферных явлениях, о животных, о растениях и о человеке. Все эти сведения, отражавшие естественнонаучные представления того времени, иногда откровенно фантастичные, пронизаны одной и той же идеей: восхищением перед мудростью Бога, создавшего такой прекрасный, многообразный, разумно устроенный мир. Описанию животных, как реальных, так и фантастических, посвящен «Физиолог». При этом истолкование давалось в духе христианского мировоззрения. Описываемые свойства животных объяснялись как определенное состояние человеческой души. Каждый рассказ сообщал о свойствах существа или предмета, а затем давал символическое истолкование этим свойствам.

С устройством мироздания ознакомился русский человек по «Христианской топографии Козьмы Индикоплова (плавателя в Индию)». Опираясь на священное писание, Козьма доказывал, что земля – плоскость, омываемая со всех сторон океаном. По углам находится стена из гор, к которой прикреплено видимое небо. По этому небу движутся светила: солнце, луна, звезды. Их движением ведают специальные ангелы, следящие за правильной сменой дня и ночи. Всего же небес семь, а на седьмом небе, невидимом, пребывает сам господь Бог.

В конце XII века был составлен сборник изречений «Пчела».

Отбор произведений, подлежащих переводу на древнерусский язык, определялся потребностями верхов феодального общества. Задачи упрочения христианской морали, новой религии стояли на первом плане, и это обусловило преобладание церковной переводной литературы над светской. Этими же задачами определялся выбор светской повествовательной литературы, которая в свою очередь содействовала выработке светского идеала.

Большой популярностью пользовалась повесть «Александрия», посвященная жизни и подвигам прославленного полководца древности

Александра Македонского. Повесть эта, созданная после смерти Александра (умер в 323 г. до н.э.), приписывалась перу ученика Аристотеля – Каллисфена. Но Каллисфен умер раньше Александра, поэтому эту древнюю редакцию называют псевдокаллисфеновой. На древнерусский язык повесть переведена в XI- XII вв. Повесть воспринималась как чисто историческая, посвященная описанию жизни и деятельности реальной исторической личности. Она рассказывала о его необычайном рождении, о его подвигах, воинской доблести, завоеваниях земель, изобилующих всякими чудесами, о ранней его смерти и рисовала Александра как героя, наделенного большим умом, мудростью, жаждой знаний и незаурядными физическими и душевными качествами.

Образ мужественного воина-христианина, защитника границ своего государства, стоит в центре переводной повести «**Девгениево деяние**». Повесть состоит из двух самостоятельных частей, первая рассказывает о родителях Девгения: отец его арабийский царь Амир, а мать гречанка, похищенная Амиром, но выреченная своими братьями. Она выходит за Амира после того, как тот принимает христианство. Вторая часть посвящена описанию подвигов Девгения. Девгений изображается прекрасным юношей, который отличается необыкновенной силой с детских лет. В гиперболическом, чисто былинном плане подчеркивается мужество, сила, храбрость юного Девгения. Присутствует в повести и характерный для фольклора мотив змеборчества: Девгений побеждает четырехглавого змея. Подобно героям русской сказки, Девгений добывает себе невесту – прекрасную Стратиговну, побеждает ее отца и братьев. Вместе с тем Девгений – благочестивый христианский герой: все свои победы он одерживает благодаря постоянному упованию на Бога и божью силу.

В XI – XII вв. была переведена на древнерусский язык «**История Иудейской войны**» известного еврейского историка Иосифа Флавия под названием «**Повесть о разорении Иерусалима**». Повесть охватывает большой круг событий – от 167 г. до н.э. до 72 г. н.э. Центральное место занимает описание борьбы восставшего еврейского народа против римских легионов. В переводе широко используются стилистические формулы воинских повестей, отсутствующие в греческом подлиннике. Вообще переводчики внесли свои дополнения, к которым относятся вставки об Иисусе Христе и Иоанне Крестителе, резкие выпады против римлян и отрицательная характеристика Ирода Великого. Древнерусского читателя повесть привлекала своим историзмом (она являлась как бы продолжением Библии) и красочностью описаний военных событий.

Популярность «Истории» была весьма велика и не только потому, что в ней повествовалось об одном из важных событий всемирной истории: насыщенная боевыми эпизодами, она была созвучна русскому читателю, самому неоднократно испытывавшему тяготы войн и вражеских нашествий.

Средством пропаганды новой христианской морали служили дидактические переводные повести, к которым относятся **«Повесть об Акире Премудром»** и **«Повесть о Варлааме и Иоасафе»**.

«Повесть об Акире Премудром» – сирийская повесть. Центральное место в повести занимает образ идеального советника царя, мудрого и добродетельного Акира. Деятельность его подчинена заботам о благе своего государства. Основную часть составляют нравоучения – это небольшие притчи, завершающиеся афоризмами. В русском переводе повесть была приспособлена к привычным формам христианской нравоучительной литературы. Нравоучительные притчи и афоризмы повести постепенно приобрели самостоятельное значение и включены были в сборник «Пчела», становясь пословицами.

В «Повести» рассказывается, как Акир, советник царя Адорской и Наливской стран (т.е. Ассирии и Ниневию) Синагрипа, по божественному указанию усыновляет своего племянника Анадана. Он вырастил и воспитал его, научил всей премудрости и, наконец, представил царю как своего ученика и преемника. Однако Анадан начинает бесчинствовать в доме Акира, а когда тот пытается его обуздать, осуществляет коварный замысел: подделав почерк Акира, Анадан составляет подложные письма, которые должны будут убедить Синагрипа, что Акир замышляет государственную измену. Царь потрясен мнимой изменой своего советника, а Акир от неожиданности не может оправдаться и лишь успевает испросить разрешение, чтобы вынесенный ему по настоянию Анадана смертный приговор привел в исполнение старый его друг. Акиру удается убедить друга в своей невиновности, друг казнит вместо Акира преступника, а самого Акира прячет в подземелье.

Египетский фараон, услышав о казни Акира, посылает послов к Синагрипу с требованием, чтобы кто-либо из его приближенных построил дом между небом и землей. Синагрип в отчаянии: Анадан, на которого он рассчитывал, отказывается помочь, говоря, что выполнение этой задачи под силу только богу. Тогда друг Акира сообщает царю, что опальный советник жив. Царь посылает Акира в Египет, где он отгадывает все хитроумные загадки, которые предлагает ему фараон. Акир принуждает фараона отказаться от требования о постройке дома: обученные Акиром орлицы поднимают в поднебесье мальчика, который просит подавать ему камни и известь, а египтяне, естественно, не могут этого сделать. Получив дань за три года, Акир возвращается к Синагрипу, приковывает Анадана у крыльца своего дома и начинает укорять его за содеянное зло. Напрасно Анадан молит о прощении. Не выдержав язвительных попреков Акира, он раздувается, «как кувшин», и лопается от злости.

Повесть эта интересна как остросюжетное произведение, где разоблачается коварство и торжествует правда и справедливость.

«Повесть о Варлааме и Иоасафе» прославляет победу христианства над язычеством. Повесть напоминала о недавних событиях, связанных с принятием христианства Русью и служила средством борьбы с пережитками язычества. Повесть убеждает (в лице Варлаама) в истинности христианского вероучения. Героем повести выступает сын индийского царя Авенира Иоасаф, который убеждается в суетности быстропреходящей земной жизни. Он начинает думать над вопросом – «есть ли иная жизнь». Разрешить этот вопрос помогает Иоасафу отшельник Варлаам. Он проповедует Иоасафу христианское учение и крестит его. Попытки Авенира отвратить сына от новой веры оканчиваются неудачей, и сам Авенир вынужден признать правоту сына и принять христианство.

Если «Повесть об Акире Премудром» многими своими элементами напоминает волшебную сказку, то «Повесть о Варлааме и Иоасафе» тесно сближается с агиографическим жанром, хотя в действительности в основе ее сюжета лежит легендарная биография Будды, пришедшая на Русь через византийское посредство.

Вопросы и задания:

1. Особенности развития переводческой деятельности на Руси.
2. «Шестоднев» и «Физиолог» – своеобразная средневековая «естественно-научная» энциклопедия.
3. «Повести об Акире Премудром и Варлааме и Иоасафе» – дидактические переводные повести.

Лекция 4

ЛИТЕРАТУРА КИЕВСКОЙ РУСИ

План:

1. «Слово о законе и благодати Илариона».
2. «Поучение» Владимира Мономаха».

«СЛОВО О ЗАКОНЕ И БЛАГОДАТИ» ИЛАРИОНА

Политические идеи Ярослава Мудрого получили наиболее яркое воплощение в «Слове о законе и благодати» пресвитера загородной дворцовой церкви Ярослава в Берестове – Илариона, ставшего затем первым киевским митрополитом из русских. Тема «Слова» – тема равноправности народов, резко противостоящая широко распространенным в средневековые теории вселенской церкви (теориям всемирной власти императора «Священной римской империи», византийского императора или папы). Иларион указывает, что евангелием и крещением бог «все народы спас», прославляет русский народ среди народов всего мира и резко полемизирует с учением об исключительном праве на вселенское господство Нового Рима – Византии. Все эти идеи изложены в «Слове» с точностью и ясностью, что отчетливо отразилось в самом названии памятника – «Слово – о законе Моисеем данном и о благодати и истине Иисус Христом бывшим и како закон отъиде, благодать /же/ и истина всю землю исполни и вера в вся языки простресея и до нашего языка (народа) русьскаго, и похвала кагану нашему Владимиру, от негоже крещени быхом (и молитва к богу от всеа земли нашеа)». «Слово» написано между 1037 – 1050 годами. Композиция «Слова» трехчастная. Первая часть произведения касается основного вопроса исторических воззрений средневековья: вопроса взаимоотношения двух заветов – Ветхого и Нового – «закона» и «благодати». Взаимоотношение это рассматривается Иларионом в обычных символических схемах христианского богословия, в последовательно проведенном символическом параллелизме. Но подбор этих традиционных символических противопоставлений оригинален – Иларион создает собственную патриотическую концепцию всемирной истории. Он настойчиво выдвигает вселенский, универсальный характер христианства, Нового завета, «благодати», сравнительно с национальной ограниченностью Ветхого завета, «закона». Подзаконное состояние при Ветхом завете сопровождалось рабством, а «благодать», Новый завет – свободой. «Закон» сопоставляется с тенью, светом луны, ночным холодом; «благодать» – с солнечным сиянием, с теплотой. Взаимоотношение людей с богом раньше, в эпоху Ветхого завета,

устанавливалось началом рабства, несвободного подчинения – «закона». В эпоху же Нового завета – началом свободы – «благодати». Время Ветхого завета символизирует образ рабыни Агари, время Нового завета – образ свободной Сарры. В этом противопоставлении особенное значение Иларион придает моменту национальному – Ветхий завет имел временное и ограниченное значение. Новый завет вводит всех людей в вечность. Ветхий завет замкнут в одном народе, а Новый завет имеет всемирное распространение. Иларион доказывает, что все народы равны в своем общении с Богом.

Во многих укорах Ветхому завету можно видеть прямые укоры Византии, стороннице не свободного, а рабского наделения христианством. Прямою угрозой по адресу Византии (Константинополя) звучали напоминания Илариона о конечном разорении Иерусалима за стремление замкнуть в себе дело религии. Подчеркнув значение новых народов в истории христианского учения, Иларион свободно и логично переходит затем ко второй части своего «Слова», сужая тему, – к описанию распространения христианства на Русской земле. Иларион отмечает, что Русь равноправна со всеми странами и не нуждается ни в чьей опеке. Русскому народу принадлежит будущее, принадлежит великая историческая миссия. Патриотический и полемический пафос «Слова» растет по мере того, как Иларион описывает успехи христианства среди русских.

Патриотическое воодушевление Илариона достигает высшей степени напряжения в третьей части, посвященной прославлению Владимира Святославича. Органическим переходом от второй части к третьей служило изложение средневековой богословской идеи, что каждая из стран мира имела своим просветителем одного из апостолов. Есть на Руси кого хвалить, кого признавать своим просветителем. Иларион высоко ставит авторитет Русской земли среди стран мира. Он описывает военные заслуги Владимира, силу и могущество русских князей, славу Русской земли, чтобы показать, что принятие христианства могущественным Владимиром не было вынужденным, что оно было результатом свободного выбора Владимира и русского народа. Подчеркивая, что крещение Руси было личным делом князя Владимира, так как это позволяло ему соединить в нем «благоверия с властью», Иларион явно полемизирует с точкой зрения греков, приписывавших себе инициативу крещения «варварского» народа.

Затем переходит к описанию личных качеств и заслуг Владимира. Патриотический пафос достигает сильнейшей степени напряжения, когда, пространно описав просветительство Владимира, новую Русь и «славный град» Киев, Иларион обращается к Владимиру с призывом восстать из гроба и посмотреть на плоды своего подвига. Далее следует заключительная часть – молитва к Владимиру, пронизанная тем же патриотическим подъемом, патриотическою мыслью.

В стиле «Слова» Иларион использует метафорические сравнения, риторические вопросы и восклицания, повторения, прибегает к ритмизации речи. Благодаря этому «Слово» исполнено ораторской патетики, пафоса. Высокое художественное мастерство обеспечило «Слову о законе и благодати» большую популярность в средневековой письменности. Оно становится образцом для книжников XII –XV веков, которые используют отдельные приемы и стилистические формулы.

«ПОУЧЕНИЕ» ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

«Редко можно встретить в истории столь величественный и в то же время столь человечный образ, как Владимир Мономах. Эти свойства непосредственно вытекают из прямых о нём данных в средневековой книжности и поражают своей вековой стойкостью в ней. Свойства эти слагаются в образ ещё до научной их обработки и вызывают бережное к себе отношение». – А.Орлов.

В пору феодального средневековья среди правящей группы князья периодически встречаются деятели, которые поддерживали возможную законность в тогдашнем порядке и способствовали равновесию взаимоотношений феодалов. Не у всех таких лиц были одинаковы методы практики, и применявшиеся ими «средства оправдывались целью» в разной степени. Наибольшей близостью к желанному тогда образу государственного правителя отличался Владимир Мономах, как о том свидетельствуют история и легенда. Речи Мономаха, его автобиография и переписка сообщают единый цельный образ, всегда равный себе, созданный на основе принципов «духовной» теории и здоровой практики. Оригинал этого образа, Мономах, сам рекомендует его как пример хороших свойств и благого поведения. И, несомненно, этот образ так и воспринимается, будучи оправдан моралью духовной книжности и незапятнанной биографией героя.

Говоря о князе Ярославле и его сыновьях, летописец в 1053 году упоминает о рождении сына Всеволодова – Владимира «от царице грькыне». Это и есть Мономах, который так говорит о своем происхождении и «наименовании» в «Поучении» детям: «Аз худый дедом своим Ярославом, благословленным, славным, нареченый в крещении Василий, русьским именем Володимир, отцем възлюбленным и матерью своею Мьномахы...». Появление на свет Владимира Мономаха совпало со временем, когда только что наступил новый период в организации феодального управления Руси. Мономах родился в 1053 году, а в 1054 году умер его дед, Ярослав Владимирович, завещание которого обусловило дальнейшую историю совместного управления государством целым княжеским родом, которое заключалось в членении Русской земли между потомками Ярослава, при этом они передвигались по старшинству с менее выгодной области на

освобождающуюся лучшую. Самый старший в роде занимал «первостепенный стол» - киевский и являлся главой остального княжья и блюстителем государства в целом. Переход же областей по прямой линии – от отца сыну – был неприемлем как право. Но это приводило к несправедливости и произволу старших, и уже внуки Ярослава требовали прикрепления определенной вотчины к каждой линии, к каждому имени Ярославова рода. С ранней юности Владимир Мономах был вовлечен в водоворот усобиц, проистекавших главным образом от того, что, осиротевшие при жизни дедов или старших дядей, князья исключались не только из старшинства, но и из наследства. Не только не получали отцовских волостей, но даже часто и никаких.

Весной 1113 года умер великий князь «Михаил, зовемый Святополк». Киевляне собрали «совет» (вече) и послали к Владимиру Мономаху приглашение на «стол отцов и дедов». Признавая старшинство Святославичей, Владимир отказался. В Киеве происходило восстание. На отказ Владимира киевляне угрожали еще большим разгромом – даже княжеского двора и монастырей – и Мономах принужден был принять Киевское великое княжение. Прибыв в Киев в момент восстания низов против господствующих классов и, в частности, должников против своих кредиторов, рядом мер, в том числе и компромиссных, Мономах ликвидировал восстание 1113 года. Характер деятельности Владимира Мономаха очень ярко определен в послании митрополита Никифора, где Владимир называется «устраивающим словеса на суде, хранящим истину в веки, творящим суд и правду по среде земля». Владимир Мономах обратил внимание на безвыходное положение закупов и разных видов работ, он сделал попытку облегчить тяжелую участь народа. Однако, хотя его меры были направлены в сторону облегчения тяжелого положения угнетенных горожан и сельчан, реформатор отнюдь не собирался уничтожить привилегии господствующих классов. От его реформы не должны были особенно сильно пострадать ростовщики и землевладельцы.

Умер князь Владимир в 1125 году и по обычаю летописи сообщение о княжеской кончине сопроводили характеристикой и оценкой покойного. В отношении Мономаха эта характеристика отличается наибольшей содержательностью, похвала ему перекрывает шаблон летописных посмертных панегириков. Чувствуется особое внимание к этому государственному деятелю. За его труд и подвиг на благо Русской земли и за его высокое человеческое достоинство. Владимир Мономах был выдающимся государственным деятелем. Он своей политикой содействовал прекращению княжеских распрей и раздоров.

О его незаурядном таланте не только как политического деятеля, но и как писателя свидетельствует его **«Поучение чадам моим»**. В «Поучении» он обращается непосредственно к своим детям, но значение его выходит за

рамки узко семейные. Характерная особенность «Поучения» - тесное переплетение дидактики и автобиографических элементов. Обращаясь с наставлениями «к чадам своим», Мономах подкрепляет их не только сентенциями из текста «священного писания», но и в первую очередь конкретными примерами из собственной жизни. На первый план выдвигаются задачи государственные: князь должен заботиться о благе своего государства, строго и неукоснительно соблюдать клятвы и договора, не наступать на крестное целование, заботиться о бедных, думать о благе церкви, ради упрочения своей власти князь должен заботиться о «священническом чине». Мономах не рекомендует своим детям спасать свою душу в монастыре. Аскетический монашеский идеал чужд этому жизнелюбивому энергичному человеку. Но он призывает к неукоснительному соблюдению религиозной обрядности, к тому, чтобы спасти свою душу покаянием, слезами и милостыней. Князь должен быть стражем справедливости и не давать «сильным погубить человека». Он выступает как человек трудолюбивый, как ревностный поклонник просвещения. Одним из положительных качеств князя является щедрость, забота о приумножении и распространении своего доброго имени.

К «Поучению» примыкает письмо Владимира Мономаха к Олегу Святославичу черниговскому, помещённое в «Повести временных лет» под 1096 годом.

«Поучение» раскрывает облик незаурядного государственного деятеля русского средневековья, человека, в котором ярко воплотился светский идеал князя, которого заботит слава и честь родной земли.

Вопросы и задания:

1. Структура «Слова о законе и благодати» Илариона.
2. Художественные особенности «Слова...»
3. Роль Мономаха в объединении Руси.
4. Образ Владимира Мономаха.
5. Литературная форма «Поучения»

Лекция 5

ЛЕТОПИСАНИЕ

План:

1. Возникновение и развитие летописания.
2. «Сказанию о первых русских христианах».
3. Особенности русской летописи.
4. «Повесть временных лет».
5. «Повесть временных лет» как литературно-художественное произведение.

Переводная литература принесла на Русь несколько видов литературных произведений. Среди этих видов устойчивыми были прежде всего те, которые тесно связаны были с маломеняющимся церковным обиходом: различные типы житий, проповеди, апокрифы, поучения отцов церкви и др. Немало самостоятельных русских произведений писалось по их типу, только иногда видоизменялся их характер.

Светская литература на Руси не была связана косными формами церковных или каких-либо иных перенесенных из Византии обычаев. Вот почему светская литература, тесно примыкавшая к русской действительности, оказалась вполне самостоятельной не только по содержанию, но и по форме. Отдельные виды светской литературы складывались под влиянием требований русской жизни, менялись вместе с самой жизнью, впитывали в себя элементы реалистичности значительно быстрее, чем церковные виды. Наиболее значительный вид светской литературы древней Руси – **летописание**. На самой заре русской письменности и книжности возникает летописание, которому суждено было стать в идейно-политическом отношении господствующим и ведущим явлением в русской литературной культуре старого времени. Развитие летописания связано с двумя различными патриотическими потребностями: с одной стороны, с потребностью уяснить себе прошлое, уяснить происхождение различных явлений, а с другой – потребностью фиксировать настоящее, предохранить его от исчезновения в памяти потомства. В летописях различных областей эти потребности сказывались далеко не равномерно. В Киеве летопись возникает из исторических произведений о прошлом, которые дополняются записями о настоящем. В Новгороде же уже в XI веке своевременно записывались события с указанием точных дат. Эти записи велись как своего рода деловые документы: кратко, деловито, систематично. Потребность же в обзоре истории удовлетворялась

сравнительно сложной литературной работой, заключавшей в себе значительные элементы художественности. Киевское летописание – рассказ о прошлом, а новгородское – документ, фиксирующий настоящее для будущего.

Обращение к историческому прошлому было продиктовано самой действительностью. Необходимо было составить произведение, которое с русской, а не с византийской точки зрения излагало бы церковную историю Руси, так как церковный вопрос имел большое политическое значение. Принятие христианства Русью имело обоюдоострый характер. Оно, с одной стороны, приносило русскому народу высокую византийскую культуру, поднимало русское государство до уровня византийской государственности, с другой стороны – угрожало самостоятельности Руси, грозило превратить Русскую землю в провинцию империи. Греки считали, что только император ромеев мог быть единственным главою всех христиан. В словах апостола Павла «Бога бойтесь, а царя чтите» греки видели указание на то, что во вселенной должен и может существовать лишь один царь, власть которого была как бы тем самым освящена церковью. До самого падения Константинополя Византия постоянно пыталась привести «варварские» народы к признанию того, что все христиане являются одновременно и подданными византийского императора. После принятия христианства Русью, империя навязывала ей церковную организацию во главе с митрополитом или епископом-греком, становившимся фактически чиновником империи, на котором держалась связь новообращенного народа с императором и на которого возлагалась задача постепенного введения новых «ромеев» в состав Империи.

В годы княжения Ярослава Мудрого между молодым русским государством и Византией завязывается острая борьба. Русский князь всячески парирует все попытки Империи лишить русских церковной самостоятельности и превратить русскую церковь в агентуру империи. Ярославу удается поднять международный авторитет Руси и на основе общего подъема народного самосознания в первой половине XI века заложить прочные основания русской политической и церковной самостоятельности, русской книжности, русской архитектуры и изобразительного искусства. Политические идеи эпохи Ярослава Мудрого вызвали к жизни интерес к русскому прошлому. Именно в это время, в обстановке патриотического подъема, в первой половине XI века закладывается основание русской летописи, ее высокой идейности и своеобразной литературной формы. «Летопись – это один из самых ярких показателей высоты древнерусской культуры, – пишет академик Б.Д. Греков, – это не просто погодная запись событий, как часто приходится слышать и читать, это законченный, систематизированный труд по истории русского

народа и тех нерусских народов, которые вместе с русским народом были объединены в одно Киевское русское государство».

Происхождение русского летописания связывали с влиянием византийских хроник. Жанр русских летописных статей создавался далеко не сразу. Беря готовые образцы, под влиянием требований русской жизни, он изменял их и приобрел, наконец, ту характерную форму и особенности, которые составляют отличие русской хронографии от византийской и западно – европейской.

Для эпохи Ярослава Мудрого церковный вопрос имел большое значение. Необходимо было составить произведение, которое с русской, а не византийской точки зрения излагало бы церковную историю Руси. И так было составлено «Сказание о первоначальном распространении христианства на Руси», куда вошли рассказы о первых русских князьях Олеге и Игоре, о христианстве Ольги, о первых русских мучениках-варягах, о крещении Руси, о Борисе и Глебе и о просветительской деятельности Ярослава Мудрого. Это первое историческое произведение, но еще не летопись. Автор желал дать нравоучительный рассказ и вместе с тем опровергнуть греческую точку зрения на Русь. Из этого первого исторического произведения выросло впоследствии русское летописание. Русское летописание родилось из постепенного присоединения совсем иных – народных в своей основе – сведений к этому церковному ядру, носившему еще традиционный для церковной письменности характер «патерика», но уже обладавшего элементами историзма, которые и привлекли к нему внимание и творческую инициативу жаждущих сведений по родной истории русских читателей.

После водворения в Киеве русского митрополита Илариона, сменившего митрополита-грека, работа над «Сказанием о русских христианах» продолжается в новом оплоте антигреческой политики – Киево-Печерском монастыре, появляются добавления из народных исторических преданий, поскольку монастырь занимал в целом демократические позиции. Здесь создается хронологический принцип разбивки всего изложения по годовым статьям. Таким образом, первое русское историческое произведение, созданное при Ярославе Мудром, разрастаясь добавлениями, сделанными к нему в Киево-Печерском монастыре, постепенно становится тем, что мы называем **летописью**.

С 1061 года, с года организации Киево-Печерского монастыря, летопись начинает указывать даты событий – месяц, число, год, иногда, день недели. К «Сказанию о первых русских христианах» уже в самом начале 60-ых годов начинают прибавляться записи о текущих событиях. Появляется забота о своевременности записываний фактов истории; «Сказание» продолжается, и, по существу, возникает летопись с ее наиболее типичным признаком – погодностью записей. Активное участие в летописании принимал Никон, как доказано Шахматовым и Приселковым. Византийцы исторический материал

располагали по царствованию монархов. Никон же придавал большое значение хронологии и строил изложение событий, располагая их по годам. Никон в своем стремлении к хронологической точности повествования пришел к новому способу изложения летописного материала по годовым статьям, определяя их не по княжениям, а годами от «сотворения мира».

Другой характерной особенностью русской летописи, которая резко отличает летописное изложение от изложения византийских и западно – европейских хроник, является обилие прямой речи, имеющей конкретно-жизненный характер, это не книжная, а живая, устная речь, близко отражающая действительно произнесенные слова. В XI – XIII вв., а частично и значительно позднее, все дипломатические переговоры на Руси велись устно – через устные передачи послов. Русские князья исключительно редко обменивались грамотами. Их вполне заменяли «речи», которые передавались послами (в летописях встречаемся с выражением – «послать с речью»). Речи эти более или менее точно заносились в летописи. Послу давался общий наказ о том, как должен себя вести посол в том или ином случае, и отдельно поручались «речи», которые посол не мог изменять по-своему и передавал соблюдая грамматические формы первого лица – лица пославшего. Передача «речей» от лица посылающего, со строгим соблюдением форм личного обращения князя, не была вызвана тем, что посол рассматривался как безличный и механический передатчик. Послы в древней Руси никогда не были только гонцами. Посол, передавая «речи» князя, являлся его заместителем, фактотумом. Он говорил от лица пославшего, как будто бы сам являлся в момент передачи «речей» этим пославшим. Оскорбление, нанесенное послу, было равнозначно оскорблению того лица, которое его послало. Посольские «речи» от лица князей настолько вошли в практику русской жизни, что летописец, нередко, говоря о посольских «речах», не упоминал о после, который эти «речи» передавал. Поэтому при чтении русской летописи создается впечатление, что князья, разделенные огромными расстояниями, свободно переговаривались между собой. «Речи», передававшиеся изустно через послов, были очень ответственным моментом политической жизни древней Руси. Они должны были быть в достаточной мере краткими и выразительными. Эти посольские «речи» отличались высоким уровнем культуры устной речи в древней Руси.

Русской летописи характерно также наличие диалога, употребленного живо, точно, сжато, к месту. Диалог, в отличие от прямой речи, зависел не только непосредственно от действительности, но и от фольклора. Диалог, обильно представленный в русском фольклоре, оказал огромное влияние на диалог русской летописи, подобного которому не знает ни византийская анналистика, ни западная.

Под влиянием самой жизни сложился и язык летописи: простой и доступный в основной своей части, он образовался на основе развитой традиции устного языка своего времени.

Возникнув под влиянием властных требований действительности, летопись в дальнейшем не оставалась неизменной по своей форме и содержанию. Под влиянием меняющейся действительности менялась и летопись. Содержание и сама форма летописи менялись в зависимости от того, каким задачам было подчинено летописание. Летописи княжеские, посвященные восхвалению княжеской власти и личности самого князя (Галицкая летопись, отчасти Владимирская), выработали особую форму княжеских биографий, иногда соединяемых в единую цепь. Княжеские центры летописания стремились к иллюстрированию летописей миниатюрами (Владимирский свод 1212 г., отразившийся своими миниатюрами в Радзивилловской летописи, а впоследствии – в Лицевом своде XVI века), но иллюстрирование не допускали летописи городские или монастырские. Потребности отдельных феодальных дворов вызывали появление личных, семейных и родовых княжеских летописей. Свои формы дает летописание Владимирского Успенского собора (летопись как собрание чудес Богоматери – покровительницы Владимира). Свои формы летописания в XVI веке выработала Москва, в связи с теми задачами, которые встали перед Москвой – центром Централизованного русского государства. Летописание с торжественным предисловием, восхваляющим князя, вырабатывается в Твери.

Таким образом, летопись не обладает прочной, неизменяемой формой. Под общим понятием летописи кроются иногда различные явления. Формы летописания текучи и изменчивы, восходят из различных корней.

В противоположность многим другим видам средневековой литературы, летопись гибко меняла свою форму. Она чутко отражала воздействие действительности, определялась действительностью в большей мере, чем литературной традицией. В меньшей мере, чем в других жанрах раннефеодальной литературы, в ней сказывалось стремление к застойности форм и содержания, к трафаретным стилистическим приемам. Летопись была целиком втянута в социальную борьбу своего времени, и именно это обстоятельство благотворно отразилось на ее развитии и позволило ей занять важное место в русской жизни. Именно в этом смысле мы можем говорить о летописи как об одном из ведущих (двигающих вперед литературу) жанров русской литературы раннего и развитого периода феодализма.

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

На рубеже XI –XII вв. Киевская Русь испытывает на себе наиболее тяжелые удары кочевников, ставшие жесточайшим народным бедствием.

Напор степных кочевников на внешние границы Киевского государства вызвал ряд попыток приостановить процесс феодального дробления, объединить русских князей единством внешнеполитических задач. В этот период была сделана попытка сплотить все классы населения – все с той же целью – укрепить обороноспособность страны. Несмотря на начавшийся распад Киевского государства, сознание единства Русской земли было чрезвычайно острым. Именно в этот период составляется замечательный памятник русского летописания – **«Повесть временных лет»**, проникнутая единой мыслью о Русской земле, о необходимости единения перед лицом внешней опасности. Первый памятник русского летописания – «Повесть временных лет», составляется, по-видимому, около 1113 года, в Печерском монастыре монахом Нестором. Труд Нестора сохранился лишь в переделках и доработках последующих редакторов. Имя Нестора изъято из заглавий редакторами и переписчиками, только в одном списке – Хлебниковом, имя Нестора сохранилось.

«Повесть временных лет» по самому характеру своего изложения свидетельствовала о своеобразном возвращении к спокойному эпическому тону и философским обобщениям «Сказания о первых русских христианах». Летопись из оппозиционной становилась официальной и государственной, хотя и сохраняла кое-что из публицистического направления первых сводов. Отсюда торжественный характер «Повести временных лет», ее сдержанность в оценке событий русской истории и исключительное внимание к начальному периоду русской истории: к вопросам происхождения Русского государства, русского народа, отдельных племен и названий. Это произведение, рассчитанное на все слои населения, стремится объединить интересы всего русского народа единой патриотической целью. Свои задачи Нестор точно сформулировал в самом названии своего труда: «Се Повести временных лет, откуда есть пошла русская земля, кто в Киеве нача первее княжити и откуда русская земля стала есть». Цель, которую поставил перед собой составитель «Повести» – показать русскую землю в ряду других держав мира, доказать, что русский народ не без роду и племени, что он имеет свою историю, которой вправе гордиться. «Повесть» должна была напомнить князьям о славе и величии родины, о мудрой политике их предшественников и об исконном единстве Русской земли.

«Повесть» начинается с событий всемирной истории в ее средневековом понимании. Летописец вводит русскую историю в мировую, сообщая самые разнообразные сведения – географические, этнографические, культурно-исторические. Памятник открывается историко-этнографическим введением, в котором автор рассказ ведет со времен «всемирного потопа» и говорит о распределении Земли между сыновьями Ноя. Затем рассказывается об образовании народов и языков. Передается библейская история о Вавилонском столпотворении, во время которого люди разделились на

народы и заговорили на разных языках, отмечает образование славян «от племени» Иафета. Далее даются обстоятельные сведения о расселении племен, после чего летописец переходит к сообщению географических сведений о Русской земле. Нестор просто и наглядно дает географическое описание Руси, путей, связывающих ее с другими странами. Вслед за этим дается легенда о трех братьях, основателях Киева – Кие, Щеке и Хориве. Далее Нестор переходит к рассказу о постепенном политическом обособлении русских племен: полян, древлян, дреговичей, словен и полочан, перечисляет соседние русским народности. Нестор дает описание нравов славянских племен, населяющих Русскую землю. Это описание подчинено единой идее: каждая народность и каждое племя имеет свой «закон» и свой «нрав», переданный им от отцов их. Свой обзор образа жизни различных племен и народов Нестор заканчивает краткой характеристикой нравов главных врагов Руси – половцев, отмечает преимущества христианских нравов Руси как более высоких. Как здесь, так и в других местах «Повести», Нестор осознает русских цивилизованным и культурным народом. За вводной частью следует собственно историческая часть, которую летописец стремится вложить в строгую хронологическую сеть годовых статей. Нестор проделал огромную работу по уточнению хронологической сети летописания, им была сделана попытка вычислить точные хронологические данные русских княжений на основании различных источников. Строгий хронологический принцип изложения кладется Нестором в основу всего изложения. Следует отметить, что Нестор поместил ряд годов, многие из которых вовсе не отмечены записями, очевидно, ввиду невозможности найти для этих дат какой бы то ни было исторический материал. Вставляя эти пустые даты в свое повествование, Нестор подчеркивал самый принцип, самую летописную форму, а, может быть, давал тем самым задание для разысканий своими продолжателям.

«Повесть временных лет» - не просто собрание фактов русской истории, и не просто историко-публицистическое сочинение, связанное с насущными, но преходящими задачами русской действительности, а цельная, литературно изложенная история Руси. Никогда, ни прежде, ни позднее, вплоть до XVI века, русская историческая мысль не поднималась на такую высоту ученой пытливости и литературного умения. Патриотическая возвышенность рассказа, широта политического горизонта, живое чувство народа и единства Руси составляют исключительную особенность создания Нестора.

После смерти Святополка, по приглашению киевлян, Владимир Мономах является в Киев. Вступление Мономаха на «золотой киевский стол», привело к долгим годам упадка Печерского монастыря. Мономах изымает из Печерского монастыря ведение летописания, ставшее одним из важнейших общественных явлений русской действительности. Он передает летописание в свой княжий Выдубицкий монастырь, основанный в 70-ые

годы XI века его отцом Всеволодом Ярославичем. Литературная работа Печерского монастыря надолго замирает. Лишь во второй половине XII века заметны следы оживления печерской летописной работы.

Переработка «Повести временных лет» была возложена на выдубицкого игумена Сильвестра, который закончил свою работу в 1116 году. Сильвестр опустил в заглавии «Повести» слова «Нестера черноризца Феодосиева монастыря Печерского» и вставил в конце «Повести» собственное имя. Переработка Сильвестра коснулась ее последней части, где описывались княжения Святополка и Владимира Мономаха. Начальная часть изменениям не подверглась, Сильвестр лишь сделал вставку – о посещении Руси апостолом Андреем. Рассказ этот противоречил исторической концепции Нестора, согласно которой «не беша бо ни апостоли ходили на Русь». Решительной перестройке подверг Сильвестр рассказ Нестора о событиях последних 1093-1113 гг., выдвинув роль Владимира Мономаха в борьбе со степными кочевниками. Изменения и переработки, сделанные Сильвестром, коснулись лишь вопросов текущей политики, они не внесли ничего нового в самую форму «Повести временных лет» и не затронули ее большого патриотического замысла. Несмотря на все изменения, «Повесть временных лет» может считаться созданием Печерского монастыря. Нестор соединил в своем произведении особенности старых печерских сводов 1073 и 1093 гг. с их антигреческим и русским направлением.

«Повесть» стоит на рубеже двух эпох, она соединяет в себе культурные черты прошлого и будущего, она заимствует все лучшее из прошлого и предугадывает многое из лучшего в будущем. В течение многих веков на «Повести временных лет» русские люди учились русской истории, учились понимать государственные интересы России и воспитывали свое национальное чувство.

Вопросы и задания;

1. Причины обращения к историческому прошлому на Руси.
2. Вопросы происхождения русского летописания.
6. Особенности русской летописи.
3. Связь летописи с фольклором.
4. «Сказанию о первых русских христианах».
5. Единство «Повести временных лет».
6. Основные темы и идеи летописи.
7. Патриотизм «Повести временных лет».
8. «Повесть временных лет» как литературно-художественное произведение.
9. Значение «Повести временных лет».

Лекция 6

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

План:

1. Историческая основа «Слова о полку Игореве».
2. Патриотическая идея «Слова...»
3. Образы «Слова...»
4. Значение «Слова...»

Памятник XII века – «Слово о полку Игореве», один из центральных памятников древнерусской литературы, с гениальной силой и проикновенностью отразивший в себе главное бедствие своего времени – слабость государственного единства Руси и, как следствие, слабость ее обороны от натиска степных кочевых народов, в быстрых набегах разорявших русские города и села, несших собою смерть и разрушение. «Слово» рассказывает о походе на половцев в 1185 году храброго князя небольшого Новгород-Северского княжества Игоря Святославича. Поход состоялся раннею весной. Кроме Игоря в нем участвовали его сыновья и князь Святослав Ольгович Рыльский. У берегов Донца войско Игоря застало солнечное затмение, считавшееся предзнаменованием несчастья, но Игорь не поворотил коней. У Оскола к нему присоединился его брат Всеволод буй-тур – князь Курский и Трубчевский. Застигнуть половцев врасплох, как рассчитывал Игорь, не удалось: неожиданно русские «сторожа» (разведчики) донесли, что половцы вооружены и готовы к бою. «Сторожа» советовали возвратиться. Но вернуться домой без победы Игорь счел позором и предпочел идти навстречу смерти. Первое столкновение войска Игоря с половцами было удачным. На следующий день с рассветом половецкие полки, подобно лесу, стали наступать на русских. Небольшое русское войско было окружено. Но и тут Игорь не поворотил коней. В бою Игорь был ранен. На рассвете вспомогательные полки из осевших на Руси кочевников – так называемые «ковуи» – «дрогнули». Игорь поскакал за ними, но не смог их задержать, отдалился от своего войска и попал в плен к половцам. Никогда раньше русские князья не попадали в плен к половцам. Половцы приободрились и с новой энергией ринулись на русские княжества. Как отмечает летописец, «отворились ворота на Русскую землю». Половец Лавр предложил Игорю бежать. Игорь сперва отказался, но узнав, что половцы, обозленные неудачами, решили перебить всех пленных, согласился бежать. Одиннадцать дней пробирался Игорь до пограничного города Донца, и приехав в родной город Новгород-Северский, он пустился в объезд – в Чернигов и в Киев, ища помощи и поддержки, и всюду был встречен с

радостью. В «Слове о полку Игореве» нет систематического рассказа о походе Игоря. Этот поход и поражение русского войска для автора только повод глубокого раздумья о судьбах Русской земли, для страстного призыва объединиться и защитить Русь. Поражение войска Игоря автор рассматривает как грозное предостережение виновникам несчастий – русским князьям, погрязшим в междоусобных войнах и сделавших родину добычей степных кочевников. Эта мысль – единение русских против общих врагов – и является главной мыслью произведения. В одном из писем к Энгельсу в 1856 году Карл Маркс так определил главную идею «Слова о полку Игореве»: «Смысл поэмы – призыв русских князей к единению как раз перед нашествием монголов». Эта идея единения перед лицом страшной внешней опасности подчиняет себе все содержание «Слова». Призыв к единению проникнут в «Слове» самой страстной, самой сильной и самой нежной любовью к родине.

Древняя русская литература всегда отличалась большим общественным пафосом. Ее слово было словом учительным. Учительным является и «Слово». Автор «Слова» осознает себя «власть имеющим», как и все последующие писатели. Чувствуется высокое сознание своей ответственности, своего писательского долга. Он обращается к князьям не как подданный, а как библейский пророк, как изобличитель неправды. Автор был независим и смел, говорил как равный со всеми, не унижался до лести, требовал, а не молил. Голос его поднялся до изобличительного пафоса. Есть что-то пророческое в его обличениях и призыве к единению как раз перед нашествием монголов.

«Слово о полку Игореве» – своеобразный по жанровой природе памятник. В нем ясно ощущается широкое и свободное дыхание устной речи. Автор «Слова» ощущает себя говорящим свое произведение, а не пишущим его. Однако было бы ошибочным считать, что перед нами типичное ораторское произведение. Дело в том, что устная речь, «позиция» оратора характерны для всех жанров древнерусской литературы. Древнерусская литература как бы не успела еще отделиться от устной речи, в ней не успели закрепиться приемы письменного художественного творчества, резко противостоящие устному слову. Сам автор «Слова», называл свое произведение очень неопределенно – то «словом», то «песней», то «повестью», однако своим предшественником признает не какого-либо оратора, а Бояна – певца, поэта, исполнявшего свои произведения под аккомпанемент какого-то струнного инструмента. Не исключено, что автор «Слова» предназначал свое произведение для пения. «Слово» тесно связано с произведениями устной народной поэзии. Эта связь ощущается в пределах двух жанров, чаще всего упоминаемых в «Слове», – «плачей» и песенных прославлений – «слав». Но в целом это, конечно, не плач и не слава, это – книжное произведение. Народная поэзия не допускает смешения жанров. Это, по-видимому, особый род книжной поэзии, еще не успевший окончательно

сложиться. Д.С.Лихачев, исходя из двуединной темы «Слова» – эпической и лирической, определяет жанр памятника как лиро-эпический. Он отмечает, что темы эти развиваются параллельно, взимообогащают друг друга. «Слово» как бы оказывается вне жанровой системы своего времени. Д.С.Лихачев и А.Н.Робинсон сопоставляют «Слово» с жанром так называемых «шансон де жест» – «песен о подвигах», аналогиями ему в таком случае являются, например, «Песнь о Роланде» или другие подобные произведения западно-европейского феодального эпоса. В «Слове» объединены эпическое и книжное начала. «Эпос полон призывов к защите страны, - пишет Д.С.Лихачев. – Характерно его «направление»: призыв идет как бы от народа (отсюда фольклорное начало), но обращен он к феодалам – золотое слово Святослава, и отсюда книжное начало».

Жанровыми особенностями «Слова» определяется и своеобразие его композиции и система его образов. «Слово» начинается обширным вступлением, в котором автор вспоминает старинного певца «слав» Бояна, мудрого и искусного, но тем не менее заявляет, что он не будет в своем произведении следовать этой традиции, а поведет свою «песнь» по «былинам своего времени, а не по замыслу Бояна». Таким образом автор определяет хронологические рамки своего повествования – «от старого Владимира до нынешнего Игоря» и переходит к повествованию о дерзком замысле Игоря Святославича «испити шелоном Дону». Рассказ о роковой для Игоря битве прерывается авторским отступлением – воспоминанием о временах Олега Святославича, временах губительных междоусобиц, из-за которых гибнет Русская земля. Он говорит о бедах всей Русской земли, говорит о том, что в них повинны сами русские князья, которые начали на себя «крамолу ковати». Только в объединении всех русских сил против кочевников – залог победы, и пример тому – поражение, которое нанес половцам Святослав Киевский, когда половецкий хан Кобяк был взят в плен. Далее повествуется о вещем сне Святослава, предрекающем горе и смерть. Автор, продолжая мысль Святослава, обращается к наиболее влиятельным из русских князей, прославляет их доблесть и могущество, призывает вступить «за обиду сего времени», «за раны Игоревы». Далее автор вновь обращается к судьбе Игоря. В Путивле Ярославна молит силы природы помочь ее мужу, выволить его из плена. В этом лирическом плаче, построенном по образцу народного причитания, звучат свойственные всему памятнику общественные мотивы: Ярославна плачет не только о супруге, но и его «воях», она вспоминает о славных походах Святослава Киевского на хана Кобяка. Плач Ярославны тесно связан с последующим рассказом о победе Игоря из плена. Эпилог «Слова» праздничен и торжествен: вернувшийся на Русь Игорь приезжает в Киев, к великому Святославу, «страны рады, гради веселы». Здравницей в честь князя и заканчивается «Слово».

Основная особенность древнерусской литературы – в создании образных обобщений, в выявлении типичного. Древнерусские произведения были в основном посвящены историческим событиям. Главные герои – это деятели русской истории. В этом плане «Слово» не составляет исключения. Древнерусский читатель не интересовался бы произведением, если бы знал, что сюжет его вымышлен, а герои его никогда не существовали. Этот своеобразный, средневековый историзм древнерусской литературы был соединен в ней с глубоким патриотизмом. Литература стремилась в своих произведениях к разрешению важных, насущных задач народной жизни и государственного строительства. «Слово» не выходит за пределы художественных возможностей своего времени, но эти возможности оно использует в полной мере, до предела. Оно создает обобщенные образы на основе разнообразного исторического материала и в ограниченной мере, но все же пользуется вымыслом. Вымысел по преимуществу относится к лицам, представляющим историческое прошлое Руси: к Бояну и Всеславу Полоцкому. При этом автор и не выдает своего вымысла за действительность, он чисто литературный, условный. Автор «Слова» постоянно сравнивает героев своего произведения со зверями, но это не более как способ характеристики. Всеволод – «буй-тур», Игорь и его сыновья – соколы, Боян – сизый орел, серый волк, Всеслав Полоцкий – волк и «лютый зверь». Все эти сравнения определяют индивидуальные качества героев повествования. Такой способ характеристики действующих лиц типичен именно для устного народного творчества. Еще один своеобразный прием художественного обобщения можно отметить в «Слове» – обобщение ольговичей и всеславичей, как двух групп князей-крамольников. Такая характеристика родоначальников князей, предложенная в качестве обобщающей характеристики их потомков, связана с очень сильным в русской политической жизни генеалогическим принципом, когда сын или внук того или иного князя считался естественным продолжателем его политики.

«Слово о полку Игореве» первое из дошедших до нас произведений, которое может быть названо в собственном смысле литературным. Это произведение художественное и в своем целом и в частях.

Древнерусские авторы не стремятся писать картины природы, описывать ее статические состояния, спокойные пейзажи. Они уделяют природе немного внимания и только тогда, когда она теснейшим образом связана с судьбою действующих лиц, когда она оказывает на них влияние, когда она проявляется в действии: в грозе, в буре, в разливах рек, в засухе, в затмениях солнца, в явлениях комет, в темноте ночи, мешающей сражающимся, в жаре, истомляющей воинов. В древнерусских произведениях нет описаний бездействующей природы, служащей только фоном для повествования, она играет в них прямую, не косвенную роль, она «событийна», она включена в самый ход повествования, в развитие сюжета. Хотя природа занимает

большое место в «Слове о полку Игореве», роль ее та же, здесь нет пейзажа самого по себе, природа воспринимается только в ее изменениях, она введена в события. Природа активна и в этой активности она наделяется почти человеческими качествами. Между природой и человеком стираются грани, она сочувствует, помогает, стремится предупредить об опасности. В «Слове» образы языческих богов как бы стоят между природой и человеком. Союз природы и человека – союз поэтический. Природа придает «Слову» поэтическое звучание.

В древней Руси историческое сочинение писалось вскоре после происшедшего события их очевидцами или современниками. В дальнейшем эти сочинения могли переделываться, дополняться, сливаться с другими произведениями, обрабатываться стилистически и идеологически. «Слово» не составляет исключения в этом отношении. Оно не носит характера компиляции, «свода» предшествующего материала, оно очень цельно по стилю и замыслу, поэтому можно предполагать, что памятник написан современником. Его осведомленность – типичная осведомленность современника, а не эрудита-книжника, воспроизводящего события по различного рода источникам – историческим или архивным. Он видит и слышит события во всей яркости жизненных впечатлений. О принадлежности «Слова» к XII веку свидетельствует и язык памятника. В тексте «Слова» есть указания на то, что оно написано вскоре после описываемых событий. «Слово» нигде не упоминает о событиях, произошедших после 1187 года. В 1196 году умер буй-тур Всеволод, в 1198 году Игорь Святославич сел на княжение в Чернигове, не раз ходил перед тем на половцев, но все это осталось без упоминаний в «Слове». Не упомянуты и другие события русской истории, произошедшие после 1187 года. В частности, в числе живых князей упоминается умерший в 1187 году Ярослав Осмомысл Галицкий, к нему автор обращается с призывом стрелять в врага «за землю Русскую, за раны Игоревы». Отсюда следует, что «Слово» написано не позднее 1187 года, но оно не могло быть написано и ранее 1187 года, так как заключается «славой» «молодым» князьям, в том числе и Владимиру Игоревичу, который только в 1187 году вернулся из плена.

В начале 90-ых годов XVIII века известным любителем и собирателем русских древностей А.И.Мусиным-Пушкиным был найден список «Слова», переписанный в XVI веке. Текст находился в сборнике древнерусских произведений светского характера. Он был приобретен А.М. Мусиным-Пушкиным у бывшего архимандрита Спасо-Ярославского монастыря – Иоилиа Быховского. Помимо «Слова» в этом сборнике были «Хронограф», летопись, «Сказание об Индийском царстве», повесть «Об Акире Премудром», «Девгениево деяние». Сборник этот сгорел во время пожара Москвы в 1812 году, когда горела библиотека Мусина-Пушкина. Первое краткое сообщение о «Слове» было сделано поэтом того времени М.М.Херасковым в 1797 году

во втором издании его поэмы «Владимир». Более подробное сообщение было сделано Н.М.Карамзиным в журнале, издававшемся французскими эмигрантами в Гамбурге, за 1797 год. С рукописи памятника была снята копия для Екатерины II, которая заключала в себе перевод, примечания и краткую справку о «Слове». В 1800 году А.И.Мусиным-Пушкиным в сотрудничестве с А.Ф.Малиновским, Н.Н.Бантыш-Каменским и историком Н.М. Карамзиным было издано «Слово о полку Игореве».

Вопросы и задания:

1. Центральная идея «Слова о полку Игореве».
2. Сюжет и композиция «Слова...»
3. Образная система «Слова...»
4. Образ природы в «Слове...»
5. Жанр и стиль «Слова...»
6. Проблема автора «Слова...»
7. «Слово о полку Игореве» и средневековый эпос.
8. Значение «Слова о полку Игореве».

Лекция 7

ЖАНР ЖИТИЯ

План:

1. «Сказание о Борисе и Глебе».
2. «Чтение о житии и погублении блаженную страстотерпца Бориса и Глеба» Нестора.
3. «Житие Александра Невского».
4. «Слове о житии и преставлении Дмитрия Ивановича, царя русского».
5. «Житие Юлиании Лазаревской».
6. «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное».

Из литературы, предназначавшейся для чтения, наибольшей популярностью пользовалась житийная или агиографическая литература (от греческого слова **агиос** – **святой**).

Житийная литература имеет свою историю, связанную с ходом развития христианства. Еще во II-ом веке начали появляться произведения, описывающие мучения и смерть христиан, которые являлись жертвой своих убеждений. Произведения эти назывались **мартириями-мученичества**. Все они имели одинаковую форму, при этом центральную часть составлял допрос мученика, который передавался в форме диалога между судьей и подсудимым. Заключительную часть составляли приговор и сообщение о смерти мученика. Следует отметить, что мартирии не имели никаких вступлений, рассуждений или заключительных слов. Мученик, как правило, ничего не говорил в свое оправдание.

С 313 года прекратились преследования христиан, мучеников не стало. Изменилось само представление об идеальном христианине. Перед автором, поставившим цель описать жизнь человека, как-то выделяющегося из общей массы, встали задачи биографа. Так в литературе возникли **жития**. Посредством житий церковь стремилась дать своей пастве образцы практического применения отвлеченных христианских понятий. В отличие от мартирия, житие ставило своей целью описать всю жизнь святого. Была выработана житийная схема, определившаяся теми задачами, которые преследовало житие. Житие начиналось обычно с предисловия, в котором автор, как правило монах, смиренно говорил о недостаточности своего литературного образования, но тут же приводил доводы, которые побудили его «попытаться» или «отважиться» писать житие. Далее следовало повествование о его труде. Основную часть составляло повествование, посвященное самому святому.

Схема повествования такова:

1. Родители и родина святого.
2. Семантический смысл имени святого.
3. Обучение.
4. Отношение к браку.
5. Подвижничество.
6. Предсмертные наставления.
7. Кончина.
8. Чудеса.

Завершалось житие заключением.

Автор жития преследовал прежде всего задачу дать такой образ святого, который соответствовал бы установившемуся представлению об идеальном церковном герое. Из его жизни брались те факты, которые соответствовали канону, умалчивалось обо всем, что расходилось с этими канонами. На Руси в XI-XII веках известны были в отдельных списках переводные жития Николая Чудотворца, Антония Великого, Иоанна Златоуста, Андрея Юродивого, Алексея – человека божия, Вячеслава Чешского и др. Но русские не могли ограничиваться только переводом существующих византийских житий. Необходимость в церковной и политической самостоятельности от Византии заинтересовала в создании своего церковного олимпа, своих святых, могущих упрочить авторитет национальной церкви. Агиографическая литература на русской почве получила своеобразное развитие, но при этом, конечно, основывалась на византийской житийной литературе. Одним из наиболее ранних произведений житийного жанра на Руси является «Житие Феодосия Печерского», написанное Нестором между 1080 и 1113 годами. Здесь дан живой и яркий образ передового человека, сформированного условиями общественной борьбы в Киевской Руси, борьбы молодой феодальной государственности с отжившим родовым строем восточнославянских племен. В «Житии Феодосия» Нестор создал образ героя подвижнической жизни и вождя монашеской дружины, организатора христианской обители, разгоняющего «тьму бесовскую» язычества и закладывающего основы государственного единства Русской земли. Герой Нестора был очень близок к тому, чтобы стать мучеником исповедуемой им веры – смирения, братолюбия и послушания. Такими мучениками стали герои другого произведения Нестора «Чтения о житии и погублении блаженную страстотерпцу Бориса и Глеба».

В древнерусской литературе имеется два Сказания о Борисе и Глебе – анонимное, датированное 1015 г., приписываемое Иакову, и «Чтение», принадлежащее перу Нестора.

«Сказание о Борисе и Глебе» («Сказание и страсть и похвала святому мученику Бориса и Глеба») – первое крупное произведение древнерусской агиографии. Сама тема подсказала автору жанр произведения. Но тем не менее «Сказание» не является типичным произведением агиографической

литературы. На стиль «Сказания» оказала влияние переводная византийская агиография. Но «Сказание» отступает от традиционной трехчастной формы византийских житий (вступление, биография святого, заключительная похвала). Автор преодолевает и форму и основные установки византийской агиографии, что и сам сознает, назвав свое произведение «Сказанием», а не «Житием». В «Сказании» нет того, что мы обычно находим в житиях – развернутого вступления, рассказа о детстве героя. В центре «Сказания» – агиографически стилизованные портреты Бориса и Глеба и полный напряженного драматизма рассказ об их трагической гибели. Едва ли не самая показательная особенность «Сказания» как литературного произведения – широкое развитие в нем внутреннего монолога. Свообразием монологов произведений подобного жанра является то, что произносятся они действующими лицами как бы «немо», «в сердце», «в себе», «в уме своем», «в души своей». В «Сказании» имеем внутренний монолог, ничем не отличающийся от прямой речи, произносимой вслух. Автор «Сказания» не придавал большого значения исторической достоверности своего повествования. Здесь, как и во всяком агиографическом произведении, многое условно, историческая правда полностью подчинена морально-политическим и церковно-обрядовым задачам, которые поставлены автором в данном произведении. И, как отмечает Н.Н.Ильин, «Сказание» со стороны верности мало отличается от «настоящих житий». Борис и Глеб были первыми русскими святыми, следовательно, «первыми собственными представителями за нее (за Русь) перед Богом и первым залогом Божия к ней благоволения». Борис и Глеб были мучениками не совсем в собственном и строгом смысле этого слова, ибо, хотя они потерпели мученическую смерть, но это была смерть не за веру Христову, а по причинам политическим, не имеющим отношения к вере. Автору необходимо было признание Бориса и Глеба как святых русской церкви, поэтому он придерживается обязательного условия для причисления к лику святых – чудотворения и основную часть своего произведения посвящает описанию чудес, совершаемых мощами Бориса и Глеба. Как указывает Н.Н.Ильин, «Сказание» действительно не представляет собой строгое каноническое житие, составленное по византийским шаблонам. Оно было иного рода попыткой объединить и закрепить в литературной форме разрозненные и противоречивые обрывки устных преданий о гибели Бориса и Глеба, обстоятельства которой вуалировались религиозной дымкой, образовавшейся вокруг их вышегородских гробниц.

«Чтение о житии и погублении блаженную страстотерпца Бориса и Глеба», составленное автором «Жития Феодосия Печерского» Нестором, иноком Киево-Печерского монастыря, представляет собой житие по типу византийских агиографических произведений. Нестор взялся за описание в духе византийских монашеских и великомученических житий. Он начинает

«Чтение» с молитвы и с признания «грубости и неразумия» своего сердца, о «худости» автора. Далее он говорит об искуплении Христом человеческого греха, приводится притча о рабах, затем уже следует повествование о Борисе и Глебе. И здесь, в отличие от «Сказания», мы знакомимся с подробностями биографии братьев, автор говорит о их любви к чтению, о том, что оба брата оделяли милостыней всех нуждающихся; о том, что юный Борис женился, лишь уступая воле отца; что Глеб находился при отце и по смерти его пытался скрыться от Святополка «в полуночные страны». То есть «Чтение» написано по строго установившимся агиографическим схемам. Влияние византийских агиографических шаблонов сказалось и на литературном языке «Чтения», в манере заменять конкретные собственные имена условными обозначениями и эпитетами. В иных случаях личные имена и географические названия исчезают вовсе: не встречаются названия рек Альта и Смядина, имена убийц и даже имя Георгия Угриня. В отличие от яркого, насыщенного и эмоционального стиля «Сказания», изложение Нестора бледно, отвлеченно, сухо, образы погибших схематичны и безжизненны, и поэтому, как указывает проф. С.А.Бугославский, «Чтение» Нестора, давшее агиографическое решение исторической темы, не смогло вытеснить более яркий исторический рассказ анонимного «Сказания». «Чтение» - настоящее житие, литературное произведение, о форме которого автор составил себе представление из чтения переводных житий. Но «Чтение» не было просто житием церковного типа. Это было произведение философско-исторического характера.

В конце XII века или немного позже, незадолго до крушения Киевского государства, было написано «Житие Леонтия Ростовского». Героем этого жития является миссионер, проникающий в глухие дебри, населенные еще не вышедшими из состояния дикости и «тьмы языческой» племенами. Слишком бедное фактами подвижнической деятельности героя, «Житие» это дает обедненный содержанием образ его, далеко уступающий, в смысле полноты и яркости изображения, героям Несторовых житий. Образ миссионера, осваивающего девственные земли, здесь едва намечен, не представлен четко. Он является бледным наброском того, чем станет он позднее, в житиях XIV-XV веков. С житием это произведение сближает наличие в его композиционном составе характерного для произведений житийного жанра обширного послесловия с рассказом о посмертных чудесах, творившихся вокруг гробницы героя, и с заключительным ему словословием.

В 20-ых годах XIII столетия появляются продолжатели той линии житийного жанра, начало которой было положено «Житием Феодосия Печерского». Иноки Киево-Печерского монастыря Симон и Поликарп пишут легенды о чудесах героев аскетического подвижничества, создавая основной корпус того сборника житийных сказаний, который получит позднее название «Киево-Печерского патерика». Создавая свой сборник, Симон и Поликарп придавали ему форму композиционно единого произведения – форму

переписки, в ходе которой разворачивалась вереница механически друг к другу примыкающих сказаний о чудесах, творившихся в Киево-Печерском монастыре. Выступающие в этих сказаниях персонажи являются представителями аскетического подвижничества. Это все «постники», как Евстратий и Пимен; «затворники» - Афанасий, Никита, Лаврентий, Иоан; мученики целомудрия – Иона, Моисей Угрин; «нестяжатели», раздавшие свое имущество, - черниговский князь Святоша, Еразм, Федор; «безмездный» врач Агапит. Все они получили дар чудотворения. Они пророчествуют, исцеляют больных, воскрешают мертвых, изгоняют бесов, поработают их, заставляя выполнять заданную работу, кормят голодающих, превращая в хлеб лебеду и золу в соль. В посланиях Симона и Поликарпа мы имеем выражение жанра Патериков, как сборников житийного характера, которые, не будучи в строгом смысле слова житиями, повторяли в своих сказаниях мотивы и формы стиля, уже представленного «Житием Феодосия Печерского».

Но в XIII-XIV веках, когда Русь оказалась под ярмом завоевателей-иноверцев, этот тип религиозного подвижника был не так близок сердцу русского читателя, как тип христианского мученика, представленный в литературе дотатарского периода героями житийных произведений о Борисе и Глебе. В XIII веке житийный жанр обогатился произведением, герой которого не имеет предшественников в житийной литературе. Это «Житие и терпение Авраамия Смоленского», герой которого совершает подвиг преследуемого врагами угодника божия, представляющего еще неизвестный нам вид страсотерпчества. Герой проходит общий всем подвижникам жизненный путь, и поэтому в повествовании о нем автор пользуется общими местами житийного жанра. Рисуя образ Авраамия, автор особо подчеркивает его подвижническую преданность изучению и освоению литературы христианского просвещения, вытекающую из убеждения, что невежественный пастырь церкви подобен пастуху, не имеющему представления о том, где и как должно пасти стадо, и способному только сгубить его. Обращает на себя внимание его одаренность, способность истолковать смысл священных книг. У Авраамия есть сочувствующие и враги, как например, старшее духовенство. Они возглавляют травлю Авраамия, обвиняют его в ереси, обрушивают на него поток клеветнических измышлений, настраивают против него иерархов церкви, которые запрещают ему священнослужительскую деятельность, добиваются предания его светскому суду, чтобы окончательно его погубить. Авраамий выступает перед нами жертвой слепой злобы и клеветнических измышлений. Это совершенно новая в житийной литературе мотивировка страсотерпческой судьбы героя, свидетельствующая о том, что конфликт между героем «Жития» и его преследователями вызван условиями социальной действительности, существенно отличными от тех, в которых создавались жития киевского периода. Житийные герои этого периода выступали против

«тьмы бесовской», противопоставляли идеалы христиански праведной жизни понятиям и навыкам языческого прошлого. В XIV веке не «тьма бесовская» противостояла носителю христианского просвещения, а тьма невежд, «взимающих сан священства», и это столкновение породило новый тип подвижника, представленный образом Авраамия Смоленского, гонимого клеветниками за «глубинное» изучение и «протолкование» христианской мудрости. Авраамий идет тяжким путем гонимого праведника, терпеливо добиваясь того, что праведность его становится общенародной. В этом заключается своеобразие и новизна литературного образа Авраамия. «Житие Авраамия» не столько эпический рассказ о жизни героя, сколько его апология, оправдание его личности от несправедливых обвинений, и это – совершенно новая форма жития.

Своеобразным этапом в развитии житийного жанра на Руси, является создание так называемых княжеских житий. Образцом таких житий является **«Житие Александра Невского»**. Имя Александра Ярославича, победителя шведских феодалов на Неве и немецких «псов-рыцарей» на льду Чудского озера, пользовалось большой популярностью. Об одержанных им победах слагались повести и сказания, которые после смерти князя в 1263 году были переработаны в житие. Автор «Жития», как это установлено Д.С.Лихачевым, был жителем Галицко-Волынской Руси, переселившимся вместе с митрополитом Кириллом III во Владимир. Цель жития – прославить мужество и храбрость Александра, дать образ идеального воина-христианина, защитника Русской земли. В центре стоит повествование о битвах на реке Неве и на льду Чудского озера. Причины нападения шведов на Русскую землю объясняются весьма наивно: шведский король узнав о росте, мужестве Александра решил попленить «землю Александрову». С малой дружиной Александр вступает в борьбу с превосходящими силами врага. Подробно ведется описание сражения, большое место уделено подвигам Александра и его ратников. Битва на Чудском озере с немецкими рыцарями изображена в традиционной стилистической манере воинских повестей. В этой битве Александр проявил мастерство военного маневра, разгадав тактический замысел врага. Основное содержание «Жития» составляют эпизоды чисто светские, но элементы агиографического стиля использованы в нем весьма широко. В житийном стиле написано небольшое вступление, где автор говорит о себе, как о «худом, грешном, недостойном» человеке, однако он начинает свой труд об Александре, поскольку не только слышал о нем «от отец своих», но и лично знал князя. Подчеркивается происхождение героя от благочестивых родителей. При характеристике героя автор прибегает к библейским персонажам. В описания сражений вводятся религиозно-фантастические картины. В беседе с папскими послами Александр оперирует текстом «Священного писания» от Адама до седьмого Вселенского собора. В житийном стиле описана благочестивая кончина Александра. «Житие

Александра Невского» становится образцом при создании позднейших княжеских жизнеописаний, в частности жития Дмитрия Донского.

В конце XIV – начале XV века в агиографической литературе возникает новый риторико-панегирический стиль, или, как его называет Д. С. Лихачев, «экспрессивно-эмоциональный». Риторический стиль появляется на Руси в связи с формированием идеологии централизованного государства и укреплением авторитета княжеской власти. Обоснование новых форм правления потребовало новой формы художественного выражения. В поисках этих форм русские книжники прежде всего обращаются к традициям киевской литературы, а также осваивают богатый опыт южнославянских литератур. Новый экспрессивно-эмоциональный стиль вырабатывается первоначально в житийной литературе. Житие становится «торжественным словом», пышным панегириком русским святым, являющим собою духовную красоту и силу своего народа. Изменяется композиционная структура жития: появляется небольшое риторическое вступление, центральная биографическая часть сокращается до минимума, самостоятельное композиционное значение приобретает плач по умершему святому и наконец похвала, которой отводится теперь главное место. Характерной особенностью нового стиля явилось пристальное внимание к различным психологическим состояниям человека. В произведениях начали появляться психологические мотивировки поступков героев, изображение известной диалектики чувств. Биография христианского подвижника рассматривается как история его внутреннего развития. Важным средством изображения душевных состояний, побуждений человека становятся его пространственные и витиеватые речимонологи. Описание чувств заслоняет собой изображение подробностей событий. Фактам из жизни не придавалось большого значения. В текст вводились пространственные авторские риторические отступления, рассуждения морально-богословского характера. Форма изложения произведения была рассчитана на создание определённого настроения. С этой целью использовались оценочные эпитеты, метафорические сравнения, сопоставления с библейскими персонажами. Характерные особенности нового стиля ярко проявляются в **«Слове о житии и преставлении Дмитрия Ивановича, царя русского»**. Этот торжественный панегирик победителю татар был создан, по-видимому, вскоре после его смерти (умер 19 мая 1389 года). «Слово о житии» преследовало прежде всего ясную политическую задачу: прославить московского князя, победителя Мамаю, как властителя всей Русской земли, наследника Киевского государства, окружить власть князя ореолом святости и тем самым поднять его политический авторитет на недостижимую высоту.

Большую роль в развитии риторическо-панегирического стиля в агиографической литературе конца XIV–начале XV века сыграл талантливый писатель Епифаний Премудрый. Его перу принадлежат два произведения:

«Житие Стефана Пермского» и «Житие Сергия Радонежского». Литературная деятельность Епифания Премудрого способствовала утверждению в литературе нового агиографического стиля – «плетения словес». Этот стиль в известной мере обогащал литературный язык, содействовал дальнейшему развитию литературы, изображал психологическое состояние человека, динамику его чувств. Дальнейшему развитию риторическо-панегирического стиля способствовала литературная деятельность Пахомия Логофета. Перу Пахомия принадлежат жития Сергия Радонежского (переработка жития, написанного Епифанием), митрополита Алексия, Кирилла Белозерского, Варлаама Хутынского, архиепископа Иоанна и др. Пахомий был равнодушен к фактам, опускал многие подробности и стремился придать житию более пышную, торжественную и парадную форму, непомерно усиливая риторiku, расширяя описание «чудес».

Во всех вышеуказанных произведениях, как и в древнерусской литературе вообще, человек, личность не занимали большого места. Личность обычно растворялась в калейдоскопе событий, которые автор старался передать с протокольной точностью, при этом он преследовал в первую очередь информационные цели. События складывались из поступков тех или иных людей. Эти поступки и были в центре внимания автора. Человек сам по себе, его внутренний мир, его образ мыслей редко становился объектом изображения, а если и становился, то только в том случае, когда это было необходимо для более полного и всестороннего изложения событий, при этом это делалось попутно, наряду с другими фактами и событиями. Центральной фигурой повествования человек становился только тогда, когда он нужен был автору для осуществления основной художественной задачи: т.е. необходимо было сделать человека носителем своего авторского идеала. И только в этом случае, в мире идеала, человек приобретал все характерные черты художественного образа. Но следует отметить, что строя свой образ, древнерусский писатель больше сочинял, изобретал, чем передавал действительность.

Говоря о древней литературе, О. Бальзак заметил, что писатели античности и средневековья «забыли» изобразить частную жизнь. Но дело, конечно, не в забывчивости, а в том, что сама по себе структура античного и феодального общества не дает почвы для частной жизни. «Всякая частная сфера, - говорил К.Маркс, - имеет здесь политический характер или является политической сферой».

Точно также и в древнерусской литературе частная жизнь не могла стать объектом изображения писателя. В качестве же основных персонажей выступают «представители стихий государственности: цари, герои, военачальники, правители, жрецы», причем и они прежде всего характеризовались с точки зрения их политического, официального бытия. Как отмечает Д.С.Лихачев, древнерусская литература в своей официальной и

торжественной линии стремилась абстрагировать явления действительности. Древнерусские авторы старались извлекать из явлений «вечный» смысл, видеть во всем окружающем символы «вечных» истин, богоустановленного порядка. Писатель в обыденных явлениях видит вечный смысл, поэтому обыденное, материальное не интересует древнерусских писателей и они всегда стремятся к изображению величественного, пышного, значительного, что по их представлению является идеальным. Это и является причиной того, что литература в древней Руси преимущественно строится на условных формах, эта литература медленно меняется и состоит преимущественно в комбинировании некоторых приемов, традиционных формул, мотивов, сюжетов, повторяющихся положений. Именно это видно при рассмотрении житийной литературы, написанной по определенной агиографической формуле. Иногда у того или иного автора можно видеть кой-какие отклонения от канона, но эти отклонения не существенны, не выходят за рамки «агиографической формулы».

Но, называя древнерусскую литературу «абстрагирующей, идеализирующей действительность и создающей композиции часто на идеальные темы» (Д.С.Лихачев), нельзя не отметить, что древнерусской литературе свойственны отклонения от канона и исключения в характере того или иного жанра. Эти отклонения и исключения можно заметить уже в литературе XVII века, хотя бы в том же жанре житийной литературы.

К XVII веку жития отступают от установившегося трафарета, стремятся к заполнению изложения реальными биографическими фактами. К числу таких житий относится **«Житие Юлиании Лазаревской»**, написанное в 20–30-ые годы XVII века её сыном, муромским дворянином Калистратом Осорьиним. Это вернее повесть, а не житие, даже своего рода семейная хроника. Житие это, в отличие от всех предшествующих житий, написано светским автором, хорошо знающим подробности биографии героя. Произведение написано с любовью, без холодной, трафаретной риторики. В нём мы сталкиваемся с отражением быта и исторической эпохи, в которую жила Юлиания Лазаревская. Житие не лишено традиционных элементов, здесь мы встречаемся с бесом, который выступает в качестве активно действующей силы. Именно бес причиняет тяжёлые бедствия семье Юлиании – убивает сыновей, преследует и пугает Юлианию, и отступает лишь после вмешательства святого Николы. Некоторую роль в произведении играют элементы чуда. Юлиания отказывается от соблазнов мирской жизни и выбирает путь аскета (отказывается от близости с мужем, усиливает пост, увеличивает пребывание в молитве и труде, спит на острых поленьях, кладет в сапоги ореховую скорлупу и острые черепки, после смерти мужа перестает ходить в баню). Всю свою жизнь она проводит в труде, вечно опекает крепостных, покровительствует своим подданным. Юлиания отказывается от обычных услуг, отличается деликатностью и душевной чуткостью. Самое

существенное в этом образе, как образе жития, то, что она ведет благочестивую жизнь будучи в миру, а не в монастыре, живет в обстановке бытовых забот и житейских хлопот. Она жена, мать, госпожа. Ей не характерна традиционная биография святого. Через все житие проводится мысль, что возможно достичь спасения и даже святости, не затворяясь в монастыре, а благочестиво, в труде и самоотверженной любви к людям, живя жизнью мирянина.

Повесть – яркое свидетельство нарастания в обществе и литературе интереса к частной жизни человека, его поведению в быту. Эти реалистические элементы, проникая в жанр жития, разрушают его и способствуют постепенному его перерастанию в жанр светской биографической повести. «Святость» здесь выступает как утверждение доброты, кротости, самоотверженности реальной человеческой личности, живущей в мирских условиях. Автору удалось воплотить реальный человеческий характер своей эпохи. Он не стремится сделать его типическим, он добивался портретного сходства и цель эта им достигнута. «Сыновнее чувство» помогло автору преодолеть узость житийных традиций и создать правдивую в основе биографию матери, ее портрет, а не икону.

К художественным достоинствам относится и то, что героиня изображена в реальной бытовой обстановке помещичьей семьи XVII века, отражены взаимоотношения между членами семьи, некоторые правовые нормы эпохи. Процесс разрушения традиционной религиозной идеализации сказался в том, что автор соединил быт с церковным идеалом.

Повесть эта подготавливала литературное направление совершенно нового жанра – автобиографии, герой которой еще теснее связан с бытом и историческими обстоятельствами, а конфликт его с официальной церковью достигает небывалой остроты. Таким произведением является памятник второй половины XVII века – **«Житие протопопа Аввакума, им самим написанное»**. Аввакум Петров (1621-1682) – сын простого деревенского священника, писатель, боровшийся с обрядовой стороной литературы, со всякого рода условностями, стремившегося воспроизвести действительность не в условных формах, а ближе к ней. Аввакум пытался найти реальные причины, движущие силы того или иного события. Творчество Аввакума, проникнутое элементами «реалистичности» (Д.С.Лихачев), имело прогрессивное значение, так как им была поколеблена незыблемость средневековой структуры литературы, расшатана условность литературы. Протопоп Аввакум, идеолог религиозно-общественного движения, которое вошло в историю под названием «раскола», родился в 1621 году в селе Григорове Нижегородского края. В середине века Аввакум становится видным деятелем церкви и со страстью отдается своему делу.

Русское государство и русское общество в XVII веке переживали бурный период своего развития. В начале века царское правительство под властью

новой династии Романовых прилагало большие усилия к тому, чтобы преодолеть разруху и разброд в стране после долгих лет войн и внутренней борьбы. К середине века относится церковная реформа, подготовленная деятельностью «духовной братии», которая сложилась вокруг протопопа Стефана Венифатьева. В состав «братии» входил молодой и энергичный Аввакум. «Братия» ставила перед собой задачу проводить в жизнь законодательные мероприятия по укреплению церковного благочестия, своими реформами они желали установить строгие и единообразные церковные порядки, с непосредственным введением этих порядков в быт народа.

Перу Аввакума Петрова принадлежит свыше восьмидесяти сочинений, причем подавляющая часть их приходится на последние десятилетия его жизни, преимущественно на годы пустозерской ссылки. Именно здесь, в «пустозерском срубе» и началась плодотворная деятельность Аввакума. Письменное слово оказалось единственной возможностью продолжения борьбы, которой он отдал всю свою жизнь. Произведения Аввакума не были плодом досужих размышлений или созерцания жизни из «земляной» тюрьмы, а были страстным откликом на действительность, на события этой действительности.

Произведения Аввакума «Книга бесед», «Книга толкований», «Книга обличений», «Записки», его замечательные челобитные и прославленное «Житие» - та же проповедь, беседа, поучение, обличение, только уже не устные, а письменные, в которых он по-прежнему «кричит». Остановимся на центральном произведении – «Житии».

Во всех произведениях Аввакума чувствуется большой интерес к русскому быту, к действительности, в них чувствуется крепкая связь с жизнью. В «Житии» логика реальности, логика действительности сама как бы диктует писателю. Как и всякое древнее общественное религиозное движение, движение раскола также нуждалось в своих «святых». Борьба, страдания, «видения» и «пророчества» идеологов и вождей раскола становились достоянием сначала устной молвы, а затем и объектом литературного изображения. Общность идейных целей толкала отдельных писателей к взаимодействию. Произведения этого порядка отражали не только идеи ее создателей, но и их судьбы, насыщаясь при этом элементами живого биографического материала. А это, в свою очередь, дало возможность перехода к автобиографическому творчеству в собственном смысле этого слова. Необходимость автобиографического творчества возникла тогда, когда вожди движения начали подвергаться жестоким гонениям и казням, вокруг них создавались ореолы мучеников за веру. Именно в этот период отвлеченные представления о мучениках и подвижниках христианства ожили, наполнились злободневным общественным содержанием. Соответственно возродилась и житийная литература, но под пером Епифания, и в частности

Аввакума, возродившись эта литература преобразилась и отступила от установленных ранее «агиографических формул». Возникновение автобиографии как литературного произведения сопровождалось в области идей и художественных форм резким столкновением новаторства и традиции. Это, с одной стороны, новые черты мировоззрения, выразившиеся в осознании социального значения человеческой личности, личности, которая всегда выпадала из поля зрения древнерусских писателей; с другой – средневековые еще представления о человеке и традиционные формы агиографии.

«Житие» Аввакума, преследовавшее агитационные задачи, должно было отразить те обстоятельства жизни, которые были самыми важными и поучительными по его мнению. Именно так и поступали авторы древнерусских житий, которые описывали и раскрывали те эпизоды из жизни «святых», которые были самыми важными и поучительными, упуская из виду все остальное. Аввакум совершенно иначе ведет отбор материала для своего повествования, резко отличающийся от отбора материала в традиционных житиях. Центральное место отводит описанию борьбы с реформами Никона, сибирской ссылке и продолжению борьбы после этой ссылки. Очень подробно повествует о своей жизни в Москве, полной столкновений с врагами. Повествование в этой части ведется очень обстоятельно, а образ самого Аввакума достигает своего наивысшего развития. И наоборот, автобиографический материал иссякает, как только Аввакум оказывается в темнице. В отличие от агиографов, Аввакум все больше и больше объектов действительности охватывает в своем произведении. Поэтому подчас его автобиография перерастает в историю первых лет раскола. В житийной литературе, которая ставила перед собой задачу показать «святость» героя и могущество «небесных» сил, важное место занимают «чудеса» и «видения». Но они изображаются там большей частью внешнеописательно, как они представляются агиографу. Обнаруживается скорее результат «чуда», чем сам процесс его становления. Автобиографическое повествование создает очень благоприятные возможности для оживления традиционных «чудес». «Чудеса» и «видения» становятся одной из форм для изображения действительности. Здесь уже процесс образования «чуда» раскрывается как бы изнутри, так как автор выступает непосредственным очевидцем и участником «чуда» и «видения». В автобиографии автор достигает преодоления житийной абстракции и материализует «чудеса» и «видения». У Аввакума, всегда обращенного к самой действительности, «чудо» автобиографически раскрывается перед читателями как результат сознательной деятельности автора (встреча Аввакума с бесами происходит не во сне, как у Епифания, современника Аввакума, а в реальной действительности и борьба с ними, это не непосредственная борьба, а борьба с людьми, в которых «бес» сидит). Кроме того, Аввакум не навязывает своих

«чудес» читателю, как делали агиографы, а, напротив, он отрицает свою причастность к ним. Говоря о новаторстве «Жития» Аввакума, об отступлении от «агиографических формул», следует отметить, что ярким новаторством Аввакума является изображение человека, особенно главного героя. Образ этой автобиографии можно считать первым законченным психологическим автопортретом в древней русской литературе. Аввакум показал этот образ во всей его противоречивости и героической цельности, в вечной связи с определенной средой. Аввакум никогда не одинок. Внимание автора сосредоточено на центральной фигуре, но этот образ не подавляет остальные персонажи «Жития» своим превосходством, как это присуще агиографической литературе. Образ центрального героя всегда окружен другими персонажами.

Тесная связь Аввакума с демократическими слоями населения, участвовавшими в движении раскольников, определило демократизм, новаторство и значение «Жития».

«Житие» Аввакума считают «лебединой песней» житийного жанра, а Гусев назвал это произведение «предтечей русского романа».

Вопросы и задания:

1. Борис и Глеб – идеальные христианские герои-мученики.
2. Историческое содержание памятника «Житие Александра Невского».
3. Образ Александра Невского.
4. Отражение быта и исторической эпохи, в которую жила Юлиания Лазаревская.
5. Образ Юлиании Лазаревской.
6. Реалистические элементы в повести о Юлиании Лазаревской.
7. Аввакум – поборник справедливости.
8. Представители светской власти в житии Аввакума.
9. Житие Аввакума – первая в истории русской литературы автобиография-исповедь.

Лекция 8

ПОВЕСТИ О МОНГОЛЬСКОМ НАШЕСТВИИ

План:

1. «Повесть о битве на Калке»
2. «Слово о погибели Русской земли».
3. «Летописная повесть о Мамаевом побоище».
4. «Задонщина».
5. «Сказание о побоище великого князя Дмитрия Донского».

Переводная литература, имеющая обширнейший круг, способствовала обогащению и развитию оригинальной русской литературы. На примере переводных исторических повестей на Руси создаются оригинальные повествовательные памятники, отражающие историю Русского государства. Особое место среди этих произведений занимают повести, раскрывающие трагические страницы русской истории – период нашествия татар на Русь и установления многовекового татарского ига на Руси.

В первой половине XIII столетия Русская земля подверглась нашествию татар. Страшные полчища степных кочевников, объединенные Темучином – Чингиз-ханом, двинулись с востока на запад. С 1237 по 1240 год русский народ вел мужественную борьбу с неисчислимыми силами врага. Феодалная раздробленность Русской земли способствовала успеху врага. События, связанные с татарским нашествием, получили широкое отражение в литературе той поры.

«Повесть о битве на Калке»

Первое столкновение русских с монголами произошло в 1223 году на реке Калке (Кальмиус). Летописная повесть об этой битве дошла до нас в двух редакциях, она создана в дружинной среде. Повесть последовательно и обстоятельно излагает ход событий. Она хорошо передает настроение русского общества при известии о появлении монголов. Весть эта была встречена с крайним недоумением. Автор отмечает, что явились народы, которых никто не знает, и он ссылается на философско-исторический труд Мефодия Потарского «Откровение», где обозревались судьбы человечества от Адама до «второго пришествия» (VII век). Он считает, что татары – это народы, разбитые Гедеоном и запертые им в пустыне Етревской, а появление их знаменует собою конец света. Отсюда вытекает религиозно-моралистическая трактовка события: приход татар – следствие попустительства божия «грех ради наших».

В 1237 году основные силы Золотой Орды во главе с преемником Великого Чингиза Бату – ханом Батыем подошли к границам Северо–

Восточной Руси. Первый удар степные кочевники нанесли Рязани, а затем был разгромлен Владимир. События, связанные с героической защитой русским народом своей земли, получили яркое художественное воплощение в **«Повести о приходе Батыя на Рязань»**. Повесть прославляет мужество и героизм защитников Рязани – князя Юрия Ингоревича, его братьев Давида и Глеба и рязанских дружинников – «удальцов», «резвцов» - достойные рязанского славного богатыря Евпатия Коловрата. Причину поражения рязанцев автор усматривает в феодальной обособленности русских княжеств, в эгоистической политике князей. Органически не связанными со всем содержанием повести являются религиозно-моралистические рассуждения о причинах гибели Рязани: попустительство божие, наказание за грехи. Эти рассуждения автора не могут заслонить главной причины – забвение владимирским великим князем интересов всей Русской земли.

Повесть состоит из четырех частей:

Первая – появление Батыя на границах Рязанской земли, посольство рязанцев к Батыю во главе с князем Федором, гибель Федора и его жены Евпраксии.

Вторая – героическая защита Рязани Юрием Ингоревичем, гибель защитников и разорение Батыем Рязани.

Третья – подвиг Евпатия Коловрата.

Четвертая – обновление Рязани Ингварем Ингоревичем.

Концовка повести свидетельствует об оптимизме, жизнестойкости русского народа, его непоколебимой вере в возможность избавления от татарского ига. Повесть верно передает настроение общества того времени и отличается живостью, яркостью и драматизмом повествования.

«Слово о погибели Русской земли». Разорение Русской земли татарами вызывало не только скорбь о ее бедствиях, но и надежды на избавление от гнета в будущем. Пробуждению этих надежд должны были служить воспоминания о прошлом процветании, о недавнем государственном могуществе Русской земли. В этом отношении любопытно одно небольшое произведение – «Слово о погибели Русской земли». Это – замечательное поэтическое произведение, впервые найденное только в конце 70-ых годов XIX века К. Г. Евлентьевым и опубликованное в 1892 году Х. М. Лопаревым. В конце 40-ых годов XX века В. И. Малышевым был обнаружен новый список этого памятника. В обращении к «светло-светлой и прекрасно украшенной земле Русской» автор прославляет красоты природы, материальные богатства и силы древней Руси. Вслед за этим называются многие племена, определяются огромные пространства, покоренные Русским государством. Из князей особенно величественным показан Владимир Мономах. Текст обрывается на замечании о том, что «...в ты дни приключилась болезнь христианам» (т.е. – нашествие татар). Несмотря на фрагментарность, «Слово» блестяще выразило идею единства и мощи

Русской земли, жизненно необходимую в период феодальной раздробленности и ослабленности под гнетом татар. Для выражения этой идеи неизвестный автор нашел яркие словесные краски, взятые частью из книжной риторики, частью из устной поэзии. Образ Владимира Мономаха, данный в легендарно-гиперболических чертах, носит следы влияния фольклора. Опубликованный в 90-ых годах XIX века памятник Х.М.Лопарев считал «началом великолепной поэмы XIII века, оплакивающей гибель Руси».

В 1223 году на реке Калке произошло первое столкновение русских с татарами, окончившееся жестоким поражением русских войск. Через четырнадцать лет, в 1237 году, татары во главе с Батыем предали «огню и мечу» большинство княжеств Руси. Русская земля вынуждена была в течение нескольких столетий нести тяжелое бремя татарского ига. Но Русь существовала как определенная государственная формация феодальных княжеств. Русь постепенно приближалась к образованию централизованного государства. Процесс организации централизованного государства ускорился борьбой с внешними врагами, в частности с татарским игом. Наиболее ярким эпизодом этой борьбы явилось Мамаево побоище, которое произошло в княжение Дмитрия Донского в 1380 году. Период княжения Дмитрия Донского характерен усилением Московского княжества. Золотоордынский хан Мамай сознавал опасность усиления Московского княжества для Золотой орды. Стремясь ослабить это усиление, он в 1378 году предпринимает поход на Москву. Силами Мамаея руководил Бегич, а русскими – Дмитрий Донской. Битва произошла на реке Волге и окончилась поражением татар. Мамай начал готовить новый поход против Москвы. Дмитрий Донской, узнав об этом, в свою очередь начал собирать русские силы. Он сплотил вокруг Москвы все русские княжества. В этом единении вокруг Москвы большинства русских княжеств и была сила Дмитрия Донского и поход против Мамаея приобрел общерусский, общенародный характер. В союзе с Мамаем выступил литовский князь Ягайло Ольгердович и князь постоянно соперничающего с Москвой княжества Рязанского Олег. Сборным пунктом русских сил была назначена Коломна, откуда 20 августа 1380 года русское войско, переправившись через Оку, в месте впадения в нее реки Лопасты, пошло на юг, к истокам реки Дона. Местом боя было выбрано Куликово поле. Татары расположились в южной части Куликова поля, имея в своем тылу наиболее высокую точку данной местности – Красный холм. Кровавопролитная битва началась утром 8 сентября. В ходе боя татары стали одолевать русских и пригнали их к Нерядве. Когда победа, казалось, почти уже была на их стороне, в правый фланг татарских полков ударили свежие силы засадного полка. Это решило исход боя: татары были разбиты и обратились в бегство. Победа досталась русским тяжелой ценой: потери были чрезвычайно велики. Ягайло, узнав о поражении Мамаея, ушел в Литву. В Литву же бежал из своего княжества Олег Рязанский. Мамай, вернувшись в Орду, снова собрал силы и

хотел пойти на Москву, но в это время из-за реки Яика пришел хан Тохтамыш. На Калке между ними произошла битва, в результате которой Мамай потерпел поражение. В Орде воцарился Тохтамыш.

Битва на Куликовом поле вызвала к себе неослабевающий интерес, как в ближайшие годы, так и в последующие десятилетия. Ни одному историческому событию не было посвящено столько литературных памятников, как Мамаеву побоищу. Вскоре после битвы была написана **«Летописная повесть о Мамаевом побоище»**. Этот рассказ ярко окрашен непосредственными, свежими впечатлениями от описываемых в нём событий. Особенно характерна оценка, которая дана князю-изменнику Олегу Рязанскому. Автор называет его «душегубивым», «лихоимцем», «Иудой», «кровопийцем» и т.п. Это произведение проникнуто идеей предопределенности: победа над Мамаем и роль в этой победе великого князя Московского объясняется в ней предначертанием «божественной воли». В соответствии с этой тенденцией исход боя решается не умелыми действиями полководца и мужеством русских воинов, а появлением на поле брани полков «святых», которые с неба поражают татар и обращают их в бегство. Таким образом, в повести историческое событие получает типичную средневековую церковную интерпретацию – все зависит от воли Бога.

Вскоре после Куликовской битвы было написано поэтическое произведение куликовского цикла – **«Задонщина»**. Под таким названием это произведение встречается в самом раннем из дошедших до исследователей списков Кирилло-Белозерского монастыря (70-ые годы XV века), где оно озаглавлено: «Писание Софония старца рязанца, благослови отче. Задонщина великого князя господина Дмитрия Ивановича и брата его Володимера Андреевича». Памятник этот имеет и другое название: «Слово о великом князе Дмитрие Ивановиче и о брате его князе Владимире Андреевиче. Писание Софония старца рязанца». Только из заглавия и известно имя автора – Софоний рязанец, но более достоверных, подробных сведений о нем не имеется. Уже первые исследования «Задонщины» указывают на близость его со «Словом о полку Игореве». Существование «Задонщины», литературного памятника конца XIV века, в котором мы встречаем не только отдельные слова или фразы, восходящие к «Слову», но и целые отрывки из него, с полной очевидностью свидетельствует о подлинности «Слова о полку Игореве». Но вместе с тем, эта близость двух памятников, служила причиной того, что многие исследователи считали ее лишь рабским подражанием «Слову о полку Игореве» и не видели в ней художественной ценности оригинального произведения. Существует также точка зрения, что «Слово о полку Игореве» написано под влиянием «Задонщины».

Необходимо отметить полную идейную самостоятельность «Задонщины». Автор шел в своем произведении прежде всего от события, которому этот памятник посвящен, от его высокой оценки, от понимания его

исторической роли в жизни страны. Основной идейный смысл, пафос «Задонщины» - в прославлении Москвы и московского князя, в утверждении, что объединение всех русских князей вокруг московского князя привело к поражению татар. Обращение к «Слову», как к образцу для своего произведения не случайно и не является показателем литературного бессилия, беспомощности. Это обращение к памятнику конца XII века обусловлено исторической эпохой и внутренней близостью этих двух памятников. Время после Куликовской битвы в русской культуре и идеологии характеризуется повышенным интересом к прошлому, к истории Русской земли. В связи с победой на Мамаевом побоище для Софония неизбежно вставал вопрос о татарах в историческом плане, потребность рассмотреть их значение в прошлом, понять причины русских поражений. Автор сумел уловить основной идейный смысл «Слова» – призыв русских князей к единению перед лицом врага. Зная историю своей родины, он видел, что событие, рассказанное в «Слове», было одним из тех, которые привели Русь к поражению на Калке, а далее- к татарскому игу. Взяв «Слово» за образец, автор как бы сопоставлял события XII и XIV веков. Читатель, знавший «Слово», при чтении «Задонщины» невольно должен был сопоставить их. Ясна была их основная идея – если в стране будет междоусобица, то страну ожидает чье-то иго, а вот если все объединятся под знаменем одного князя – то тогда, как это и произошло после объединения вокруг московского князя, враг будет побежден. В этой идейной связи и кроется причина, побудившая Софония обратиться к «Слову о полку Игореве». Автор «Задонщины» не просто берет образы из «Слова», а перерабатывает их. Если перед походом Игоря солнце «тьмою путь закрывает», то перед походом Дмитрия Донского солнце «ясно сияет и указывает ему дорогу». В «Задонщине», как и в «Слове», широко использованы образы и сравнения из окружающей природы. Поэтический план «Задонщины» состоит из двух основных частей: «жалости» и «похвалы». Этим двум частям предшествует небольшое вступление, которое ставит своей целью не только настроить слушателя на высокий торжественный лад, но и определить основное тематическое содержание произведения: дать «похвалу» Дмитрию Ивановичу и его брату Владимиру Андреевичу, возвести печаль на восточную страну. Автор подчеркивает генеалогическую связь московского князя с великим князем киевским – Владимиром, как бы устанавливает тем самым родственную преемственность Москвы и Киева. Стиль повествования радостный, мажорный, автор проникнут сознанием конца периода «тучи» и «печали». В «Задонщине», по сравнению со «Словом», значительно усилен христианский элемент, вовсе отсутствуют языческие мифологические образы. В уста героев вкладываются благочестивые размышления, молитвенные обращения, вводятся элементы религиозной фантастики (Борис и Глеб молитву творят «за сродники своя»),

русские войска сражаются за «святые церкви, за православную веру». В «Задонщине» подчеркнута политическая роль Москвы и московского князя в борьбе с татарами. И в этом отношении «Задонщина» явилась произведением, пропагандирующим идею сплочения, объединения русских земель вокруг Москвы.

На основе летописной повести о Куликовской битве, «Задонщины» и устных преданий было создано **«Сказание о побоище великого князя Дмитрия Донского»**, дошедшее до нас в многочисленных списках и в четырех редакциях. В «Сказании» усилен религиозный элемент. А в одной из редакций на первое место выдвинута фигура митрополита Киприана. Сказание по характеру сродни житиям, и автор стремится придать памятнику пышную, торжественную и парадную форму, непомерно усиливая риторiku, расширяя описание чудес.

Вопросы и задания:

1. Описание первого столкновения русских с монголами в «Повести о битве на Калке»
2. Композиция «Повести о приходе Батыя на Рязань».
3. «Слово о погибели Русской земли» – повесть о разорении Русской земли монголами.
4. Оценка князя-изменника Олега Рязанского в «Летописной повести о Мамаевом побоище».
5. «Задонщин» – поэтическое произведение куликовского цикла.
6. Идеиное своеобразие «Сказания о побоище великого князя Дмитрия Донского»

Лекция 9

ОБЛАСТНЫЕ ЛИТЕРАТУРЫ XV ВЕКА

План:

1. Новгородская литература.
2. Муромо-Рязанская литература.
3. Жанр хождения

НОВГОРОДСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Новгород менее других северо-восточных городов пострадал от татарского ига. Новгородская литература, известная с XI века, переживает в XIII – XIV веках эпоху расцвета. Кроме «Жития Александра Невского», в это время создается несколько интересных легенд и «хождений». Отражая сопротивление Новгорода объединительной политике Москвы, новгородская литература долго сохраняет местный характер, продолжая развиваться и в период политического упадка «вольного города» (XIV–XV вв.). Древнейшим памятником новгородской литературы является летопись, которая возникла в 30-ых годах XI века и велась непрерывно до потери политической самостоятельности в 1478 году. Древнейшая новгородская летопись имела чисто внутренний характер, лишь с XIII века тематика ее расширяется, появляется понятие Русской земли, летописец начинает следить за событиями и в других княжествах. Так например, в летописи, относящейся к 30-ым годам XIV века намечается расширение тематики. При архиепископе Евфимии II (1429–1459гг) происходит дальнейшее развитие летописания и расцвет литературы. По поручению Евфимия в 1432 году создается Софийский временник, в котором в центре истории Руси ставится Новгород. В этом своде были заложены определенные исторические основы для политических притязаний Новгорода. Сторонниками присоединения Новгорода к Москве в 1448 году создается новый летописный свод с явно выраженной общерусской политической демократической тенденцией. Евфимий II способствует установлению в Новгороде культа архиепископа Иоанна (1163–1183гг.). С именем Иоанна было связано предание о чудесном избавлении Новгорода от нападения суздальцев в 1169г.

Прославлению святости новгородского архиепископа Иоанна посвящена повесть **«Путешествие Иоанна на бесе в Иерусалим»**. Основу сюжета повести составляет типичный для средневековой литературы мотив борьбы праведника с бесом. Однако в этом фантастическом сюжете нетрудно обнаружить реальные черты быта дворянства того времени. Повесть отличается занимательностью, яркими деталями быта. Одной из форм защиты утраченной независимости было утверждение превосходства новгородской

церкви над московской. В ложно-исторических рассказах доказывалась преемственность новгородской церкви непосредственно от византийской, а новгородские архиепископы представлялись единственными хранителями святынь, перешедших к ним прямо из Византии. В этом отношении особенно характерна повесть, возникшая в первой половине XVI века – **«Повесть о новгородском белом клобуке»** (клобук – головной убор высшего духовенства). К популярному имени Иоанна приурочена **«Повесть о новгородском посаднике Щиле»**. Она создана на основе устного предания о ростовщике-монахе Щиле, построившем церковь Покрова в Новгороде в 1320 году. Повесть ставила своей целью доказать спасительность заупокойных молитв и необходимость подушных церковных вкладов. Повесть направлена против еретических учений «стригольников» и «жидовствующих».

В новгородской литературе XV века обнаруживается наличие областнических тенденций, идущих от верхов феодального общества. В то же время в литературе отразились и народные представления, которые вносили в нее живую струю занимательности и конкретности изображения.

МУРОМО-РЯЗАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Характерные особенности древней русской повести конца XV – начала XVI века ярче всего обнаруживаются в выдающемся произведении муромо-рязанской литературы – **«Повесть о Петре и Февронии»**. Это наиболее интересная повесть по своим идейно-художественным особенностям. В ней в довольно отчетливой форме наблюдаются признаки повести как определенного литературного вида на данном этапе его развития. Автор говорит о прошлом своего Муромского княжества. Но его рассказ своим внутренним смыслом обращен не к прошлому, а к настоящему. Он переносит в прошлое свойственные московским идеологам времени централизованного Русского государства на грани XV – XVI вв. представления о князе, княжеской власти, взаимоотношения князей и бояр и пр. Для автора – это истинные «самодержцы», самое нарушение «волеизъявлений» которых неизбежно порождает общенародные бедствия; они борются с боярами, стремящимися к власти, и побеждают. Оценка прошлого в свете понятий, складывавшихся на новом этапе исторической жизни древней Руси, сама по себе свидетельствует о прогрессивных началах повести, раскрывает ее истинный идейный смысл. Перед автором «Повести», как перед художником, неизбежно встает задача художественного обобщения общественных явлений прошлого, периода феодальной раздробленности Руси и явлений настоящего. Сам автор не был в состоянии самостоятельно создавать такие художественно-обобщенные образы, которые соответствовали бы его идейно-эстетическим требованиям, которые дали бы ему возможность в художественной форме выразить со своих классовых позиций восприятие

положительных и отрицательных явлений жизни, дать эстетическую оценку им. В осуществлении этой задачи он искал опоры для себя и нашел ее в устной народной поэзии. В первой части повести автор следует сюжету эпической песни или сказания об огненном летающем змее, но все действующие лица ее претендуют на полную историческую достоверность. Элементы реалистичности пронизывают повествование во всей этой части. В композиции повести ее первая часть вырисовывается одновременно как экспозиция и завязка. Автор здесь знакомит читателя со своим главным героем и, что особенно важно, чертами былинной образности дает ему эстетическую оценку. Петр – это прежде всего героическая личность – змееборец былинного эпоса в исторической обстановке.

В основу второй части легла сказка о мудрой деве. Мудрость сказочной девы проверяется не только решением невыполнимых заданий, но и тем, сможет ли она «уврачевати» князя. Врачевание князя кладет начало романтическому содержанию «Повести», ее любовной интриге. Но здесь автор будущего самодержца, князя Петра, оберегает от унижения, не Петр, а один из его отроков встречается с Февронией и оказывается посрамленным ее мудростью. Особенно замечательно претворен в повести сказочный эпизод изгнания «мудрой девы» из дома ее знатного мужа. В сказке «мудрую деву» всегда изгоняет ее муж, убедившись в том, что она своим умственным превосходством лишает его авторитета среди окружающих. Князь Петр и в этом случае освобожден от такой неблагоприятной роли, и весь эпизод дается в ином, в социальном плане. Героиня вынуждена оставить княжеский дом вследствие мятежа бояр. Сперва бояре хотят изгнать только Февронию, но вынуждены согласиться отпустить с нею и Петра. Тут уже причины изгнания принимают другой характер – политический. Нет ничего сказочного и в возвращении героев. Явно, что автор – сторонник князя, противник бояр. Образ Февронии – это поэтический образ крестьянской девушки, простотой и непосредственностью, сказочной «мудростью» побеждающей бояр. Это образ любящей и преданной жены, умно, внешне незаметно, но постоянно благотворно влияющей на управление княжеством. Автор удачно воспользовался тем социальным конфликтом, на котором построена сказка о мудрой деве. Изображая конфликт между княгиней-крестьянкой и боярами, он поднимается до широких обобщений в описании мятежа бояр. Построение всей второй части повести на любовной интриге, осложненное изображением феодальной борьбы, бесспорно является вершиной новаторства автора. Трактовка любви, как человеческого чувства, без всякой мотивировки ее возникновения вмешательством злой дьявольской воли, любви как личного чувства, осложненного социальным конфликтом. – является чуть ли не единственным примером в повествовательной литературе древней Руси.

В повести кроме фольклорной традиции есть и традиции русской житийной литературы. Идеальная жизнь и мудрое правление княжеством, с

точки зрения автора, заслуживает ореола святости. Он и украшает им своих героев в последние дни их жизни. Это третий аспект, в котором автор повести показывает Петра и Февронию. Но это не было основной задачей его труда, и поэтому здесь он предельно лаконичен. В этой части он окончательно покидает свой фольклорный источник. Автор обнаруживает осведомленность в агиографическом жанре, но все же и на последних страницах повести не подчиняет свое изложение житийной манере письма.

Автор на легендарно-историческом материале сумел поставить политические и социальные вопросы, волновавшие передовых людей конца XV века.

ЖАНР ХОЖДЕНИЯ

После принятия христианства и установления непосредственных связей с христианским Востоком, усиливается интерес к святым местам. Усваивая новую христианскую религию, русские люди желали воочию увидеть святыне места, о которых писалось в «священных писаниях», и убедиться в истинности написанного. С XI века начинается путешествие русских людей на Святой Восток. Путешественник, в знак того, что он побывал в Палестине, привозил с собою на родину пальмовую ветвь. Поэтому они на Руси назывались «паломниками». Их называли также «каликами-перехожими». Калик – от греческого названия специальной обуви – калига, надеваемой путником. Паломничество со временем принимает массовый характер и светская власть наложила на паломничество вето, так как оно наносило серьезный ущерб княжеской экономике. Постепенно запрет распространился с мирян на монахов, которым предписывалось «не ногами искать спасения и Бога», а неукоснительным исполнением своих обязанностей и обетов у себя дома. Совершать путешествие имели право лишь представители высшей церковной иерархии. Для того, чтобы удовлетворить запросы людей, лишенных возможности побывать в Палестине, создаются описания путешествий-хождений. Так в XII веке возникает жанр **хождения**. Первым памятником этого жанра является «Хождение игумена Даниила в святую землю».

Игумен Даниил совершил паломничество в 1106 году. Он пробыл в Иерусалиме шестнадцать месяцев и вернулся на родину в 1108 году. В памятнике, где описано это путешествие, Даниил обнаруживает чисто русскую любознательность. Его интересует природа, планировка городов, оросительная система. Сообщает ряд интересных данных о реке Иордань, имеющей с одной стороны пологие, а с другой – крутые берега. Река эта напоминала ему русскую реку Сновь. Дает сведения о островах Самос и Икос. Однако в «Хождении» большое место занимают религиозно-фантастические легенды. Эти легенды Даниил либо слышал и записал во

время своего путешествия, либо вычитал в письменных источниках. Подробно описывает места, связанные с библейскими легендами. Несмотря на то, что основное внимание уделено религиозным вопросам, Даниил осознает себя полномочным представителем в Палестине русского народа. Он с гордостью сообщает, что русского игумена с честью принял король крестоносцев Балдуин (Иерусалим во время пребывания там Даниила был захвачен крестоносцами). Центральное место в памятнике занимает описание посещения гроба Господня, где Даниил молился за Русскую землю, за русский народ и поставил лампаду от имени всей Русской земли. Даниил с гордостью отмечает, что русская лампада зажглась, а «фряжская» (римская) – потухла. В этом он видит проявление особой божьей милости и благоволения к Русской земле. Это перекликается с основной направленностью русской летописи и других произведений XI – XII веков, ставящих перед собой задачу – показать и доказать, что «русский народ равен перед лицом Бога и имеет право на самостоятельное существование». Таким образом, путешествие, предпринятое с религиозной целью, получает политическую, патриотическую направленность.

Со временем меняется характер жанра хождений, они лишаются религиозно-дидактических целей. Конец XV – начало XVI в. – время великих географических открытий. Это – время Христофора Колумба и Васко да Гама. Тот же интерес к открытию еще неизведанных стран был характерен и для России. Русские «землепроходцы» еще в XV веке проникли в Персию и в Сибирь. Особенно интенсивны были поиски торгового пути в Индию, который был притягательным центром средневековья. Как в Западной Европе, так и на Руси бытовало много сказаний об Индии, о ее богатстве, о фантастическом идеальном государстве. В XV веке путешествие в Индию совершает тверской купец Афанасий Никитин. Свое путешествие Никитин описывает в «**Хождении за три моря**». Для своего произведения Никитин выбирает жанр путевых записок, дневниковой записи. Никитин едет в неведомую русским людям землю для того, чтобы собственными глазами видеть ее, чтобы там «посмотреть товаров на Русскую землю». Свое «хождение» Никитин совершил с 1466 по 1472 год. Он был одним из первых европейцев, вступивших на землю «брахманов» (морской путь в Индию был открыт португальцем Васко да Гама в 1498-1502 годах), о громадных богатствах и сказочных чудесах которой рассказывали «Александрия» и «Сказание об Индии богатой». Записки Афанасия Никитина не отличаются литературностью, как она понималась в Древней Руси. В них нет украшенности, нет заботы о стиле. Он пишет совершенно просто, и в этой простоте их особое очарование. Афанасием Никитым руководила не только чистая любознательность, но и практическая сметка купца.

На основании небольшой заметки историко-изыскательного характера, которая обычно помещается в летописи перед записками Афанасия, и

сведений, имеющихся в самих записках, можно установить, что купец Афанасий Никитин выехал в 1466 году из Москвы вместе с русским послом Василием Папиным в Шамаху. Он вместе с посольством спустился вниз по Волге до Астрахани, где один из его кораблей был захвачен разбойниками, а другой разбила буря у берегов Каспийского моря. Но Никитин продолжил путешествие. Сухим путем добрался до Дербента, перебрался в Персию и морем проник в Индию. В Индии он пробыл три года и через турецкие земли (через Трапезунд) и Черное море вернулся в 1472 году в Россию, но, не доезжая до Смоленска, умер. Его записки («тетради») были доставлены купцами в Москву к дьяку великого князя Ивана III – Василию Мамыреву и включены в летопись.

На основании «Хождения» мы можем ярко представить себе незаурядную личность русского человека, патриота своей родины, прокладывающего путь в неведомые страны ради «пользы Руския земли». Никакие невзгоды, никакие испытания не могли испугать его, сломить его волю. Он продолжает путь к намеченной цели. Возможно, что возвращение назад в Тверь не сулило ему ничего, кроме долгой тюрьмы, а вперед манила даль неведомых земель. В отличие от других памятников этого периода, когда литература носила областной характер, «Хождение» лишено местных, областнических тенденций. Тверской купец чувствует себя в далекой Индии представителем всей Русской земли, а не Твери. И это весьма примечательно, ведь чувство областной обособленности было присуще только верхам феодального общества, а не народу.

Присматриваясь к нравам и обычаям чужой страны, Афанасий свято хранит в сердце образ родины – Русской земли. Чувство родины обостряется на чужбине, и «хотя на Руси много не порядков», ему дорога его Отчизна, и он восклицает: «Русская земля, да будет Богом хранима!.. На этом свете нет страны, подобной ей, хотя вельможи Русской земли несправедливы. Да станет Русская земля благоустроенной и да будет в ней справедливость!» Православная вера для Никитина – символ родины. Отсутствие возможности в чужой стране соблюдать православные религиозные обряды, вызывает у него чувство горечи. Но никакие уговоры и угрозы не могли заставить его принять мусульманство. Переменить веру для него равносильно изменить родине. При этом Афанасию чужд религиозный фанатизм, он внимательно присматривается к местным религиозным верованиям и описывает их.

Русского человека интересуют быт и нравы чужой страны. Он описывает социальное неравенство и религиозную рознь в стране. Афанасий отмечает особенности климата Индии: «Зима у них стала с троицына дни, а всюду вода, да грязь и тогда пахнут и сеют пшеницу, просо, горох и все съестное. Весна же наступает в Покрова дня, когда на Руси начинаются первые зазимки».

Описание Индии у Никитина строго фактично, и лишь в двух случаях он приводит местные легенды: о птице «гукук», которая летает по ночам и кричит, а «на какой хоромине сядет, тут человек умрет»; об «обезьяньем князе», навеянная индийским эпосом «Рамаяной».

Заканчивается произведение кратким путевым дневником о возвращении на родину, где он и умер близ Смоленска, так и не дойдя до Твери. Умной и разносторонней наблюдательностью записки Афанасия Никитина выделяются среди других европейских географических сочинений XV – XVI веков. Выдающийся востоковед И.П.Минаев, рассматривая труд Никитина, находит в нем «не один драгоценный факт, важный для понимания староиндийской жизни и просмотренный его современниками, заходившими в Индию».

Вопросы и задания:

1. Прославлению святости новгородского архиепископа Иоанна в повести «Путешествие Иоанна на бесе в Иерусалим».
2. Областные тенденции новгородской литературы XV века,
3. Особенности древней русской повести конца XV – начала XVI века «Повести о Петре и Февронии».
4. Политические и социальные вопросы в «Повести о Петре и Февронии», волновавшие передовых людей конца XV века.
5. «Хождение за три моря» Афанасия Никитина.

Лекция 10

ПУБЛИЦИСТИКА ДРЕВНЕЙ РУСИ

План:

1. «Моление Даниила Заточника».
2. Публицистика XVI века
3. Иван Грозный – писатель

«МОЛЕНИЕ ДАНИИЛА ЗАТОЧНИКА»

Выдающимся памятником первой половины XIII века является публицистический памфлет «**Моление Даниила Заточника**», который дошёл до нас в списках XV – XVI вв. в двух редакциях. Первая редакция была адресована Ярославу Владимировичу, который княжил в Новгороде с 1182 по 1199 год. В этой редакции отсутствует конкретный материал, обличения Даниила носят обобщенный характер, основной удар направлен против «злых жен». Вторая редакция адресована Ярославу Всеволодовичу Переяславскому, княжившему с 1213 по 1236 год. Эта редакция наполнена конкретным социально-обличительным материалом, направлена против бояр и монахов.

Как бы мы ни смотрели на происхождение отдельных редакций «Моления», ясно одно – «Моление» не только читалось и переписывалось – оно постоянно перерабатывалось, дополнялось, из него делали выборки, оно жило, творилось в течение ряда веков. При этом удивительно следующее: каждый из его соавторов умел попадать в стиль «Моления» и не расходиться с его идеологией. Вновь дописанное или переработанное почти не отличалось по своему характеру от основной части, точно стиль, в котором было написано «Моление», был хорошо знаком всем, кто так или иначе «вмешивался» в работу автора этого произведения.

Характерной особенностью «Моления» является стремление автора установить новые критерии для определения общественной ценности человека. В литературе предшествующего периода характерна была традиция оценивать человека по положению на иерархической лестнице. «Моление» выступает против этой традиции, здесь, впервые в литературе, утверждается право человека на уважение в зависимости от личных качеств. Автор «Моления» считает, что право человеку на уважение дает прежде всего его ум. И именно с риторического прославления ума начинается «Моление». Даниил протестует против отношения к человеку по сословному признаку, по его принадлежности к имущим слоям. Главное в человеке его личные, внутренние качества, важным из которых является разум, он показывает превосходство ума над ратными подвигами: «Лучше един мудр десяти хоробрующих без ума». Даниил выступает против бояр, которые не могут

оценить человека, постоянно унижают его. Он сам находится в материальной зависимости от бояр и просит князя взять его на службу к себе. Осуждает богатство, которое развивает в человеке «гордость и буесть». При этом Даниил указывает на возможные пути освобождения от боярской зависимости и сам же отвергает их. Например – пострижение в монахи. Но он с негодованием говорит о монахах и впервые в древнерусской литературе появляются элементы сатирического изображения монашеского быта. Даниил выступает и против другого пути – женитьба на богатой невесте. Даниил отмечает, что войти в дом к богатому тестю – это не что иное, как унижение человеческого достоинства. Попутно тут же Даниил дает образ «злой жены» – это яркий сатирический образ, тут сказывается влияние церковной литературы.

В центре «Моления» – образ идеального князя, мудрого и справедливого правителя, способного установить социальную справедливость. По его мнению князь – единственный, кто может избавить его от боярской зависимости и от нищеты, в его представлении князь – это солнце, которое «согревает подданных лучами своей милости». Только «страх княжеской грозы» способен защитить его достоинство от поругания, «подобно ограде твердой». Князь «украшает людей своей милостью», как весна украшает землю цветами, как солнце «греет он лучами своей милости подданных». Обратить «тучу милости своей на землю скудости моя» призывает Даниил князя. Но, при этом, Даниил не ставит вопроса о социальном равенстве. Он сторонник сохранения «холопства» - «как бы ни был горделив и буяв холоп, но укора ему своего не избыти – холопья имени», подобно тому, как котлу с золотыми кольцами «не избыть черноты».

Исходя из этого, И. У. Будовниц считает, что Даниил является представителем мелкого феодального военного люда – нарождающейся новой социальной прослойки господствующего класса – служилого дворянства, которое и стремится занять место у кормила правления, оттеснить бояр. Было сделано несколько попыток определить ту среду, к которой принадлежал автор «Моления». Эти попытки приводили к внешне противоречивым результатам. Одни считали его дворянином (И.У.Будовниц), другие – дружинником князя (Миндалев), третьи – холопом (Н.К.Гудзий), четвертые предполагают, что Даниил вообще не имеет устойчивого социального положения (Б.А.Романов). Но при всем этом одно несомненно, что автор принадлежал не к господствующим классам, а к зависимым. Он сам называет себя «холопом», называл ли он себя так в точном или узком значении этого слова или в широком значении – «слуга», «подданный», «зависимый человек», одно бесспорно, он подчеркивал свое невысокое социальное положение. Но к какой бы категории зависимых людей он ни принадлежал, одна черта выделяет его из всех – он подчеркивает свою полную зависимость только от князя, только в князе он видит возможный

источник своего благополучия, только князя восхваляет, возводит до небес. Это позволяет видеть в Данииле типичного княжеского «милостника», которых особенно много было во Владимиро-Суздальской земле и которые вербовались из самых различных категорий «зависимых» людей. К «княжеским милостникам» относит его Д.С.Лихачев.

Даниил сравнивает князя с весной, украшающей землю цветами, с рекой, напояющей людей и зверей. Князь «посылает тучу, грозу». Он так богат, что богатства его «нельзя истощить, как чашею нельзя вычерпать море». Щедрый князь – отец слугам, он «заступник теплый», он дает «богатство и славу», как земля овощ, как дерево плод. К нему все приходят и «обретают от печали избавление». В тоне этого панегирика трудно уловить иронию. Но, конечно, князь для Даниила не был фигурой священной и непогрешимой. Его отношение к князю определяется сравнениями из животного мира. Князь подобен орлу над птицами, осетру над рыбами, льву над зверями. Но в целом – это положительная фигура, так как он своей властью может вызволить зависимого человека из нищеты, поднять его по лестнице социальных отношений, защитить от произвола богатых. Князь – защитник Родины от иноземных захватчиков. Но при всей «демократичности» идейных позиций автора, мы не можем называть их народными, как и позиции автора «Слова о полку Игореве». Позиции автора «Моления» связаны со слишком узкими, временными и местными задачами, понятие Родины оттеснено на второй план. Его кругозор ограничен. Идеалы затемнены личными интересами. Но элементы народности присутствуют в идейном содержании, в художественной основе. При этом в обоих случаях народность выступает в некотором ограничении. Если автор «Слова о полку Игореве» черпает художественные средства из народной лирики и народной исторической песни, то автор «Моления» связан с поэзией скоморохов. Автор «Моления» – «зависимый» человек и не только юридически и материально, но и, в некоторой степени, идейно. Поэтому и наблюдается стилистическая связь с произведениями скоморохов, которые также принадлежали к числу «княжеских милостников».

Как справедливо отмечает В. Г. Белинский: «Кто бы ни был Даниил Заточник, - можно заключить не без основания, что это была одна из тех личностей, которые, на беду себе, слишком умны, слишком даровиты, слишком много знают и, не умея прятать от людей своего превосходства, оскорбляют самолюбивую посредственность; которых сердце болит и сдается ревностью по делам, чуждым им, которые говорят там, где лучше было бы помолчать, и молчат там, где выгодно говорить; словом, одна из тех личностей, которых люди сперва хвалят и хвалят, потом сживают со свету, и, наконец, уморивши, снова начинают хвалить».

Следует отметить, что автор «Моления» - человек необычайно начитанный. Даниил говорит, что он вырос не в Афинах, учился не у

философов, а, подобно трудолюбивой пчеле, «гадая по книгам», избирает «сладость словесную», совокупляет «мудрость, яко в мех воду морскую». Даниил – это своего рода «интеллигент» древней Руси XII-XIII вв., «интеллигент», принадлежащий к эксплуатируемым слоям населения.

В «Молении» тесно переплетаются панегирик княжеской власти и милости, страстная мольба автора и обличения. «Моление» состоит из целого ряда непрерывно следующих друг за другом обращений: «Княже, мой господин!» С помощью этих обращений Даниил как бы членит материал. Часто он вступает в воображаемый диалог – полемику с князем.

«Моление» в своей образной системе больше, чем какое-либо другое произведение русской литературы XI-XIII вв., опирается на явления русского быта. Знаменательно, что все эти бытовые черты выхвачены автором из жизни не в порядке повествования, а для построения сравнений, метафор, отдельных образов. Русский быт, при этом самый обыденный, проникает в поэтическую систему. В этом отношении «Моление» представляет собой явление из ряда вон выходящее. Обилие образов, взятых из различных трудовых профессий, из быта, лежит в непосредственной связи с так остро и настойчиво декларированной Даниилом его принадлежностью к низшим слоям общества. Низкое положение Даниила на лестнице общественных отношений – это не только факт его личной жизни, оно определяет и его литературную позицию, самый стиль его произведения и его идеологию. Его социальное положение соответствует его литературной позиции. Он вносит в литературу черты трудового быта, народной мудрости – «мирских притч».

В своем произведении Даниил использует книги «священного писания», заимствует изречения из сборника «Пчела», привлекает исторические примеры из «Повести временных лет». Соответствия с «священным писанием» рассматривались только в плане заимствования. Исследователи не обращали внимание на тот шуточный оттенок, который приобретали все эти выдержки из «священного писания» под пером Даниила. Д.С.Лихачев указывает, что функции всех этих цитат заключались в том, чтобы выпросить милостыню у князя, а не милость у Бога. Даниил шуткой выпрашивает у князя материальной помощи, а не в молитвенном горении обращается к Богу о духовной помощи. В этой перемене функции всех этих цитат и заключен элемент комичности, заключена сама природа стиля «Моления». Отличительной особенностью стиля «Моления» является его афористичность. Афоризмы Даниила в большинстве своем книжного происхождения, но есть и народные пословицы. Прибегает Даниил и к определенной ритмической организации речи путем рифмовки отдельных поговорок: «Кому Переславль, а мне гореславль», «Кому Боголюбово, а мне горе лютое». Разнообразны и богаты сравнения восходящие к устному народному творчеству.

Афористичная, образная речь «Моления» обеспечила ему большую популярность в древней литературе, афоризмы Даниила использовались в исторической и публицистической литературе.

ПУБЛИЦИСТИКА XVI ВЕКА

Публицистическая мысль переживает расцвет в бурный XVI век, оставивший глубокий след в истории Руси. На протяжении XVI века в России насчитывалось не менее 35 публицистов, которые в своих произведениях касались самых разнообразных вопросов своего времени. Это Нил Сорский, Иосиф Волоцкий, митрополит Даниил, Вассиан Косой, Максим Грек, старец Филофей, митрополит Макарий, протопоп Сильвестр, Иван Пересветов, Ермолай Еразм, царь Иван Грозный, князь Курбский и др. Эти публицисты откликались на все жгучие вопросы современности, будили мысль, волновали умы, формировали общественное мнение, и мимо них не может пройти ни один историк русской культуры и русской общественной мысли. Шестнадцатый век – это период крутого поворота в истории страны. Это было время, богатое драматическими событиями и глубокими социальными потрясениями. Дальнейшее развитие производительных сил страны и связанный с этим рост товарно-денежных отношений; усиление феодальной эксплуатации крестьянства, почти полное его обезземеление и закрепощение, сопровождавшееся ожесточенной классовой борьбой; обострение борьбы внутри самого класса феодалов – между боярством и молодым дворянством; успехи централизации государственного управления и усиление самодержавной власти московского царя, поддерживаемого в его борьбе с реакционным боярством всеми прогрессивными силами страны; начало превращения России из национального в многонациональное государство; беспрерывные войны и походы, требовавшие огромного напряжения и стоившие великих жертв, – одно только перечисление всех этих знаменательных процессов показывает, что век, их породивший, есть век исторического водораздела.

К XVI веку Россия объединилась в сильное централизованное государство. Стимулом к этому послужила постоянно висевшая над русским народом внешняя угроза, опасность вторжения и погромов, главным образом со стороны восточных кочевников. По общественному своему строю Россия в описываемое время представляла собою феодальное государство на довольно высокой ступени развития с сильно развитыми ремеслами и торговлей. Главным и преобладающим источником народного дохода было земледелие, в основе всего общественного производства лежал труд крестьян. Огромные массивы земли находились в руках монастырей, причем в XV и XVI веках наблюдается особенно бурный рост этого вида землевладения. К началу XVI века немало земель сохранилось еще во владении крестьянских общин, это

так называемые черные земли. В течение всего XVI века, при энергичном содействии со стороны государственной власти, в центральных областях наблюдается массовая экспроприация земель помещиков. Вопрос о землевладении монастырей и их отношениях с крестьянами сильно занимает общественную мысль и стоит в центре русской публицистики XVI века. Превращение Московского княжества в Русское государство проходило в сложной внутренней обстановке, своеобразно отражавшейся в религиозном сознании русских людей. В некоторых памятниках русской литературы XIV-XV веков отразились различные идейно-религиозные течения, носившие характер антицерковной или внутрицерковной борьбы, хотя, в общем, течения эти имеют не столько литературное, сколько общекультурное значение.

Протест против церковной эксплуатации и обмана, против торгашества и разврата духовенства, облеченный в форму религиозного учения, назывался «ересью». Такие протесты назрели и проявились на Руси прежде всего в Пскове и Новгороде, где зародились ереси «стригольников» (вторая половина XIV века) и «жидовствующих» (конец XV века). Первым крупным религиозным движением, зародившимся еще в последней четверти XIV в. в Пскове и Новгороде и отчасти перекинувшимся в Москву, было так называемое **стригольничество**, связываемое с именем некоего Карпа, который, видимо, был цирюльником – стригольником, отсюда и название ереси, возглавлявшейся Карпом. В основе этой ереси лежало прежде всего отрицание церковной иерархии на том основании, что эта иерархия существует «на мзде», т.е. церковники добывают себе места за плату. Другой существенной особенностью стригольнической ереси было отрицание необходимости молитв за умерших. Такие молитвы обычно сопровождалась «вкладами по душе», часто разорявшими вкладчиков и потому, естественно, вызывавшими их сопротивление. Более влиятельной была ересь **жидовствующих**, прозванная так главным полемистом против нее – Иосифом Волоцким, в опровержение ее написавшим обширное сочинение, озаглавленное «Просветитель». Ересь получила название «жидовствующий», видимо, потому, что еретики отрицали прежде всего божественность Христа. Они утверждали, что Христос такой же человек, как и иудейский Моисей, они отрицали существование святых, почитание храмов и икон и, так же как и стригольники, не признавали иерархии. Поскольку последователями ереси было белое духовенство, т.е. духовенство низшее и среднее, затем примыкавшие к нему горожане, совершенно ясно, что пропаганда «жидовствующих» и самое существование их учения отражали борьбу, которую вело низшее и среднее духовенство в союзе с посадскими людьми с экономическим засилием официальной церкви в лице ее высшего духовенства. Ересь «жидовствующих» находила себе тайное, а иногда и явное сочувствие в Москве, так как они, отвергая церковную иерархию и ее

экономические притязания, тем самым играли на руку государству, которое само стремилось к тому, чтобы умерить притязания иосифлянской церкви, противоречившие интересам светской власти. Но, в конце концов, иосифлянское духовенство, пойдя на ряд уступок государственной власти, окончательно склонило ее на свою сторону, и к началу XVI века ересь была ликвидирована. Многие еретики были сожжены, часть же сослана и заключена.

Ереси стригольников и жидовствующих имели большое культурное значение. Религиозные споры захватили широкие слои населения как «шатание умов». Ереси пробуждали общественную мысль, до сих пор подавленную авторитетом «священного писания». Борьба с еретиками заставила церковь обратить внимание на безграмотность «пастырей» и населения, а также заняться составлением полного перевода Библии («Геннадиевская Библия» – 1499 г.). Еретические учения использовались в идейной борьбе внутрицерковных группировок.

В эпоху возвышения Москвы и укрепления княжеской власти происходила ожесточенная внутрицерковная борьба. Татарское иго усилило роль «утешительного» учения христианства. На протяжении XIII – XIV вв. заметно увеличилось число монастырей, владевших обширными землями и многочисленным крепостным населением. К концу XV в. в руках монахов была почти треть всех московских земель. Неудивительно, что интересы церковно-монастырского землевладения иногда сталкивались с интересами светских феодалов и государственной власти в целом. Так Иван III, чтобы обеспечить землей служилое дворянство, часть земель у монастырей отобрал, а расширение церковных земель ограничил рядом указов. Внутри церкви появились защитники и противники монастырского землевладения и вообще «стяжания». «**Иосифляне**», названные так по имени их идейного вождя Иосифа Волоцкого Санина (1439-1515гг.), игумена Волоколамского монастыря, отстаивали права монастырей владеть землей и обогащаться. Они требовали полного подчинения церкви государству, считая, что оно обязано поддерживать церковь. Такая позиция дала им возможность договориться с укрепившимся московским самодержавием. В своих произведениях, главным образом посланиях, Иосиф Волоцкий отстаивал законность крупного монастырского землевладения, ссылаясь на то, что монастыри являются значительной не только религиозной, но и политической силой.

Другое течение в области церковной мысли представлено было «**заволжскими старцами**» во главе с Нилом Сорским (1433-1508гг.). Заволжские старцы (монахи заволжских монастырей) выступали против монастырского землевладения и обогащения, проповедуя «нестяжание». Они выступали против иосифлян, стремившихся превратить церковь в государственное учреждение. С точки зрения Нила Сорского и заволжских старцев, задачей монаха были прежде всего подвижничество, аскетизм и

полное отрешение от тех материальных забот и политических функций, которые брало на себя иосифлянское духовенство. Монах, по их взгляду, должен обнаруживать критическое отношение к «писанию», чего совершенно не было у иосифлян, не умевших отличать авторитетного в этом «писании» от неавторитетного, внутренних его смысл от мертвой буквы. Заволжские старцы были выразителями интересов боярства, которое наиболее страдало от церковных притязаний, так как экономическое обогащение церкви, расширение ее земельных угодий отражались отрицательно на экономике бояр и на боярском землевладении.

Обе эти церковные группировки вступают в борьбу между собой, но в итоге победа оказалась на стороне иосифлян, которые сумели договориться со светской властью, и на протяжении всего XVI века культурное, идеологическое и литературное влияние их сказывается в полной мере. Они в конечном счете политически смыкаются с дворянством и в значительной мере становятся его идеологами.

Превращение Московского княжества в Русское государство проходило в сложной международной и внутренней обстановке, своеобразно отразившейся в религиозном сознании людей. Важнейшим следствием этого процесса был подъем национального самосознания. После победы на Куликовом поле и особенно после окончательного свержения татарского ига, сознание народного и государственного единства у русских людей, естественно, поднялось. Подъем этот имел основания и во внешних событиях этого периода. Византия ослабевала в борьбе с турками и теряла свои владения в Азии и в Европе. Чтобы получить поддержку от западных (католических) государств и вызвать крестовый поход против магометан, византийская церковь заключила союз с римской католической церковью – Флорентийская уния. Флорентийская уния – договор об объединении под главенством Папы римского православной и католической церквей, заключенный 5-6 июля 1439 года на Флорентийском соборе. Православная церковь была представлена византийским императором Иоанном VIII Палеологом, константинопольским патриархом Иосифом, эфесским митрополитом Марком, русским митрополитом Исидором; католическая – папой римским Евгением IV. При заключении Флорентийской унии преследовались различные цели: папство стремилось подчинить своей власти православное население Византии, славянские народы Балканского полуострова, церковь русского государства и укрепить свое положение в борьбе с Базельским собором (Базельский собор, вселенский собор католической церкви в 1431-1449 гг. сначала в Базеле, а с 1448 года – в Лозанне пошел на уступки чашникам (сторонники реформации в Чехии) в области культа. В 1414-18 гг. провозгласили верховенство соборов над Папой, однако папство отстояло верховную власть над соборами). Император Иоанн VIII Палеолог путем подчинения папе римскому в церковном

отношении надеялся добиться военной помощи против турок. В сознании русских верующих, которые были воспитаны в духе ненависти к католичеству, уния была воспринята как измена чистой вере и отступничество от истинного благочестия. В 1453 году турки завоевали Царьград – Константинополь, и это было воспринято как наказание божье за решение «богоотменного собора». Флорентийская уния в жизнь проведена не была – официально расторгнута православной церковью в 1472 году. Сравнивая падение государственно-политической мощи Византии с подъемом Руси, не присоединившейся к унии, религиозное сознание приходило к выводу, что бог особенно милостив к Руси за то, что она не «омрачится тмою латинския ереси», а «просветится светом благочестия».

В конце XV – в начале XVI века слагаются теории московского единодержавия. Самой популярной из них была теория, известная в формуле: «Москва – третий Рим». Возникла она в недрах русской церкви. Наиболее ярким ее выразителем был старец Филофей. Филофей, игумен псковского Елеазарова монастыря, говорил о себе так: «Я человек сельской и невежа в премудрости, не в Афинах родился, не у мудрых философов учился, ни с философы в беседе не бывал, учился есмь книгам благодатного закона». В послании против «звездочетов» (астрономов) Филофей поучает, что перемены в жизни людей и народов зависят не от звезд, а от бога. Божий промысел наметил, что судьбы человечества завершатся возвышением и гибелью трех избранных им один за другим народов, трех мировых царств. Возвышает бог за благочестие, губит за грехи. Первым царством был Рим, вторым – Византия (Царьград), третьим является Москва. Два из этих царств уже погибли. Византию Бог предал туркам за союз с католичеством – «латинянством». «Латиняне» отпали от православия. И если Рим еще не взят врагами, то души «латинян» уже давно взяты дьяволом. В мире осталось только одно православное царство – Московское, один христианский царь – московский государь. Титул его Филофей украшает торжественными эпитетами: «высокопрестольнейший», «пресветлейший», «вседержавный», «боговенченный» и т.п. По мнению Филофея, все христианские царства «приедеша в конец и снизошеша во едино царство нашего государя», «два убо Рима падеша, а третий стоит, а четвертому не быти». Эта патриотическая теория, заключавшая в религиозной оболочке гордость за свою родину, веру в ее всемирно-историческое призвание и убеждение в ее равенстве с другими странами, отразилась во многих памятниках литературы XV – XVI вв.

Патриотические теории XV – XVI вв. оформлялись в условиях возобновления связей Руси с южнославянскими странами. После ослабления татарского ига, прервавшего культурно-литературные связи между русским народом и его славянскими братьями, связи эти возобновляются. Учащаются полонничества русских людей в Царьград и на «святую гору» Афон, старинный центр греческой и славянской церковно-христианской книжности,

продолжаясь до захвата Константинополя турками (1453г.) С другой стороны, на Руси появляется ряд церковных деятелей из числа южнославянских выходцев. Возобновление этих связей приводило к тому, что на Русь разными путями стала вновь проникать сербо-болгарская письменность. В ее содержании и форме имелись своеобразные черты. Характерной особенностью стиля ряда литературных памятников этой поры является культивирование торжественной патетики, украшенной речи, избыточного панегиризма, часто переходивших в риторическое словоизвятие, объективно направленных, однако, к тому, чтобы повысить эмоциональную силу воздействия слова на читателя. Следует отметить, что вся эта стилистическая цветистость, перенесенная из южнославянских источников, была скорее во вред русской литературе, чем на пользу, поскольку часто самодовлеющие словесные ухищрения заслоняли собой и затрудняли непосредственное восприятие содержательной стороны произведения.

Многие произведения русской литературы XV – XVI вв. характеризуются изысканным, торжественным стилем, который под пером одного из русских его сторонников, Епифания Премудрого (умер в 1420 году), получил случайное, но удачное определение: «плетение словес». Стиль этот характеризуется обилием эпитетов, риторических вопросов, восклицаний, лирических отступлений, метафор, сравнений.

В середине XVI века возникает ряд больших историко-культурных памятников сводного, компилятивного характера. К числу таких обобщающих произведений эпохи Ивана Грозного относятся: летописные своды, свод житийной литературы («Великие Четьи-Минеи»), свод жизнеописаний князей («Степенная книга»), «Стоглав», устанавливающий государственные нормы общественной жизни, и «Домострой», утверждавший нормы жизни семейной. Общая цель каждого из этих сборников – подвести итоги прошлого развития на основе теории «Москва – третий Рим».

«Летописные своды» Московской Руси особенно интенсивно составляются со второй четверти XVI века. По заказу и под цензурой правительства начинается вестись центральное московское летописание, объединявшее труды летописного дела Киевской, Ростово-Суздальской, Новгородской, Тверской и других областей. В 70-ых годах XVI века был создан в торжественном стиле «Никоновский лицевой свод» (около 20 тысяч страниц и 16 тысяч иллюстраций – «лиц»). Изложение в нем начинается с сотворения мира, включает все предшествующее летописание (в частности, воинские повести эпохи татарщины) и доходит до середины царствования Ивана Грозного. Целью летописи было показать величие «богоизбранного» Московского царства, как бы подготовленное историей всех предыдущих царств и народов.

«Великие Четьи-Минеи» (1552 год) – составлены одним из деятельных помощников Ивана Грозного – митрополитом Макарием. Содействуя

государственно-политическому объединению религиозно-церковными средствами, митрополит «всея Руси» провел два церковных собора (в 1547 и 1549 годах), занимавшихся канонизацией русских святых. Число святых увеличилось вдвое, многие святые были объявлены общерусскими. Для канонизации писались новые жития и переделывались старые. Так были созданы «Великие Четы-Минеи» в 12 томах, составляющие 27 тысяч страниц. Грандиозный объем книги как бы символизировал величие Московского православного царства. Все произведения отличались необычайной торжественностью и пышностью стиля, это гиперболический и риторический стиль «плетение словес», доведенный до излишеств и крайности.

«Степенная книга» (1563 год) – книга степенная царского родословия. Составлена по инициативе митрополита Макария, видимо, царским духовником священником Андреем, в монастыре Афанасием, преемником Макария на митрополичьей кафедре. Располагая свой материал по степеням великокняжеских колен, он ставил цель представить историю русских государей как благочестивых людей, действовавших со времени принятия христианства Русью, в единении с выдающимися представителями русской церкви, преимущественно митрополитами и епископами. Это написанные в хвалебном тоне жизнеописания русских князей вплоть до Ивана Грозного.

«Стоглав» - книга постановлений церковного собора 1551 года, разделенная на 100 глав. Содержит «царские вопросы и соборные ответы о многообразных церковных чинах (порядках)». Главную цель собора, проходившего при деятельном участии митрополита Макария, определил Иван Грозный: нужно было «утвердить древнее предание христианской истинной нашей веры, так как прежние обычаи поиспатались, и в самовластии учинено по своим волям, и прежние законы нарушены». В книге имеются живые картины, рисующие отрицательные стороны жизни XVI века. Члены собора (в основном иосифляне) обличают невежество и грубость духовенства, говоря о церквях, где попы «бьются и дерутся промежь себе», бичуют суеверие масс, верящих разным волхвам и чародеям, борются с остатками язычества в народных обрядах, разоблачают «злые ереси» и увлечение гадательными и астрологическими книгами и т.п. Резко выступают против западных влияний. Все эти бытовые и правописательные подробности изложены простым разговорным языком.

«Домострой» - дидактический (поучительный) свод правил семейной жизни, составлен, вероятно, на основании поучений Библии, старых проповеднических сборников. Возник в Новгороде в первой половине XVI века. В Москве был отредактирован благовещенским попом Сильвестром, бывшим воспитателем и духовником Ивана Грозного. Указанное название памятнику дано Сильвестром, он же присоединил к книге особую, 64 главу, которая представляет послание Сильвестра к сыну его Анфиму, где

излагаются идеи «Домостроя» и иллюстрируются примерами из жизни самого автора. «Домострой» связывает в едином монархическом мировоззрении семью, государство и церковь. Бог на небе, царь – образ Бога на земле, отец – образ государя в доме – вот главные основы домостроевской системы, определяющие и ее нравственные требования. Требования эти сводятся к «страху» и «чину (порядку)». В устройстве семейного благополучия – «благочиние». «Домострой» подражает «чину» монастырских уставов и строгости государственных законов. Средством достижения основных целей – «душу спасти» и «дом свой добре строити» являются покорность Богу и властям, замкнутость и эгоизм по отношению к людям. «Домострой» является сводом нравственно-бытовых правил целой эпохи русской жизни. Состоит из 63 глав, распадающихся на три части, не вполне четко отделенных друг от друга. В первой говорится о «строении духовном»; во второй – о «строении мирском»; в третьей – о «строении домовном», т.е. о домашнем хозяйстве. Большинство статей «Домостроя» написано живым, народному простым языком, в котором влияние старославянского сказалось не особенно сильно. Некоторые выражения по краткости и образности близки к пословицам. Близость языка «Домостроя» к просторечию видна также в употреблении уменьшительных форм. Довольно часто в «Домострое» встречается и прямая разговорная речь.

ИВАН ГРОЗНЫЙ – ПИСАТЕЛЬ

В конце XV и в XVI веке, в период укрепления русского централизованного государства, вместо ограниченных в своих владельческих заботах русских князей периода феодальной раздробленности стали появляться государственные деятели более широкого размаха, реформаторы государственной жизни России. Усиливающаяся классовая борьба и борьба внутри класса феодалов между старым боярством и поднимающимся дворянством требовали усиления централизованного государственного управления. Правительство стало на путь удовлетворения требований дворянства, поддерживавшего все реформы царской власти. Сознание необходимости реформ достигло крайнего напряжения в царствование Ивана Грозного. Вот почему с предложениями разного рода социальных преобразований, с описанием идеальных государственных устройств, а иногда с нравственными наставлениями и «изобличениями злодейств» спешат обратиться к Грозному представители разнообразных групп господствующего класса. Вера в силу убеждения, в силу мысли, в возможность построения лучшего государства на разумных началах была в этих посланиях выражена с предельной силой. В дворянской публицистике пафос преобразования общества сочетается с идеей ответственности государя перед своими подданными за их благосостояние. Этому действительному

характеру дворянского мировоззрения лучше всего отвечали действенные формы деловой письменности, которая начинает активно проникать в литературу, способствуя ее обогащению. Выдвигается идея, что царь должен править на основе правды и справедливости, он нравственно ответствен перед богом за судьбы своей страны и подданных. Публицистическими памфлетами Максима Грека и Ивана Пересветова была создана политическая программа, которая частично была осуществлена Иваном Грозным.

Иван Грозный – политический деятель, тщательно доказывающий разумность и правильность своих поступков, стремящийся действовать силой убеждения не в меньшей степени, чем силой закона и приказа. И в его писательской деятельности не меньше, чем в государственной, сказалась его исключительная талантливость. Вряд ли существует в средневековье еще другой писатель, который бы так мало сознавал себя писателем, как Иван Грозный, а каждое его литературное выступление обладает властным авторитетом. Все, что написано Грозным, написано по случаю, по конкретному поводу, вызвано политической действительностью. И собственно поэтому Грозный, отвечая злобе дня, нарушает все литературные жанры, все литературные традиции, если они становятся ему помехой. Он беспокоится лишь о том, чтобы высмеять или убедить своих противников, доказать то или иное положение. Все, написанное им, стоит на грани литературы и деловых документов, частных писем и законодательных актов. Неправильно мнение, что Грозный нарушал современные ему литературные каноны «по невежеству». Он был одним из образованнейших людей своего времени.

Переписка Ивана Грозного и Василия Грязного (царского опричника) относится к 1574 – 1576 гг. Василий Грязной – ближайший царский опричник, попал в плен к крымцам, которые решили выменять его на Дивея-Мурзу, знатного крымского воеводу, захваченного в плен русскими. Об этом и написал Василий Грозному в 1574 году. Ответ Грозного содержал решительный отказ выкупить его за большие деньги или обменять на Дивея-Мурзу. Это – переписка людей, когда-то дружественных, но успевших остынуть друг к другу. Оба стремятся поймать друг друга на слове: один, чтобы укорить насмешкой, другой, чтобы вымолить себе выкуп из плена. Шутка, как мяч, «перелетает» от одного к другому, демонстрируя находчивость обоих. Грозный выступает как большой государственный человек, полный забот об интересах государства, непреклонный в своем отказе поступиться интересами государства ради личных привязанностей. Грязной же – мастер лихой потехи, шутник, балагур, преданный и эгоистичный, остроумный и ограниченный. Грозный, как всегда, не только принимает решение, но и объясняет их – будет ли «прибыток» крестьянству от такого обмена? В письме Грозного звучит наставление, он учит Грязного предусмотрительности и заботе об общественных интересах. Переписка эта –

свободная беседа, словно записанный разговор, оба перекидываются шутками, как бывало за столом.

Гораздо более сдержанный и официальный тон в переписке Грозного с князем Курбским, сбежавшим в Литву. Между царем и изменником не могло быть непосредственности. Иван Грозный выступает здесь с изложением своих взглядов как государственный деятель. В письме Курбского звучал упрек: царь утратил облик идеального правителя. Он выступает в роли прокурора, предъявляющего свои обвинения царю от имени «погибших, избитых неповинно, заточенных и прогнанных без правды» бояр. Строго и размеренно звучит его обвинительная речь, построенная по всем правилам риторики и грамматики. Курбский обвиняет Грозного в несправедливых гонениях, мучениях и истреблениях, которым он подвергает бояр, являющихся, по его мнению, опорой государства, составляющих его силу. Он обвиняет царя в превышении и злоупотреблении своей единодержавной властью. Курбский понимал, что полностью вернуть старые порядки невозможно и не выдвигал лозунга децентрализации. Он стремился лишь к ослаблению единодержавной власти царя, считая необходимым разделение власти между царем и боярством.

Послание Курбского взволновало и уязвило сердце царя. Его ответ ярко раскрывает сложный и противоречивый характер этой незаурядной личности. Послание Грозного обнаруживает его недюжинный ум, широкую образованность, начитанность, но и гордую и озлобленную, мятущуюся личность. Свой ответ царь адресует не только Курбскому, но и всему Российскому царству. Выступая против Курбского, царь выступал против всех «крестопреступников». Это определило, с одной стороны, обличительный пафос послания Грозного, направленный против бояр-изменников, с другой стороны, – пафос утверждения, обоснования и защиты прав самодержавной власти. Грозный выступает как политик, государственный человек, и речь его вначале сдержанна и официальна. Он приводит доказательства законности единодержавной власти, унаследованной им от славных предков: Владимира Святославича, Владимира Мономаха, Александра Невского, Дмитрия Донского, деда Ивана Васильевича и отца Василия. Грозного раздражают ядовитые упреки Курбского, суровый обличительный пафос письма. Он не согласен с оценкой, данной боярству Курбским, по Грозному – не они составляют силу и славу русского государства. Чтобы аргументировать свои возражения, Грозный вводит в повествование ряд автобиографических моментов. Парировав обвинения своего противника, Грозный часто прибегает к прямому цитированию из послания Курбского, с тем чтобы иронически обыграть эти обвинения. Не стесняясь в выражениях, прибегая к прямой издевке над своим врагом, Грозный стремится излить в своем послании те чувства, которые переполняли его душу. Он не считаетя с правилами риторики и пиитики, его

писательская манера обнаруживает тесную связь с «иосифлянкой» литературной школой. Речь Грозного порывиста, взволнованна, насыщена живыми конкретными бытовыми образами, пересыпана остротами и едкой иронией.

Грозный стремится дать понять Курбскому, что ему пишет сам царь-самодержец всея Руси. Свое письмо он пишет пышно и торжественно. Но и здесь сказывается темпераментная натура Грозного. По мере перехода к возражениям тон письма становится оживленнее, далее тон становится запальчивым. Он с азартом издевается и высмеивает Курбского, отпускает такие насмешки, которые уже лишены всякой официальности. Грозный мог быть торжественным только через силу. Он был чужд поэты, охотно отказывался от условности, от обрядности.

Противоречивый, сложный характер Грозного, его незаурядное писательское дарование обнаруживается не только в его полемических посланиях к Курбскому, но и в ряде других писем, в частности, в посланиях в Кирилло-Белозерский монастырь. Первое послание игумену монастыря Козьме написано по поводу нарушения монастырского устава сосланными в монастырь боярами Шереметьевым, Хабаровым, Собакиным. Послание начинается униженно, просительно, он подражает тону монашеских посланий, утрирует монашеское самоуничижение. Грозный как бы преображается в монаха, ощущает себя чернецом. И став в положение монаха, Грозный начинает поучать. Он поучает пространно, высказывая изумительную эрудицию, богатство памяти. Постепенно нарастает его природная властность и скрытое раздражение. И чем больше он говорит о своем уважении к Кирилло-Белозерскому монастырю, тем язвительнее звучат его укоризны. Он стыдит братию за то, что они допускают нарушение устава боярами, и тем самым неизвестно – кто у кого постригся, бояре ли у монахов или монахи у бояр. Письмо это – развернутая импровизация, импровизация вначале ученая, насыщенная цитатами, ссылками, примерами, а затем переходящая в запальчивую обвинительную речь – без строгого плана, иногда противоречивую в аргументации, но неизменно искреннюю по настроению, написанную с горячей убежденностью в своей правоте. Речь Грозного поразительно конкретна и образна. Свои рассуждения он подкрепляет примерами, случаями из своей жизни или зрительно наглядными картинками. Его письмо, пересыпанное вначале книжными, церковно-славянскими оборотами, постепенно переходит в тон самой непринужденной беседы: беседы страстной, иронической, почти спора. Он употребляет разговорные обороты и слова, пользуется поговорками, смешивает церковнославянизмы с просторечием. Богатство его лексики поражает. Язык Грозного отличается необыкновенной гибкостью, живостью, и эта живость, близость к устной речи вносит в его произведение яркий национальный колорит. Это – по-настоящему русский писатель. Но как бы ни был Грозный

привязан к шутке, к иронии, к едкому, а порой и резкому слову, -- основная цель всех его произведений всегда одна и та же: он доказывает права своего единодержавства, своей власти; он обосновывает принципиальные основы своих царских прав. Грозный поступает так, чтобы делом доказать свое полное самовластие вплоть до внешнего отказа от него. И в том, с какой смелостью доказывал Грозный свое царское самовластие, видна его исключительная одаренность.

Послания Грозного – яркое свидетельство начала разрушения строгой системы книжного литературного стиля, который создавался стараниями книжников XIV – XVI вв. Никогда еще русская литература до Грозного не знала такой эмоциональной речи, такой блестящей импровизации и, вместе с тем, такого полного нарушения всех правил средневекового писательства: все грани между письменной речью и живой, устной, так старательно возводившиеся в середине века, стерты. Грозный – прирожденный писатель, но писатель, пренебрегающий всеми искусственными приемами писательства во имя живой правды. Он пишет так, как говорит, смешивая книжные цитаты с просторечием, то издеваясь, то укоряя, то сетуя, но всегда искренно.

Смелый новатор, изумительный мастер языка, то гневный, то лирически приподнятый мастер «кусательного» стиля, всегда принципиальный, всегда «самодержец всея Руси», пренебрегающий всякими литературными условностями ради единой цели – убедить своего читателя, воздействовать на него – таков Грозный в своих произведениях.

Вопросы и задания:

1. Стремление автора «Моления Даниила Заточника» установить новые критерии для определения общественной ценности человека.
2. Крупные религиозные движения: стригольничество, иосифляне, заволжские старцы.
3. Историко-культурные памятники: летописные своды, свод житийной литературы («Великие Четьи-Минеи»), свод жизнеописаний князей («Степенная книга»), «Стоглав» и «Домострой».
4. Общая цель сборников – подвести итоги прошлого развития на основе теории «Москва – третий Рим».
5. Раскрытие характера авторов в переписке Ивана Грозного с Василием Грязным и Андреем Курбским.

Лекция 11

ЛИТЕРАТУРА XVII ВЕКА

План:

1. Своеобразие развития литературы XVII века.
2. Небылица – пародия и форма «открытой лжи».
3. Повести Смутного времени:
  - «Повесть о преставлении князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского».
  - «Повесть об Азовском осадном сидении данских казаков».

Укрепление централизованной самодержавной власти, опиравшейся на служилое дворянство, привело к дальнейшему росту эксплуатации и окончательному закрепощению крестьян. Усиливающийся экономический гнет вызывал возникновение массовых крестьянских волнений, вылившихся в широкое народное движение – крестьянскую войну под руководством Ивана Болотникова. Со смертью царя Федора Ивановича прекращает свое существование династия Ивана Калиты. В стране возникает оппозиция со стороны боярства, которая получает поддержку извне, со стороны польских магнатов. Бурные события начала XVII века – Смуты нашли широкое отражение в литературе. Литература этого периода приобретает исключительно злободневный характер, оперативно откликаясь на запросы времени, отражая интересы различных социальных групп, участвующих в борьбе. Произведения этого периода, продолжая развивать традиции исторической повествовательной литературы XVI века, ярко отражали рост национального самосознания. Это проявилось в изменении взгляда на исторический процесс: ход истории определяется не божьим изволением, а деятельностью человека. И повести начала XVII века уже не могут не говорить о народе, об его участии в борьбе за национальную независимость своей родины. Проявляется повышенный интерес к человеческой личности. Впервые появляется стремление изобразить внутренние противоречия характера и вскрыть те причины, которыми эти противоречия порождены. Прямолинейные характеристики человека литературы XVI века начинают заменяться более глубоким изображением противоречивых свойств человеческой души. При этом, как указывает Д. С. Лихачёв, характеры исторических лиц в произведениях начала века показаны на фоне народных толков о них. Деятельность человека дается в исторической перспективе, и впервые начинает оцениваться в его «социальной функции». Событиями периода Смуты был нанесен сокрушительный удар религиозной идеологии, безраздельному господству церкви во всех сферах жизни: не божья воля, а деятельность людей определяет исторические судьбы страны. Усилилась роль

торгово-ремесленного посадского населения в общественной, политической и культурной жизни, а это, в свою очередь, влечет за собой демократизацию литературы. В книжный риторический стиль все шире проникают различные формы деловой письменности, все шире начинает использоваться устное народное творчество. Все это приводит к «обмирщению» культуры и литературы XVII столетия, т.е. к постепенному освобождению от опеки церкви, к постепенному вытеснению церковных жанров и появлению новых, чисто светских жанров литературы, в частности, возникают бытовые и сатирические повести.

Возникновение жанра бытовой повести и ее проблематика тесно связаны с теми изменениями, которые произошли в русской жизни XVII века: с общим подъемом русской культуры, тягой к просвещению, протестом против косного домостроевского быта, интересом к человеческой личности. Бытовая повесть запечатлела существенные стороны частной и общественной жизни человека. Впервые героем повести оказывается не исторический деятель, а лицо вымышленное. Автор проявляет большое внимание к частной жизни обычного человека.

Одним из примечательных явлений литературы второй половины XVII века является формирование и развитие сатиры как самостоятельного литературного жанра. Бытовая и сатирическая повесть распространяется в простом народе. Эта литература противостоит литературе официальной, литературе господствующего класса, отчасти продолжающей старые традиции.

Демократическая литература оппозиционна феодальному классу: это литература, подчеркивающая несправедливость, господствующую в мире, отражающая недовольство действительностью, социальными порядками. Союз со средой, столь характерный для личности предшествующего времени, разрушен в ней. Недовольство своей судьбой, своим положением, окружающим – это черта новая, неизвестная предшествующим периодам. Для демократической литературы этого периода характерен конфликт личности со средой, жалобы этой личности на свою долю, вызов общественным порядкам, иногда же – неуверенность в себе, мольба, испуг, страх перед миром, ощущение собственной незащитности, вера в судьбу, в рок, тема смерти, самоубийства и первые попытки противостоять своей судьбе, исправить несправедливость. В демократической литературе развивается особый стиль изображения человека: стиль резко сниженный, нарочито будничным, утверждавший право всякого человека на общественное сочувствие. Демократическая литература стремится к полному разоблачению и обнажению всех язв действительности. В этом ей помогает грубость – грубость во всем: грубость нового литературного языка, наполовину разговорного, наполовину взятого из деловой письменности, грубость

изображаемого быта, грубость эротики, разъедающая ирония по отношению ко всему на свете, в том числе и к самому себе.

Человек, изображенный в произведениях этой литературы, не занимает никакого официального положения, либо его положение очень низкое. Это – просто страдающий человек, страдающий от голода, холода, от общественной несправедливости, от того, что ему некуда приклонить голову. Новый герой окружен горячим сочувствием автора и читателей. Его положение такое же, какое может иметь любой из читателей. Он не поднимается над читателями ни своим официальным положением, ни какой бы то ни было ролью в исторических событиях, ни своей моральной высотой. Он лишен всего того, что отличало и возвышало действующих лиц в предшествующем литературном развитии. Человек этот отнюдь не идеализирован. Напротив! Если во всех предшествующих средневековых стилях изображения человека этот последний чем-то непременно был выше всех своих читателей, представлял собой в известной мере отвлеченный персонаж, витавший в каком-то своем, особом пространстве, куда читатель, в сущности, не проникал, то теперь действующее лицо выступает вполне ему равновеликим, а иногда даже униженным, требующим не восхищения, а жалости и снисхождения. Герой изображен в самых непривлекательных положениях. Это опрощение героя, доведенное до пределов возможного. Именно в этом способе изображения человека больше всего выступает сознание ценности человеческой личности самой по себе: нагой, голодный, босой, грешный, без всяких надежд на будущее, без всяких признаков какого бы то ни было положения в обществе. Взгляните на человека, – как бы приглашают авторы этих произведений, посмотрите, как ему тяжело на этой земле! Он затерян среди нищеты одних и богатств других. Сегодня он богат, завтра беден; сегодня он нажил себе денег, завтра прожил. Он скитается «меж двор», питается подаванием от случая к случаю, погряз в пьянстве, играет в кости. Он бессилён побороть себя, выйти на «спасенный путь». И тем не менее он достоин сочувствия.

В этих произведениях есть учительный голос, но это не голос уверенного в себе проповедника, как в произведениях предшествующего времени. Это голос обиженного жизнью автора или голос самой жизни. Действующие лица воспринимают уроки действительности, под их влиянием они меняются, принимают решения. Герой принимает решение не под влиянием наития христианских чувств или предписаний и норм феодального поведения, а вследствие ударов жизни, ударов судьбы.

Древняя русская литература не знала открыто вымышленного героя. Все действующие лица произведений XI – начала XVII в. – исторические или претендующие на историчность. Писатели ищут для своих произведений значительных лиц, значительных событий – при этом не в литературном, а в чисто историческом смысле. Они стремятся писать о реально существующих

лица, о событиях, имевших место в конкретной исторической и географической обстановке, прибегают к ссылке на свидетельства современников, на материальные следы деятельности своих героев. Если в древнерусских произведениях и встречаются вымышленные лица, то древнерусский писатель стремится уверить своего читателя в том, что эти лица все же были. Вымысел – чудеса, видения, сбывающиеся пророчества – писатель выдает за реальные факты и сам верит в их реальность.

В XVII веке историческое имя героя стало явным препятствием в развитии литературы, в ее движении к реалистическому вымыслу. Писатели стремятся избавиться от исторического имени действующего лица, однако преодолеть веками сложившееся убеждение, что в литературном произведении интересно только подлинное, реально происшедшее и исторически значительное, было не так-то легко. Еще труднее было вступить на путь открытого вымысла. Начинается полоса поисков выхода из затруднительного положения, поисков, которые, в конце концов, привели к созданию воображаемого героя литературы нового времени, героя с вымышленным именем, с вымышленной биографией. Это средний, не исторический, «бытовой» человек, о котором можно писать все, подчиняясь лишь внутренней логике самого образа, воссоздавая этот образ в наиболее типичных для него положениях. Как отмечает Д.С.Лихачев, о нем уже не надо было рассуждать со стороны, публицистически рекомендуя его читателю отнюдь не образными характеристиками.

Одним из самых значительных переходных явлений было появление безымянности действующих лиц. Героями становятся безымянные люди – люди, которых называют просто «молодец» или «бедный», «богатый», «голый и небогатый человек», «бразжник», «крестьянский сын», «девица», «купец некий», «ревнивый муж» и т.д. Безымянность героя уже сама по себе означала, что произошло открытие новых, совсем иных, чем прежде, путей художественного обобщения. Но следует отметить, что безымянность героя облегчала путь вымыслу, путь к созданию типических, вовсе не идеализированных героев.

Средством типизации жизненных явлений в этот период служит пародия и форма «открытой лжи» – небылица. Возникновение пародии связано с тем, что в вымысле средневекового читателя пугала ложь: все, что не «исторично», чего не было в действительности, – обман, а обман – от дьявола. Но открыто признанный вымысел – не ложь, тем более, если этот вымысел прикрыт шуткой. Помимо того, пародия давала выход народному недовольству – недовольству не отдельными историческими лицами, а самим социальным укладом. Она позволяла широко обобщать жизненные явления, в чем особенно нуждались представители посада и крестьянства. Небылица, в свою очередь, излагала как обычное то, что как раз было необычным в жизни, и тем самым подчеркивала ненормальность обычного положения вещей.

Наряду с пародией и небылицей в литературу XVII века из фольклора проникает животный эпос. Это – откровенно признанный вымысел, о котором читатель как бы заранее предупреждается.

В XVII веке с развитием индивидуализма судьба человека оказывается его «личной» судьбой. Судьба человека воспринимается как нечто навешанное со стороны, «приставшее» к человеку, как его второе бытие и часто отделяется от самого человека, персонифицируется. Это персонификация происходит тогда, когда внутренний конфликт в человеке – конфликт между страстью и разумом – достигает наивысшей силы. Судьба отнюдь «не прирождена» человеку. Например, в «Повести о Савве Грудцыне» судьба Саввы предстает в образе Беса, соблазняющего его на разные губительные поступки; в «Повести о Горе – Злочастии» судьба молодца воплощается в образе Горя, неотвязно его преследующего.

Для литературы XVII века характерен принцип широкого обобщения жизненных явлений. Широты обобщения авторы достигают тем, что лишают свои произведения и своих героев всех исторических упоминаний, имен и названий. Безымянность действующих лиц находится в связи еще с одной чертой, характерной для демократической литературы XVII века – с элементами своеобразного автобиографизма, в той или иной мере присущего многим произведениям этого времени (Житие Аввакума и Житие Епифания, повести о «Смуте»). Автобиографизм позволяет избавиться от тормозившего развитие художественного обобщения исторического имени действующего лица, ввести в литературу простого, обычного «неисторического» героя. Как отмечает Д.С.Лихачев, слабость этого автобиографизма в том, что явления собственной биографии бывает нелегко обобщить, усмотреть в ней факты, характерные для какой-то определенной среды. Автобиографы пытаются обобщить явления своей жизни, описывая их в житийных трафаретах или снабжая их собственными размышлениями и поучениями, как это делали в своих житиях Аввакум и его «соузник» Епифаний.

Для литературы XVII века характерен способ составления произведений от лица многих лиц, где выступает как бы коллективный автор, произведение составлено от лица целой группы людей, описываются злоключения всей этой группы. Появляются также произведения, действующие лица которых выступают уже под вымышленными именами: Фома, Ерема, Сава и др., которые, как указывает В.П.Адрианова-Перетц, как и названия некоторых повестей, например «Сказание о попе Саве и о великой славе», заимствованы из русских пословиц: «Был Сава, была и слава», «От Савы слава», «От Савы хочешь славы» и т.д. Пословичные имена – это прозвища, ими наделяются конкретные живые лица, к которым пословица применима.

В развитии художественных методов изображения человека большое значение имело воздействие деловой письменности на художественную литературу. Оно сближало это изображение с фактами действительности,

сближало его с окружающим бытом, вносило особую отстраненность в изображении, умеряло авторский субъективизм, столь типичный для средних веков. В древнерусских литературных произведениях предшествующего времени всегда и во всем проявлялась авторская точка зрения, всегда был слышен голос автора, интерпретировавшего события и явления. Мнение автора всегда было на виду, его отношение к изображаемому было всегда отчетливым. Действующие лица произведений были подчинены идеологической схеме автора, они являлись иллюстрацией к его общей мысли. То обстоятельство, что автор подчинял мир своей идеологии, своей схеме, своему нормативному идеалу, вело к утрате героем литературного произведения своей самостоятельности, той самостоятельности, которая удивляла иногда самих писателей-реалистов XIX века, не знавших иногда в процессе создания своего произведения, как поведут себя в дальнейшем их герои. Поэтому голос автора в произведениях XI-XVI вв. не умолкает даже тогда, когда говорят его действующие лица. По существу, прямая речь действующих лиц в произведениях этого периода очень часто является разновидностью косвенной речи. Речи действующих лиц не передаются авторами, а пересказываются ими. Они вводятся с помощью предлога «яко», служат придаточным предложением.

С развитием чисто литературных жанров в XVII веке, литературное произведение перестает быть монологом автора. Появляются драматические произведения, типичной особенностью которых становится полная отдаленность изображения от изображающего. В литературе появляются симпатичные читателю авантюристы, ловкие люди (Фрол Скобеев), люди «пропащие» (герой «Повести о Горе – Злочастии»), продавшие душу дьяволу (Савва Грудцын), обиженные судьбой, непризнанные, предавшиеся какой-либо страсти и т.д. Появление всех этих героев стало возможным, так как авторская точка зрения на них перестала проявляться открыто. Это была секуляризация литературы, в процессе которой сближение с деловой письменностью было чрезвычайно существенным моментом, давшим ей необходимую объективность.

В литературе XVII века развивается особый стиль изображения человека: стиль резко сниженный, нарочито будничным, утверждавший право всякого человека на общественное сочувствие. Отделение авторской точки зрения от преподносимых в произведении нравоучений, оправдание человека, который с церковной точки зрения был «грешником», означало гибель средневекового нормативного идеала и постепенный выход литературы на новый путь индуктивного художественного обобщения – обобщения, опирающегося на действительность, а не на нормативный идеал. Происходит открытие ценности человеческой личности самой по себе, открытие ценности авторской личности. Так появляется новый тип профессионального писателя, происходит осознание ценности авторского текста, появляется понятие

авторской собственности, не допускающее простого заимствования текста у предшественников, проявляется интерес к автобиографиям, к личным запискам.

В изобразительном искусстве открытие ценности человеческой личности проявляется весьма разнообразно: появляются парсуны (портреты), развивается линейная перспектива, предусматривающая единую индивидуальную точку зрения на изображение, появляются иллюстрации к произведениям демократической литературы с изображением «среднего» человека, зарождается лубок.

ПОВЕСТИ О СМУТНОМ ВРЕМЕНИ

Традиции исторической повествовательной литературы XVI века продолжают развиваться в произведениях периода борьбы русского народа с польско-шведской интервенцией и крестьянской войны под руководством Болотникова. Кроме того, литература этого периода отразила рост национального самосознания. Это проявилось в изменении взгляда на исторический процесс: ход истории определяется не божьим изволением, а деятельностью людей. Повести начала XVII века уже говорят о народе, об его участии в борьбе за национальную независимость своей родины, об ответственности «всей земли» за свершившееся. Определяется повышенный интерес к человеческой личности, появляется стремление изобразить внутренние противоречия характера и вскрыть те причины, которыми эти противоречия порождены. Характеры исторических лиц в произведениях начала XVII в. показаны на фоне народных толков о них. Деятельность человека дается в исторической перспективе, и впервые начинает оцениваться в его «социальной функции» (Д.С.Лихачев). Событиями 1604 – 1613 гг. был нанесен сокрушительный удар религиозной идеологии, безраздельному господству церкви во всех сферах жизни: не бог, а человек творит свою судьбу, не божья воля, а деятельность людей определяет исторические судьбы страны. Усиливается роль торгово-ремесленного посадского населения, а это влечет за собой дальнейшую демократизацию литературы. Все это приводит к «обмирщению» культуры и литературы в XVII столетии, т.е. к постепенному освобождению ее от опеки церкви, постепенному вытеснению церковных жанров и появлению новых, чисто светских жанров литературы.

Непосредственным откликом на события начала века явилась **«Повесть о преставлении князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского»**. Своими победами над Лжедмитрием II Скопин-Шуйский стяжал славу талантливого полководца. Его внезапная смерть (апрель 1610 года) породила различные толки о том, что якобы из зависти он был отравлен боярами. Повесть начинается риторическим книжным вступлением, в котором

делаются генеалогические выкладки, возводящие род Скопина-Шуйского к Александру Невскому и Августу-кесарю. Центральный эпизод – описание пира-крестин у князя Воротынского. Включая ряд бытовых подробностей, автор обстоятельно рассказывает о том, как герой был отравлен женой своего дяди Дмитрия Шуйского, дочерью Малюты Скуратова. Здесь имеются характерные элементы былинной народной поэтики. Вторая часть, посвященная описанию смерти героя и всенародного горя по поводу его кончины, выполнена в традиционной книжной манере. Повесть имеет ярко выраженную антибоярскую направленность, прославляет Скопина-Шуйского как национального героя, защитника своей родины от врагов-супостатов.

Выдающимся историческим произведением, ярко отразившим события эпохи является «Сказание» келаря Троице-Сергиевского монастыря Авраамия Палицына, написанная в 1609-1620 годах. В «Сказании» повествуется о событиях «смутного времени» с 1584 по 1618 года. «Сказание» состоит из ряда самостоятельных произведений:

1. Небольшой исторический очерк, обзорающий события от смерти Грозного до воцарения Шуйского, где Палицын видит причины «смуты» в незаконном похищении царского престола Годуновым и в его политике.

2. Подробное описание 16-месячной осады Троице-Сергиевского монастыря войсками Сапеги и Лисовского. Это центральная часть создана Авраамием путем обработки записок участников обороны монастырской крепости.

3. Повествование о разорении Москвы поляками, ее освобождении, избрании на престол Михаила Романова и заключении мира с Польшей.

Авраамий старается подчеркнуть заслуги в борьбе с врагами монастыря, он вводит в повествование религиозно-фантастичные картины: чудеса, видения, цель которых доказать, что монастырь находится под покровительством небесных сил. Автор «Сказания» признает решающую роль народа в борьбе с врагами. Он изображает подвиги монастырских слуг, монастырских крестьян и подчеркивает, что монастырь был спасен народом. Большое внимание уделяется изображению поступков, помыслов человека. Автор сделал значительный шаг в деле признания народа активным участником исторических событий.

Существенные изменения претерпевает в XVII веке жанр исторической повести, о чем свидетельствует «**Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков**». А.И.Робинсон считает, что автором повести был казачий есаул Федор Порошин, прибывший вместе с казачьим посольством в Москву в 1641 году с целью убедить царя и правительство принять от казаков крепость Азов «под свою руку», которую казаки захватили в 1637 году у турок и отстояли в 1641 году. Федор Порошин, сам участник событий, правдиво и детально описывает подвиг донских казаков. Повесть написана в форме деловой письменности, но жанру деловой письменности он придал

необычайно яркое поэтическое звучание за счет широкого и творческого использования казачьего фольклора, а также правдивого и точного описания самих событий. Герой повести – это не выдающаяся историческая личность, а небольшой коллектив, горстка отважных и мужественных смельчаков-казаков, свершивших героический подвиг. Высокое чувство национального самосознания, чувство патриотизма вдохновляло их на подвиг. Казаки любят свою родину и не могут изменить ей. Поэтому с ядовитой иронией отвечают они турецким послам на предложение сдать им крепость без боя и перейти к султану. Ответ их туркам в известной степени предвосхищает знаменитое письмо запорожцев турецкому султану. Автор гиперболически описывает приход вражеских сил под Азов. Поэтически описано прощание казаков. Прославляя казаков автор не может не отдать дань традиции: победа, достигнутая казаками, объясняется результатом чудесного заступничества небесных сил во главе с Иоанном Предтечей. Но религиозная фантастика служит лишь средством возвеличения патриотического подвига защитников Азова.

В языке повести отсутствует книжная риторика и широко представлены элементы живого разговорного языка. Чувствуется стремление создать образ массы, передать чувства, мысли и настроения этой массы, а также утвердить силы народные, торжествующие над силами «царя турецкого».

Во второй половине XVII века историческая повесть начинает утрачивать свой историзм, приобретая характер любовно-приключенческой новеллы, которая в свою очередь служит основой для дальнейшего развития авантюрно-приключенческого любовного романа. Внимание авторов переносится на личность человека, на его жизнь, характер. Писателя и читателя все больше интересуют морально-этические и бытовые вопросы. Например, «Повесть о начале Москвы».

Вопросы и задания:

1. Своеобразие развития литературы XVII века.
2. Небылица – пародия и форма «открытой лжи».
3. Идеино-тематическое и художественное своеобразие повестей Смутного времени:

Лекция 12

БЫТОВЫЕ ПОВЕСТИ XVII ВЕКА

План:

1. «Повесть о Горе-Злочастии».
2. «Повесть о Савве Грудцыне».
3. Повесть о Карпе Сутулове».

В XVII веке появился новый жанр – бытовая повесть, в которой ставились морально-этические и социальные проблемы. К числу таких повестей следует отнести «Повесть о Горе-Злочастии», «Повесть о Савве Грудцыне», «Повесть о купце», «Повесть о Фроле Скобееве», «Повесть о Карпе Сутулове» и др. Их герои – обыкновенные люди, купеческие и дворянские дети, но они по-разному проявляют себя в условиях патриархального быта.

«ПОВЕСТЬ О ГОРЕ-ЗЛОЧАСТИИ»

Самым значительным из этих произведений является «Повесть о Горе-Злочастии», которую исследователи предположительно относят ко второй половине XVII века. Она была найдена академиком А.Н.Пыпиным в 1856 г. и опубликована Н. И. Костомаровым в журнале «Современник». Н. Г. Чернышевский, говоря об этой повести, подчеркивал особую ее важность для русской литературы в том, что она «представляется единственным образцом эпического рассказа из частного быта».

Повесть теснейшим образом связана с исторической обстановкой второй половины XVII века, когда после поражения крестьянской войны и усиления феодальной эксплуатации положение народных масс стало особенно тяжелым. Тема отчаянного состояния «голых и небогатых» занимала значительное место в литературе и отразилась в «Азбуке о голом и небогатом человеке», «Службе кабаку», «Повести о Шемякином суде» и др.

М. О. Скрипиль, рассматривая события повести на широком фоне русской жизни, отмечает в ней сочетание нравственных и социальных проблем. Главной из них он считает проблему отцов и детей. Что касается жанра произведения, то исследователь видит в нем литературную повесть, в которой автор, хорошо знавший фольклор, стремился приблизить книжные элементы к народному стилю. Скрипиль считает, что повесть «поразительно схожа с произведениями народной поэзии». Д.С.Лихачев видит смысл повести в проникновенном раскрытии судьбы падшего человека.

Обращают на себя внимание два основных плана повести: морально-этический и социальный. Со всей отчетливостью выступает в повести

нравственная философия XVII века. Во вступлении автор развивает мысль об извечности человеческого греха на земле с сотворения мира и грехопадения Адама и Евы. Библейская тема звучит грозным предупреждением молодому поколению. Пессимистически взирает автор на человеческий род, живущий «непокорливо», «в суете и неправде», сожалеет о «человеческом сердце», «несмысленном и неуимчивом». Трагические последствия нарушения заветов старины и стремления к самостоятельности раскрыты в повести на примере жизненной судьбы ее героя – доброго молодца. Он оказался «непокорливым», «отринул смирение» и после многих перипетий нашел спасение в монастыре. Молодец был воспитан в купеческой патриархальной семье. В наставлениях родителей представлены основы патриархальной морали: не ходить в пиры, не бражничать, не красть, не обманывать, не лгать, не иметь зла на отца и мать, не дружить с глупыми, не играть в кости, не прельщаться золотом и серебром, не обижать убогого. Но герой был в то время мал и «несовершен разумом», и он начал жить, «как ему любо», и попал в руки дьявола. Он в один миг утратил доброе имя, завел недобрых друзей, пропил в кабаке деньги, оказался ограблен, разут, раздет, голоден. Природная честность заставила молодца откровенно признаться в своей ошибке. Чужие люди выручают молодца, наставляют его на путь истинный, призывают к смирению. Молодец на какое-то время исправляется, но, находясь на подъеме, снова совершает проступок, который приводит его к новой катастрофе и его настигает Горе-Злочастье. Однако Горе не сразу овладело героем. Когда Горе явилось к нему во сне, он его не послушался, но когда он явился во второй раз в облике архангела Гавриила, молодец оказался у него в плену. На голову юноши посыпались великие беды, которые довели его до отчаяния, нищеты и голода, и он пришел к мысли о самоубийстве. Напуганный Горем молодец хочет покориться воле родителей, но Горе не отступает, преследует его, угрожает молодцу. Но каков выход из положения? Вернуться в родительский дом нельзя – грех слишком велик, остается только одно – монастырь. И именно в стенах монастыря молодец находит свое спасение, он постригся в монахи – такова тяжелая расплата героя за нарушение традиций благочестия и добродетели.

В повести ставятся и социальные вопросы. История молодца, попавшего в кабак, вводит нас в обстановку XVII века, когда «царевы кабаки» и массовое пьянство стали большим народным бедствием. Сатирическая литература того времени называла кабак «дому разоритель», «души погубитель». Образ молодца – первый образ босяка в русской литературе, нарисованный с явным сочувствием к его горькой судьбе. Образ Горя имеет в повести глубокое и трагическое содержание. Оно символизирует безысходное горе, бедность, нищету. Следует отметить, что монастырская жизнь перестает быть идеальным прибежищем, бегство молодца в монастырь – вынужденная ситуация, вызванная крайними обстоятельствами. Об этом свидетельствует

полное название повести: «Повесть о Горе-Злочасти, как Горе-Злочасти довело молодца в иноческий чин».

Интересно отметить, что образ Гора имеется и в народных сказках, но если древнерусская повесть заканчивается победой Гора, то в народной сказке проявляется оптимизм простого народа и мужик побеждает Горе, закапывая его в яму.

«ПОВЕСТЬ О САВВЕ ГРУДЦЫНЕ»

Академик А.С.Орлов назвал «Повесть о Савве Грудцыне» первым русским романом, В.В.Сиповский считал ее источником житийную литературу, а Савву – «одним из героев русской повести, страдающим от несчастной любви». Содержание повести необычно. Впервые перед русским читателем возник новый жанр – бытовой психологический роман, главной темой которого является продажа души дьяволу ради любви к женщине. Автор повести религиозен, и его представления о человеческой любви традиционны. Герой – купеческий сын Савва – попытался порвать со старыми обычаями и нарушить нравственные устои отцов. Но власть старины еще сильна, герой сурово наказан, возвращен в лоно семьи и во искупление вины стал монахом. Автор не мыслил себе существования человеческой личности вне зависимости от провидения, божеской или дьявольской силы. Тема союза человека с дьяволом ради любви – необычна для древнерусской литературы. Древнерусским книжникам была известна византийская легенда об экономе монастыря Феофиле, продавшем душу дьяволу. В условиях русской жизни XVII века этот мотив был использован совершенно оригинально. Раньше частная жизнь обыкновенного человека не занимала писателей, тем более греховным считалось изображение человеческой любви. А в этой повести, вопреки всем старым домостроевским традициям, Савва, снедаемый страстью, порывает с родительским домом, прокучивает состояние отца, не слушает никаких увещаний, даже смерть отца не останавливает Савву в его стремлении к наслаждению. В повести любовь дана как плотское чувство, дьявольское наваждение, в котором активное начало принадлежит женщине, которая толкает неопытного юношу на путь греха. В повести отражено сильное в то время традиционное представление о женщине как орудии греха. Автор повести подчеркивает, что все прегрешения Саввы и его нечистый роман с женой купца Бажена были результатом вмешательства беса, а он, слабый духом, не сумел противостоять этой сокрушительной силе. Однажды Савва пытался, под влиянием благочестивого настроения, отказаться от греха, но дьявол влил ему в душу новый поток чувств с помощью волшебного зелья. Страдания любви привели Савву к отречению от бога, к заключению союза с дьяволом. Далее автор описывает успехи Саввы с помощью нечистой силы: удача в торговле, любви, на войне. Вершина его успехов – битва с польскими

«исполнителями». Но возвысив героя, автор также стремительно приводит его к катастрофе – к болезни Саввы. Нечеловеческие страдания Саввы во время болезни приводят Савву к осознанию своей вины и с помощью божественной силы он раскаивается. Перед Саввой стоит выбор: вечные адские мучения или монастырь. Выбирая между жизнью и смертью, Савва предпочитает монастырь.

Описывая нечистую силу, автор повести показывает, что она многолика и не всегда появляется с рогами и хвостом. Бес предстал перед Саввой в виде юноши в богатой одежде, который назвался его братом, и Савва не узнал в нем дьявола. Бес настойчиво удерживал Савву от исцеления, и каждый раз, когда Савва пытался спастись, ставил перед ним новые ловушки. Сатанинскому царству в повести противопоставлен светлообразный лик Богородицы. Богородица явилась Савве во сне и именно благодаря ей Савва получил прощение, несмотря на козни беса. В повести есть традиционный для древнерусской религиозной литературы образ злой жены. Таковой в повести является молодая жена Бажена, которую автор сравнивает с лютой змеей, львицей, называет ее лукавой, пылающей яростью.

Повесть ставит проблемы патриотические и нравственные. В плане историческом она раскрывает одну из горестных и вместе с тем героических страниц русской истории начала XVII века, когда происходило великое разорение и голод людей, бегство их из родных гнезд. Вместе с тем именно в эту пору проявился массовый героизм русского народа, ставшего на защиту отечества. Другая проблема – проблема взаимоотношения отцов и детей и эта проблема решена религиозным автором в пользу отцов. Необычная по широте охвата исторических событий картина русской жизни XVII века, любовная тема, известный психологизм образов отчетливо свидетельствовали, что и религиозные авторы эпохи оказались во власти всемогущего процесса обмирщения литературы.

«Повесть о Савве Грудцыне» явилась, по справедливому замечанию М.О.Скрипиля, одним из первых, «но уже достигших известной степени совершенства, проявлений русского национального романа в допетровское время».

«ПОВЕСТЬ О КАРПЕ СУТУЛОВЕ»

Процесс обмирщения литературы стал особенно заметен во второй половине XVII в., когда появились первые образцы русской демократической сатиры, а в них новые удачливые герои – купцы, мелкие дворяне, умные и находчивые бедняки. Ловко обманывали они «сильных мира сего» - попов, архиепископов, бояр, и их веселые проделки вызвали явное сочувствие. Торжество ума, сообразительности, жизнелюбия, находчивости, комические

ситуации с переодеванием, прятанием в сундуки и т.п. роднят эти повести с новеллами эпохи Возрождения, переводными фацециями и народными русскими сказками.

Такова «Повесть о Карпе Сутулове», стоящая на стыке бытовых и сатирических повестей. Это остроумная «бытовая сатира», обличающая богатых купцов, все ранги духовенства от попа до архиепископа.

Повесть названа по имени купца Карпа Сутулова, но героиней стала его жена – умная, красивая и смекалистая Татьяна, которая являет собой новый литературный тип, рожденный историческими условиями и прежде всего деловой и практической торговой средой. В древней литературе женские образы отличались душевным благородством – Ярославна, Евпраксия, Феврония. Здесь же на первый план выдвигаются иные качества – практицизм, ловкость, находчивость. Татьяна попадает в довольно сложную ситуацию – в отсутствие мужа купец, поп и архиепископ покушаются на ее честь. Перед ней встает невыносимая дилемма: сохранить честь и приобрести капитал. Героиня блестяще выходит из положения и посрамляет своих противников.

Повесть разоблачает сластолюбивое духовенство, которое в своей житейской практике вступает в противоречие с религиозным учением о грехе и действует по народной пословице: «На небо поглядывает, а сам по земле пошаривает». Повесть – образец того, что «старина повредила» и восторжествовала психология трезвого практического расчета. Моральный облик купечества и духовенства одинаково мерзок. Своей повестью автор обличает двуличие, ханжество и развращенность купечества и духовенства.

Обманутые и обобранные незадачливые поклонники Татьяны были спрятаны ею в сундуки и привезены к городскому воеводе в качестве заклада за 100 рублей. Воевода, которого мало интересовала греховность этих людей, назначил им высокий выкуп, отпустил их и полученные деньги честно поделил с Татьяной. При этом он оказался человеком с юмором и высмеял купца, попа и архиепископа, сказав Татьяне: «Доброй, жено, заклат твой и стоит тех денег».

Татьяна изображена добродетельной женщиной, любящей и верной женой Карпа Сутулова, в столкновении с духовенством она выступила носителем высоких нравственных принципов и, ловко оперируя религиозно-дидактическими формулами, посрамила «святых» отцов. С позиций Домостроя, Татьяна тоже нарушает заветы старины: замужняя женщина назначает в своем доме свидание трем мужчинам, обирает их, принимает участие и в дележе денег с воеводой. Но муж Татьяны, вернувшись, не осудил поступок жены, а «велми возрадовался». Воевода также похвалил ее за целомудренный разум.

В повести чувствуется влияние русской народной бытовой сказки. Автор использует прием троичности, но в отличие от сказок, в повести нет

социальных конфликтов, действие происходит в среде богатых купцов и духовенства. Автор все свое внимание сосредоточил на нравственных проблемах: он убедительно показал, какую глубокую трещину дал мир патриархальных традиций, как иссякло благочестие духовенства и воцарился культ золотого тельца. Автор не осуждает своих героев, он восхищен поступками Татьяны и считает ее мораль нормой человеческого поведения.

Вопросы и задания:

1. Бытовая повесть – новый жанр XVII века.
2. Морально-этические и социальные проблемы в бытовых повестях.
3. Своеобразие проявления характера героев повестей в условиях патриархального быта.
4. Два основных плана «Повести о Горе-Злочастии»: морально-этический и социальный.
5. Патриотические и нравственные проблемы «Повести о Савве Грудцыне».
6. Разоблачение в «Повести о Карпе Сутулове» сластолюбивого духовенства, которое в своей житейской практике вступает в противоречие с религиозным учением о грехе и действует по народной **пословице**: «На небо поглядывает, а сам по земле пошаривает».
7. .

Лекция 13

САТИРИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVII ВЕКА

План:

1. «Шемякин суд».
2. «Повесть о Ерше Ершовиче».
3. «Повесть о бражнике».
4. «Служба кабаку».

Ярким выражением критицизма общественного сознания эпохи является возникновение разнообразной, по преимуществу демократической, сатирической литературы. Она бичует типичные для того времени пороки феодального общества: засилье богатых, неправый суд, недостойное поведение духовенства. При этом нередко используются авторами привычные формы деловой письменности, например, челобитные, лечебники, послания и даже тексты церковных песнопений. Некоторые из повестей сближаются с фольклором.

«ШЕМЯКИН СУД»

О бедности, о неправом суде и хитроумии маленького человека рассказывает повесть «Шемякин суд», которая датируется второй половиной XVII века. Она близка к народной сатирической сказке о неправом суде.

Повесть начинается с того, что богатый брат дал бедному лошадь, чтобы бедный привез из лесу дрова, но пожалел дать хомут. Бедняк привязал дровни к хвосту лошади, она зацепила за подворотню и хвост оторвался. Богач не пожелал принять бесхвостой лошади, и возникла тяжба. По дороге в суд братья заночевали у попа, бедняк, засмотревшись на трапезу попа и богатого брата, нечаянно задавил поповского ребенка, и поп также пошел в суд. Боясь наказания, бедняк решил покончить с собой, но, падая с моста, нечаянно задавил старика, которго под мостом везли в баню. Казалось, выхода нет, но на помощь бедняку, как и во всякой народной сказке, пришла смекалка. Он поднял с дороги камень, завернул его в платок и на суде трижды показал судье. Корыстный судья Шемяка подумал, что бедняк сулит ему богатый посул, и решил дело в его пользу. Когда же судья потребовал плату, бедняк прибегнул к хитрости. Он сказал судье, что если бы тот судил иначе, то бедняк «убил бы его тем камнем». И Шемяка был счастлив, что решил дело в пользу бедного.

Повесть обличает неправый продажный суд. В повести присутствуют детали, которые вводят читателя в типичную обстановку того времени:

бедный брат не имеет не только лошади, но даже хомута и сам добровольно идет в суд за богатым, чтобы не платить налог за вызов; у попа бедняка не зовут ужинать и он лежит голодный на полатах; идя в суд с попом и братом, бедняк понимает, что его засудят, и хочет покончить собой.

Судья дан в повести как ловкий делец, готовый за мзду вынести любое решение. В данном случае он придумал хитроумный приговор: отдать лошадь бедняку, пока не вырастет новый хвост; попадью отдать бедняку, пока не будет ребенка, а человек, у которого задавили отца, сам должен броситься с моста на бедняка.

В повести характерны новые представления автора о человеческой судьбе. До XVII века власть теологии была еще сильна и подчеркивалась зависимость человека от провидения. Но под влиянием социально-исторических условий эти взгляды изменились. На первый план теперь выдвигается не судьба, а личный успех, удача, счастливый случай. Появляется образ находчивого человека, веселые и ловкие проделки которого не только не вызывают осуждения, но, наоборот, изображаются сочувственно. Новый герой силен своим умом, хитростью, жизнелюбием. Эти качества противопоставляются средневековому отстранению от жизни, уходу в монастырь, и в этом проявляется также тенденция обмирщения литературы XVII века. Жизнь героя – цепь случайностей, но герой не погибает, ему на помощь приходит смекалка.

«Повесть о Шемякином суде» - оригинальная сатира, изображающая реальную вековую тяжбу бедных и богатых, неправый феодальный суд, горькую долю бедняка, который пытался в сложных условиях жизни противостоять судьбе и, волей автора, преуспел в этом с помощью находчивости.

«ПОВЕСТЬ О ЕРШЕ ЕРШОВИЧЕ»

Злободневная проблема бедности и богатства вызвала к жизни остро обличительную сатирическую «Повесть о Ерше Ершовиче» или «В мори перед большими рыбами сказание о Ерше о Ершове сыне, о щетине, о ябеднике, о воре, о разбойнике, о лихом человеке, как с ним тягалися рыбы Лещь да Головлъ, крестьяне Ростовского уезду».

Повесть изображает земельную тяжбу из-за Ростовского озера между Ершом и Лещом. Эта тема была типична для XVII века, так как происходил массовый захват земель светскими и духовными феодалами и глубокое разорение народных масс. Повесть – не веселая шутка, а горестная жалоба, напоминающая известный в XVIII веке антикрепостнический «Плач холопов». За прозрачной аллегоричностью повести явственно проступает отчаянное положение крестьян, которых Ерш «перебил и переграбил и из вотчины вон выбил, и озером завладел насильством... и хочет поморить

голодную смертью». И они «бьют челом и плачутся» на вора, разбойника, ябедника Ерша и просят: «Смилуйтесь, господа, дайте нам на него суд и управу». Ерш пришел в Ростовское озеро издалека и, выдавая себя за крестьянина, упросил пустить его «на малое время пожить и покормиться». Добрые люди его приняли, а он не вернулся в родные места, остался в Ростовском озере и начал бесчинствовать. Ловкий пройдоха, он выдал дочь за Вандышева (мелкая рыба, снеток) сына, тем самым укрепил свое племя и начал грабить соседних рыб.

На суде Ерш обнаружил большую хитрость, ловкость и изобретательность, доказывая свою невиновность. Он грозил Лещу и Головлю, что будет на них «искать бесчестия своего», зачем назвали его «худым человеком». А он, дескать, «не бивал и не граблывал», ничего не знает и не ведает. Ростовское озеро наглый лгун объявил вотчиной своего деда, а Леща и Головля холопами отца. Про себя же сказал, что он – «истаринший человек, детишка боярские, мелких бояр, по прозванию Вандышевы Переславцы». После смерти отца Ерш, якобы не желая брать на душу греха, отпустил холопов на волю. В голодный же год, говорил он, Лещь и Головль сами ушли на Волгу, а его, «бедново отнють продают напрасно». Ерш притворно жаловался, что Лещь и Головль, живя в Ростовском озере, никогда ему свету не давали, так как ходили «поверх воды». Он же, Ерш, как праведник, живет «божиею милостию и отцовымь благословением и материною молитвою», не вор, не разбойник, а человек «доброй». В доказательство Ерш ссылался на то, что его знают в Москве «князи и бояре и дети боярские, и головы стрелецкие... и весь мир во многих людех и городех». Ерш хвастался, что едят его в ухе «с перцемь и шафраномь, и с уксусомь, ... а поставляют перед собою чеснок на блюдах, и ... с похмеля оправливаютца».

Настоящий же облик Ерша отчетливо проявился на суде. «Свидетели» – рыбы Лодуга, Сиг и Сельдь показали, что Лещь и Головль – «люди добрые, кормятся своею силою, а озеро изстарины Лещево да Головлево». А Ерш – «лихой человек, обманщик, воришко, а живет по рекам и по озерам на дне, что змея ис-под куста глядит». Выслушав всех, судьи «приговорили Лещу с товарищем правую грамоту дать. И выдали Лещу с товарищи Ерша щетину головою». Но Ерш и тут ускользнул. Повесть кончается тем, что Лещь и Головль отпустили на волю Ерша, взяли «правую грамоту, чтобы от нево впредь беды не было какой, а за воровство Ершево велели по всем бродом рыбным...бить его кнутом нещадно».

Справедливый приговор суда в пользу бедных не был типичен в условиях XVII века. Но ведь это была демократическая повесть и в ней выражена, как и в других повестях века, народная мечта о победе добра над злом. Повесть отличается большой правдивостью деталей быта, точностью в изображении рыб и их повадок.

«Повесть о Ерше Ершовиче» - одно из замечательных произведений. В аллегорической форме она раскрыла сложный социальный конфликт между крестьянами и землевладельцами, показала бесправное положение «голых и небогатых».

«ПОВЕСТЬ О БРАЖНИКЕ»

Блестящим образцом сатиры, выходящим за пределы обличения духовенства, является «Повесть о бражнике», который попал в рай. Сюжет этот встречается во французской и немецкой литературе, а это дало повод в свое время А.Н.Веселовскому считать произведение неоригинальным. Однако, несмотря на международный сюжет, «Повесть о бражнике» оказалась тесно связанной с русской действительностью XVII века, при этом французский крестьянин и немецкий мельник в русском варианте заменены бражником. После учреждения в XVI веке «царевых кабаков», пьянство стало одним из народных бедствий и тема обличения пропойц заняла значительное место в русской литературе XVII века. Повесть эта не прославление пьяниц, она направлена против религиозного аскетизма, против утверждения церкви, что «пьяницы царства божьего не наследят». В повести ясно выражена критика некоторых догматов церкви. Неизвестный автор высказывает смелые суждения в адрес святых, выражает сомнение в справедливости божьего суда. Это и было причиной того, что повесть была включена церковью в индекс запрещенной литературы.

Повесть повествует о том, как пьяница весь свой век пил, но каждый раз, поднимая ковш с вином, славил имя божие. Бог отметил этот «подвиг» бражника и после его смерти поставил душу бражника к райским вратам. Бражник начал стучаться в рай, требуя, чтобы его пустили пребывающие там святые. Между бражником и каждым святым, выходящим на его стук, происходит диалог. Оказывается, рай населен святыми, совершившими столь тяжкие грехи, что они, собственно, недостойны пребывания там, суд божий был несправедлив. В самом деле, апостол Петр живет в раю, а сам трижды отрекся от Христа. Апостол Павел убил камнем первомученика Стефана. Царь Давид слугу своего Уляна на смерть послал, а жену его Вирсавию взял к себе на ложе. Царь Соломон поклонялся идолам. Не зная, как избавиться от бражника, святые послали к нему евангелиста Иоанна Богослова. Но и его бражник уличил в лицемерии, сказав ему: «Во еуангелии ты же написал: аще ли друг друга возлюбим, а бог нас обоих соблюдет. Почему ты, господине, Иван Богослов, еуангелист, сам себя любиш, и в рай непустиш?» Иоанну Богослову пришлось пустить бражника в рай.

Одним из художественных приемов повести является повторение одних и тех же вопросов и ответов бражника и святых отцов: «И нача бражник еще толкаться у врат. Прииде ко вратам апостол Павел и рече: «Кто толкущися у

врат святых?» «Аз есмь бражник, желаю с вами в раю быти». И Павел рече: «Бражником не входимо в рай». И каждый раз, когда появлялся новый святой, вопросы и ответы повторялись.

Сатирическая сила повести в обличении бражником святых. Автор пересматривал традиционное представление о справедливости божьего суда, находил слова упрека для каждого обитателя рая, и бражник с его единственным грехом – пьянством – выглядел, по сравнению с другими, невинным агнцем.

«СЛУЖБА КАБАКУ»

К сатирическим пародийным произведениям XVII века, использующим форму церковной службы и жития святых, относится повесть «Служба кабаку».

Смысл повести состоит в обличении кабака, показе губительных результатов пьянства. Кабак, «несытая утроба», выступает в повести как всепожирающий Молох, от которого нет спасения слабому духом человеку. Автор описывает трагедию спившегося человека. Вот он приходит в кабак благонравный, разумный. Сперва начинает пить неволею, потом пьет с похмелья, а позже и сам пьет, и людей учит. И тогда уже, не помня себя, ходит по домам в поисках вина, хотя и не зовут его, и бранят. Его следует «отбегаи – учит автор, яко ото лва, снедающе человека». За короткий час питья вина исчезает мудрость человека, наступает нагота, безумие, срамота. Пьянство приводит к опустошению дома, гибели семьи. Автор отмечает, что пьянство приводит к преступлениям. Пропив все, пьяницы обкрадывают приезжих и получают за это наказания. Как отмечает автор, старость пьяниц «нечестна, ни многолетна..., не христианскою смертию мнози человеци, от вина умирают».

В повести автор перечисляет всех, кто несет свою лепту в «несытую утробу» кабака. Здесь поп и дьякон. Они несут в кабак скуфьи, шапки, служебники. Монахи несут рясы, клобуки, дьяки – книги и переводы, философы мудрость меняют на глупость, «женки недобрые отдают блуд и скарество», а добрые получают срам, повара мастерство меняют на винную чарку, лесники отдают куниц и соболей. Горестно, что все, любящие кабак, покидают родителей, и только когда наступает смерть, сетует автор, вспоминают они родителей, но поздно.

Сатирический эффект повести достигается использованием текста церковной службы (малой и большой вечерни), а также житийной литературы. Использует автор и недопустимое в то время сочетание высокой формы церковных песнопений с низким содержанием, изображающим все степени падения пьяниц. Пародируется в повести также и известная молитва «Отче наш»: «Отче наш, иже еси седиш ныне дома, да славитца имя твое

нами... да будет воля твоя яко на дому, тако и на кабаке... и оставите должники долги наша, яко же и мы оставляем животы свои на кабаке... Но избавите нас от тюрьмы».

Эта талантливая сатира обличает «царевы кабаки» и такой человеческий порок, как пьянство. Пьянство изображено как выражение душевной слабости, с которой надо бороться. Пьянство – это нравственное падение человека. Оно приводит человека к позору, разорению, болезням, тюрьме. Повесть имела не только обличительный, но и поучительный характер.

Вопросы и задания:

1. Возникновение демократической, сатирической литературы.
2. Разоблачение в сатирической литературе типичные для того времени пороки общества: корысть, неправый суд, недостойное поведение духовенства.
3. Использование авторами формы деловой письменности: челобитные, лечебники, послания и тексты церковных песнопений.
4. Фольклором и демократическая, сатирическая повесть.
5. Идеино-тематическое и художественное своеобразие повестей.

Лекция 14

ИСТОРИЧЕСКАЯ БЕЛЛЕТРИСТИКА XVII ВЕКА

План:

1. «Повесть о начале Москвы».
2. «Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы».
3. Повесть о Тверском Отроче монастыре».

Право искусства на художественный вымысел было признано русской литературой только в XVII веке. В связи с этим пришлось отказаться от нормативных предписаний средневекового историзма, который не признавал вымышленных героев и ограничивал круг литературных персонажей историческими лицами. Эти персонажи могли быть и псевдоисторическими, никогда не существовавшими, но средневековый автор и читатель не сомневались в том, что они действительно жили на земле. В исторической беллетристики XVII века остались лишь внешние приемы, лишь оболочка средневекового историзма. Авторы искали своих героев на страницах летописей и хронографов. Но не заботились о том, чтобы их поступки хотя бы приблизительно соответствовали тому, что сказано в летописях и хронографах. Источник не сковывал фантазию писателя, историческим оставалось только имя, а носитель имени становился вымышленным лицом. К таким произведениям исторической беллетристики относится цикл произведений о начале Москвы.

«ПОВЕСТЬ О НАЧАЛЕ МОСКВЫ»

Повесть начинается с упоминания об идее «Москва – третий Рим», но автор, не размышляя о Москве как последнем нерушимом оплоте православия, использовал только один мотив, сопутствующий этой традиционной идее, – мотив строительной жертвы. Согласно первобытным обрядам, этот мотив строился на убеждении, что всякая постройка, всякое здание лишь тогда долговечно, когда при их основании приносится человеческая жертва. Автор отмечает, что Рим и Константинополь («второй Рим») были якобы основаны на крови. На крови же возникла и будущая столица России. Обращаясь к этой теме, автор заявляет о том, что он не историк, а художник, так что этот мотив не столько историко-философский, сколько художественный.

Действие повести начинается с 6666 (1157-1158) г. от сотворения мира. С евангельских времен число 666 считается «числом зверя» – антихриста. Выбрав почти апокалипсическое число, автор хотел подчеркнуть, что в основании Москвы сказалась роковая предопределенность, что само время

требовало крови. В этот год князь Юрий Долгорукий, остановившись по пути из Киева во Владимир на высоком берегу Москвы-реки, казнил местного боярина Кучку, который принял его не с «подобающей честью». Тогда именно князь и приказал выстроить на этом месте город и назвать по имени реки Москвой. Кучкову дочь он отдал в жены своему сыну Андрею Боголюбскому, к нему же были отосланы ее братья. Но одним убийством дело не кончилось. Понадобилась для строительства города еще и кровь Андрея Боголюбского. Этот благочестивый князь-храмоздатель, молитвенник и постник, думал только о небесном и скоро отказался от «плотского смешения» с Кучковной. После чего она подговорила братьев убить мужа. Князя убили, а тело бросили в воду. Убийцам и княгине отомстил брат Андрея Боголюбского. На этом и кончается фабула повести. Впоследствии к повести добавлялись другие записи, лишь косвенно связанные с московской темой. В этом произведении повесть как жанр еще не обособилась от исторических сочинений, с которыми генетически связана. Подобно всякой летописи, повесть сюжетно не замкнута, ее можно продолжить записями о более поздних событиях. Автор, тем не менее, связан с летописью формально, его не интересует политический конфликт Андрея Боголюбского с боярским окружением, – конфликт, которым летописец объясняет убийство князя. Автор сознательно пренебрег историческим и политическим смыслом летописного рассказа. Его привлекал романический фон, который он развил с помощью византийской Хроники Константина Манассии, которая была известна в составе Хронографа 1512 г., откуда он и взял мотив строительной жертвы.

«СКАЗАНИЕ ОБ УБИЕНИИ ДАНИИЛА СУЗДАЛЬСКОГО И О НАЧАЛЕ МОСКВЫ»

Второе произведение цикла – это новый шаг в развитии исторической беллетристики, в овладении художественным вымыслом. В «Сказании» последовательно проведена беллетризация сюжета. Москва здесь не называется «третьим Римом», мотив строительной жертвы решительно отброшен. Философия истории в «Сказании» – это философия исторической случайности. Эта историческая случайность заявлена уже в начале повести, где автор говорит, что «вложи бог в сердце князю мысль», т.е. герою, созерцавшему красоту москворецких угодий, пришла мысль выстроить здесь город, и не более того. Автор отказывается от идеи божественного предначертания и дает волю художественной фантазии. В произведении господствует стихия чистого вымысла. Все достоверные исторические реалии здесь наперечет. Это – сообщения о том, что у Даниила, младшего сына Александра Невского и родоначальника князей московского удела, был брат Андрей, занимавший владимирский великокняжеский стол, и сын Иван –

будущий Иван Калита. Надо отметить, что никакой кровавой драмы в семье Даниила Александровича не было, драму придумал сам автор. Рукописная традиция произведения говорит о полнейшем невнимании к истории – в разных редакциях «Сказания» герои носят разные имена: вместо Даниила – Борис Александрович, злодейка княгиня именуется то Улитой, то Марьей. Здесь полностью осуществлен переход от исторических имен к вымышленным. В произведении вымыслу отдан приоритет перед историей – меняя имена, автор не меняет сюжетную линию.

Даниил силой взял к себе на службу двух братьев – сыновей боярина Кучки. Они приглянулись княгине и она договорилась с братьями, чтобы они убили Даниила. На охоте братья напали на своего господина, но тот успел скрыться и спрятаться. Княгиня, узнав о неудаче, дала им совет – найти князя с помощью собаки, которая и помогла братьям найти Даниила. Практически преданный хозяину пес и выдает его. Тут Даниил Александрович и был убит. Но за брата отомстил владимирский князь Андрей. Сначала он казнил вдову, а потом братьев. Затем пришла ему мысль на месте «красных сел» злополучного боярина Кучки построить город Москву.

Если «Повесть о зачале Москвы» довольствовалась конфликтом между благочестивым мужем и похотливой женой, то «Сказание» осложнило этот конфликт мотивом преступной страсти героини к вассалам супруга.

Автор «Сказания об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы» опирался и на книжные источники, и на жизненную практику. Он последовательно соединял разнообразные и разнородные мотивы. В сюжетной конструкции автономные мотивы слились в органическое целое.

«ПОВЕСТЬ О ТВЕРСКОМ ОТРОЧЕ МОНАСТЫРЕ»

К исторической беллетристике относится и «Повесть о Тверском Отроче монастыре» - одна из самых замечательных повестей XVII века. Это – легендарный рассказ об основании Отроча монастыря при первом великом князе Твери Ярославе Ярославиче (умер в 1271 г.), внуке Всеволода Большое Гнездо. Автор этой повести, в отличие от авторов повестей московского цикла, не сторонник вольного обращения с фактами. Если он и ошибается, то не вследствие творческой установки на вымысел, а по неведению. Дело в том, что он переносит топографические и архитектурные реалии своего времени в XIII век. Отсюда анахронизмы, которыми изобилует повесть. У автора было мало документальных данных. Достоверным можно считать лишь факт женитьбы князя Ярослава Ярославича на женщине по имени Ксения. Из летописи известно, что это была вторая жена князя и что он женился в 1266 году в Новгороде, во время пребывания на тамошнем княжеском столе. В остальном повесть исторически не поддается проверке. Все обстоятельства, сопутствовавшие женитьбе, включая «подлое» происхождение невесты, – это вымысел, литературная обработка старинного тверского предания.

Повесть рассказывает о любовной драме. Три ее героя образуют классический треугольник. Дочь деревенского пономаря Ксения, на которой хотел жениться любимый княжеский «отрок» (придворный) Григорий, отвергает его в день свадьбы и внезапно выходит за князя. Отвергнутый Григорий скрывается с глаз людских, становится отшельником, а потом строит Отрочь монастырь, постригается в нем и умирает. Эта драма не преподносится как типичный конфликт злого и доброго начала, вообще в повести нет «злых» персонажей. Действие происходит в идеальном княжестве, где подданные живут в добром согласии со своим господином. Молоды и прекрасны ее главные герои. Даже после трагической развязки счастливые супруги и отвергнутый «отрок» не перестают любить друг друга. Для повести характерна атмосфера величавой красоты и торжественности. Но возникает вопрос: отчего в этом царстве любви, благолепия и кротости удел одних – счастье, а других – страдание. Впервые в древнерусской литературе автор ищет ответ на этот вопрос в сфере чувств: никто не виноват в том, что два прекрасных юноши любят одну прекрасную девушку. Не виновата и Ксения, которой пришлось предпочтение отдать одному из них. Любовь – вот источник и счастья, и страдания. Автор для решения этого вопроса вводит в повесть идею судьбы. Ксения, подобно «мудрым девам» фольклора, наперед знает, что ей «сужен» не отрок, а князь. Поэтому она не совершает никаких поступков, она ждет своего часа. Князь ни о чем не подозревает до встречи с Ксенией. Он – игрушка провидения, его судьба тоже предрешена.

Позволив Григорию жениться на дочери пономаря и пообещав быть на свадьбе, князь видит вещий сон: он выехал на соколиную охоту и пустил «любимого своего сокола на птичье стадо; тот же сокол, все стадо разогнав, поймал голубицу, красотой зело сияющую паче злата, и принес ему в недра». Весь этот сон построен на русской свадебной символике. Читатель уверен, что голубица – Ксения, а сокол – Григорий. Немногословность, почти «немота» Ксении – отголосок обряда: на «свадебнике» невесте полагалось молчать. Любимый сокол принес голубку «в недра» (за пазуху) господину. Это первый намек на непредвиденную развязку. Дальше вещий сон повторяется, а затем как бы реализуется в сценах подлинной охоты, которой князь развлекается по пути на свадьбу любимого слуги. Когда Ксения увидела князя, она сказала Григорию, что он сват ее, а жених – князь. Увидев прекрасную Ксению, князь «возгорется сердцем и смятется мыслию» и повел ее к венцу.

Следует отметить, что идея «суженности» не ослабляет идею любви, что если чувства предопределенны, то они не тускнеют, не обесцениваются.

Утратив любовь земную, отрок Григорий взамен обрел любовь небесную. Его отвергла «премудрая дева» Ксения, но приняла Богоматерь, которая, явившись ему во сне, повелела воздвигнуть монастырь и пообещала

сократить его печальные земные дни. Потеряв Ксению, Григорий стал пустынником, потом монахом, отрекшимся от земных радостей.

Вопросы и задания:

1. Идея «Москва – третий Рим».
2. «Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы» – новый шаг в развитии исторической беллетристики, в овладении художественным вымыслом.
3. «Повесть о Тверском Отроче монастыре» – историческая беллетристика.

Лекция 15

КНИЖНАЯ ПОЭЗИЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ

План:

1. Письменность и культовые цели или государственные и деловые потребности.
2. Фольклор и «поэтическое чувство» русского народа.
3. Оригинальная беллетристика XVI столетия.
4. Книжная поэзия XVII века.
5. Расцвет русской силлабической поэзии.
6. Самуил Емельянович Петровский – Ситнианович (Симеон Полоцкий).

Историю русской книжной поэзии начинают, как правило, с рубежа XVII столетия. Существует мнение, что в русской феодальной книжности не было специально стихотворных жанров, и если встречались в прозе ритмичность, рифмование или «напевность» – это шло от эпоса. Русских книжных стихотворений как самостоятельного рода не выработалось, по-видимому, до эпохи Московского государства.

Но былинный эпос указывает, что древние люди отнюдь не страдали отсутствием «поэтического чувства», и поэтому нередко попытки отыскать ритмическую и даже лирическую организацию в ряде древнерусских текстов, начиная с киевской эпохи.

Примерная схема русской словесной культуры периода возникновения и первоначального распространения письменности вырисовывается следующим образом: письменность на первых порах служила преимущественно культовым целям или же государственным и деловым потребностям, а «поэтическое чувство» русского народа удовлетворялось фольклором. Существовали профессионалы-творцы и исполнители подобного рода произведений. Сохранилось немало сведений о скоморохах, которые в письменных источниках и в устной речи именуется «веселыми молодцами», «веселыми гулящими людьми». Известия о скоморохах обыкновенно носят характер обличений, аскетически-христианского неприятия.

Даже по отрывочным сведениям, какие донесла до нас русская письменность домонгольского периода, можно судить, что среди скоморошских профессий были и профессии «говорные», «бахарские», что декламационный стих издавна существовал в русском устно-поэтическом творчестве. Этих стихотворцев называли «смехотворцами», «сквернословцами», «глумотворцами», «кощунниками». Эта бахарская система «глумотворчества» достаточно выразительно представлена в «Молении Даниила Заточника».

Письменность киевской эпохи даёт нам немало примеров, когда эпические песни так или иначе использовались в литературе. Именно на стыке книжности и устного народного творчества возникали наиболее выдающиеся, истинно художественные произведения древнерусской литературы («Слово о полку Игореве» – плачи; «Повесть о разорении Батыем Рязани» – отголоски песни о Евпатии Коловрате, «Сказание о Мамаевом побоище» – лиро-эпическая песня «О походе новгородцев на помощь Москве»).

Одной из самых распространенных книг в древней Руси была «Псалтырь». Псалмы пелись на всех службах и были известны буквально каждому. Поток сравнений и перифраз, стилистическая симметрия и другие виды синонимии, общий экспрессивный строй – все это, конечно, находило отклик у слушателей и читателей. Псалмы поэтичны по самой природе, однако лирическая их характеристика в славянском переводе не ясна.

XVI столетие – эпоха, когда в русской культуре возникает сильное «светское» течение и зарождается оригинальная беллетристика. Эти тенденции уже намечены в одном из сборников известного книгописца Кирилло-Белозерского монастыря Ефросима. В составленной им рукописи наряду с «Задонщиной» и «Хождением игумена Даниила» содержится «Слово о хмеле Кирилла философа словеньскаго». Это обличительное произведение, написанное в духе скоморошин, составленное «говорным стихом» с рифмой. В тот же сборник Ефросим включил другое поэтическое произведение – «Плач Адама о рае», начинающееся стихом «Плакал Адам перед раемо сядя...», видимо, исполнявшийся напевом былин. Ефросиновский текст – первое звено в цепи многочисленных стихов «покаянных», «умиленных», «прибыльных», как они называются в рукописях XVI века. Тематика стихов «покаянных» определяется в значительной мере тем, что они были связаны с церковной службой (стихи помещались в служебных книгах и распевались на «восемь голосов»). Обычное душеспасительное «глаголение», христианская трактовка смерти – вслед за кончиной последует расплата за грехи, панегирик «прекрасной пустыне», мотивы раскаяния и покаяния – таков круг вопросов, затрагиваемых в этих «полезных», с точки зрения официальной церковной идеологии, песнопениях. Время от времени в потоке этого «душеспасительного глаголения» возникают светские ноты, призыв к защите родины. Постепенно форма стихов «покаянных» теснее сближается с народным эпическим стихом. Не случайно «Повесть о Горе – Злочастии» – шедевр русской поэзии XVII века – связывают и тематически, и формально со стихами «покаянными».

Столетие, протекшее от начала Смуты до петровских преобразований, дает в руки исследователей русской поэзии обширнейший материал – настолько огромный и разнообразный, что стихотворство более раннее остаётся, как правило, в тени. XVII век представляется иногда резким

качественным скачком, появление книжной поэзии внезапным, и поэтому попытки истолкования этого явления привели к созданию взаимоисключающих, на первый взгляд, концепций. Одна из них – широко распространенное мнение о механическом перенесении польской и украинской версификаторской практики на русскую почву. Другая – так называемая теория «самопроизвольного» зарождения стиха в прозе.

Возникновение письменной поэзии в начале XVII века объясняется тем, что в это время фольклор стал уходить из города, поэтому «поэтическое чувство» горожан искало удовлетворение в книге – как в «высокой», силлабической поэзии, так и в попадавшей по необходимости в письменность народной, в эпосе, сатире, лирической песне, духовном стихе. Усиление роли города – вот причина появления стихотворства в XVII веке. Этот процесс, конечно, обуславливался и иными течениями русской жизни. Первые цари из семьи Романовых, Михаил и Алексей, резко усилили гонения на скоморохов. В «Судебнике» 1626 года указывалось упорствовавших в «глумствах» скоморохов за ослушание бить кнутом. Русский патриарх в 1636 году запретил держать в домах музыкальные инструменты, в случае же ослушания – ломать инструменты, а ослушников сурово наказывать. Скоморох с этого времени становится отжившей свой век исторической личностью. А новые личности, сочинители виршей, спустя некоторое время утверждаются прочно у царя «вверху».

Другой фактор появления стихотворства – стремление усвоить достижения европейской культуры. Итак, в XVII веке, «уйдя» из города, фольклор одновременно и «вернулся» туда в том смысле, что он стал проникать в письменность. Разумеется, фольклорные тексты (былины), воспроизводились неточно. Авторы записей создавали своеобразные переработки, иногда скрещивая различные сюжеты, иногда привнося лишь некоторые книжные черты. Эти черты изменяли поэтику памятника. Существенные изменения происходили и в ритмическом рисунке былины. Эти произведения («Сказание о киевских богатырях», «Повесть о Сухане») лишь условно можно считать стихотворными произведениями.

С большим основанием в разряд стихотворных произведений зачисляется знаменитая повесть «О Горе-Злочасти», возникшая где-то в середине столетия и представляющая собой философское повествование о «бесконечной нищете», «ноготе и босоте безмерной» простого человека, несчастья которого персонифицированы в образе Горя.

Силлабический стих утверждал себя в русской литературе XVII века постепенно. Сначала, по-видимому, он обслуживал лишь немногие жанры, в частности послания. В первой половине XVII века уже возникали целые сборники посланий, многие из которых становились образцовыми и попадали в письмовники, утрачивая конкретные приметы. В одном из таких сборников, в котором собраны стихотворения справщиков Печатного Двора – чернеца

Савватия, Степана Горчака, Михаила Злобина, Михаила Татищева и др. – всего около пятидесяти посланий на разнообразные темы. Это и просьба о покровительстве, и порицания, и отповедь ученику. В первой половине XVII века силлабический стих встречаем не только в посланиях. Так в это время возникают силлабические вирши о гербах (вирши на герб патриарха Никона).

Расцвет русской силлабической поэзии падает на последнюю треть XVII века и связан с именами Симеона Полоцкого, Сильвестра Медведева, Кариона Истомина и Андрея Белобочко.

Самуил Емельянович Петровский – Ситнианович (Симеон – имя, которое он получил, когда постригся в монахи) родился в Полоцке в 1629 году. О днях его молодости нам известно только то, что он учился в Киево-Могилянской коллегии, крупнейшем тогда православном центре высшего гуманитарного и богословского образования. От 1648 года до нас дошел составленный им и собственноручно переписанный конспект теории поэзии, от 1653 года – сборник риторических упражнений на польском и латинском языках. В 1656 году, два года спустя после освобождения Полоцка русскими войсками, он принял монашество в Полоцком Богоявленском монастыре, а затем стал учителем в местной «братской» школе. В этом же году он впервые встретился со своим покровителем – царем Алексеем Михайловичем. В 1661 году принял решение навсегда переселиться в Москву, но решение это осуществил в 1664 году. Симеон Полоцкий еще до своего переезда в Москву в 1664 г., в Киево-Могилянской академии и в Полоцке, своем родном городе, стал известен как недюжинный поэт и ритор. Если его знаменитая декларация «Метры», которую он произносил перед царем Алексеем Михайловичем в 1656 году, почти буквально повторяет силлабическую «Просфониму», изданную во Львове в конце XVI века, то другое его произведение с тем же заглавием, читанное также во время посещения царем Полоцка, – это вполне самостоятельное произведение, яркий панегирик белорусской земле. Обращаясь к царю, поэт восхваляет его как освободителя Белоруссии:

Ты нас от нужды избавил,
Россию Белу на ноги поставил,
Прежде напастей бурейо стемненну и оскорбленну.

В этих ранних произведениях уже достаточно ярко проявились характерные особенности творческой манеры Симеона Полоцкого. Если «Метры» написаны на белорусском языке, то в «Диалоге» сильна та «церковнославянская мова» – своеобразный сплав живых восточнославянских языков и языка церковных книг, которую Симеон Полоцкий ввел в русскую поэзию.

Московский период творчества поэта был самым длительным и плодотворным. Здесь он занял прочное положение при дворе, стал

придворным учителем, стихотворцем и «премудрым философом», которому поручалось «состязание» со знаменитым Аввакумом, составление устава проектируемой академии, организация «верхней» типографии, которая до самой его смерти в 1680 году находилась в его ведении. Здесь он создал свой колоссальный по объему и значению сборник «Вертоград многоцветный» (1678), выпустил печатный стихотворный перевод «Псалтыри царя и пророка Давида» (1680), снабженный превосходной гравюрой А.Трухменского по рисунку Симона Ушакова, а затем положенный на музыку композитором В.П.Титовым. Он работал над «Рифмологионом», который должен был включить все его панегирические стихотворения.

Значение Симеона Полоцкого не в том, что он «ввел» стихотворство в русскую культуру – силлабические вирши писали и до него, – а в том, что он отошел от представления о них, как о забаве, обслуживающей лишь определенные потребности, что «рифмотворение» представлялось ему главным и, пожалуй, единственным способом создания новой словесной светской культуры. По словам Еремина, сборники Полоцкого «производят впечатление своеобразного музея, на витринах которого расставлены в определенном порядке самые разнообразные вещи, часто редкие и очень древние». У Полоцкого есть и сюжетные произведения, и стихотворные анекдоты, и «приклады» вроде известного рассказа о рабе Андрокле, и поэтические зарисовки («День и ночь» в «Вертограде многоцветном»), и в особенности описание разных драгоценных камней, экзотических и фантастических птиц и животных. Поэт охотно прибегал к античной тематике. Но античный, раннехристианский и вообще исторический фон нужен поэту лишь как орнамент стихотворения. Полоцкий – это дидактический поэт, который в стихотворном воплощении всякой темы, всякого поэтического образа видел, в первую очередь, возможность «логической», морально-назидательной интерпретации. Поэтому так часты «лирические» отступления в сюжетном потоке – это риторическое восклицание, авторская ремарка, эмоциональная оценка. Симеон Полоцкий предпочитает вести непосредственный разговор с читателем, воздействовать не только поэтическим материалом, но и прямой сентенцией. Эти обращения адресованы либо к читателю вообще, либо к людям, для которых стихотворение, по мнению автора, должно представлять наибольший, чисто практический интерес.

О, родители, чадам не вручайте,
Всех богатств ваших,
Сами обладайте.

Поэзия Полоцкого в сущности замкнута в мире «вещей», к которым можно относить не только камни, предметы царского одеяния, но и

одушевленных его героев. В отношении к мифологии и истории Полоцкий выступает как типичнейший представитель барокко: он не пользуется мифологией для постижения действительности, напротив – действительность он заключает в исторические и мифологические кулисы. Ренессансная стройность оборачивается у Полоцкого, как и у других поэтов барокко, схематизмом. Его интересуют внешние приметы вещей и явлений. А поскольку стихотворение для него тоже вещь, он увлекается графической его формой, пользуется изощренными акrostихами и анаграммами, пишет стихи в форме креста, звезды, круга и т.д.

После смерти Симеона Полоцкого (1680 г.) роль придворного стихотворца выполнял его ученик Сильвестр Медведев. Медведев не пользовался «славянской мовой» – искусственным языком, введенным в русскую поэзию Полоцким. Словарь Медведева – словарь русский, почти лишенный полонизмов и украинизмов. Пользуясь церковнославянизмами, Медведев иногда создавал стихотворения, по построению и поэтике напоминающие произведения народного творчества. В конце века стихи писали Карион Истомин и Андрей Белобоцкий – обрусевший поляк.

Вопросы и задания:

1. Проблемы возникновения русской книжной поэзии.
2. Служение письменности на первых порах преимущественно культовым целям или же государственным и деловым потребностям.
3. Удовлетворение «поэтического чувства» русского народа фольклором.
4. – эпоха, когда Возникновение «светского» течения в русской культуре в XVI столетии.
5. Зарождение оригинальной беллетристики в XVI веке.
6. Стремление усвоить достижения европейской культуры.
7. Расцвет русской силлабической поэзии.
8. Характерные особенности творческой манеры Симеона Полоцкого.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Значение древнерусской литературы состоит, во-первых, в том, что она помогает нам понять достижения великой русской литературы XIX-XX вв. В древнерусской литературе находятся истоки высокой гражданственности и идейности русской литературы нового времени. Древняя русская литература передала русской литературе нового и новейшего времени свою высокую идейность, свой огромный художественный опыт, гибкость и богатство литературного языка, образной системы.

Во-вторых, в древнерусской литературе есть произведения, которыми русский народ вправе гордиться независимо от того, насколько они оказались важны для дальнейшего развития русской литературы. К таким произведениям, ценность которых чрезвычайно высока, относятся прежде всего «Повесть временных лет» – первая русская летопись, «Поучение Владимира Мономаха», «Слово о полку Игореве», «Слово о погибели Русской земли», «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Повесть о Петре и Февронии», «Хождение за три моря Афанасия Никитина», «Житие протопопа Аввакума», «Повесть о Горе – Злочастии». Перечисленные произведения далеко не исчерпывают все то лучшее, что создала русская литература за семь веков.

Особенно русской литературе XVII века принадлежит заметная роль в развитии русской литературы нового времени. Она является тем звеном, которое соединяет средневековую словесность с искусством нового времени. Совмещение старого и нового, традиционного и преодолевающего традиции, наблюдается и в тематике произведений, и в миросозерцании писателей, и в литературных формах. Важное место занимает героика, тема защиты отечества звучит в произведениях «смутного времени», в повестях блестяще представлена ратная доблесть русских людей.

Религия продолжает играть важную роль в жизни человека, что находит свое отражение и в литературе: в религиозной оболочке предстают общественно-политические идеи века, вмешательством божественной и нечистой силы объясняются многие перипетии в судьбах героев, с проявлением божественной воли соотносится исторический процесс. Не играя такой значительной роли, как раньше, тем не менее продолжают существовать традиционные жанры. Сама литература остается, в основном, анонимной.

Русская литература XVII века обращена к будущему. Ей присущ острый критицизм по отношению к старым нормам жизни, обусловленный приобщением к творчеству демократических слоев населения. Произведения демократической сатиры и старообрядческой публицистики, наиболее полно отразившие классовые противоречия и протест народных масс, направлены против богачей, против попов, феодального суда, государственной

организации, пьянства. Наступательный, обличительный характер литературы находит выражение в таких способах сатирического показа жизни, как ирония, гротеск, пародия, шутка. Критической направленностью литературы XVII века обусловлено появление вопроса о том, каким должен быть царь, что выразилось у Аввакума в гневном обличении царя-деспота, а у Симеона Полоцкого в создании идеального образа могущественного царя-просветителя.

XVII век открыл для читателей совершенно новую область художественного изображения – сферу частной жизни человека, мир человеческих чувств. Человек начинает рассматриваться как существо сложное.

В XVII веке происходит рождение литературы как самостоятельной области искусства. Она отделяется от деловой письменности и богослужебной литературы. Происходит осознание отдельными писателями их литературных позиций: Аввакум полемично избирает простоту и доходчивость стиля, Симеон Полоцкий тяготеет к формам барокко, первого литературного направления на Руси. Рождаются не только новые жанры, но и новые роды литературы – драматургия и поэзия, которым суждено будет играть основную роль в историко-литературном процессе XVIII века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

ПОСОБИЯ:

1. Гудзий Н.К. История древнерусской литературы. М., 1966.
2. Кайев А. А. Русская литература. Ч.1. М., 1949.
3. Кусков В.В. История древнерусской литературы. М., 1977, 1982.
4. Кусков В.В., Прокофьев Н.И. История древнерусской литературы. М., 1987.
5. Лихачёв Д.С., Лурье Я.С., Панченко А.М., История русской литературы XI-XVII вв. Л., 1980.
6. Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1971.
7. Лихачёв Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1971.
8. Лихачёв Д.С. Развитие русской литературы X-XVII вв. Л., 1973.
9. Лихачёв Д.С. Великое наследие. М., 1975
10. Лихачёв Д.С. Слово о полку Игореве и русская культура XVII века. Л., 1981.
11. Прийма Ф.Я. Слово о полку Игореве в русском историко-литературном процессе первой трети XIX века. Л., 1980.
12. Русские повести XVII века. Составитель Скрипиль М.О., Л., 1954.
13. Այվազյան Ղ., Յասինսկայա Չ. Կիևյան Ռուսիայի գրականություն (XI-XIII դար): Երևան, 1949:

ТЕКСТЫ

1. Гудзий Н.К. Хрестоматия по древней русской литературе. Изд. 8-е. М., 1973.
2. Прокофьев Н.И. Хрестоматия по древней русской литературе. М., 1980.
3. Слово о полку Игореве / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.-Л., 1950. Серия «Литературные памятники».
4. Русские повести XV-XVI вв. / Сост. М.О. Скрипиль. М.-Л., 1958.
5. Русская литература XI – XVII веков. Составление, вступительная статья, примечания Дмитриева Л. А., Кочерковой Н. Д. М., 1988.
6. Русская повесть XVII века / Сост. М.О. Скрипиль. М., 1954.
7. Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси). Вступит. ст. Д.С. Лихачёва. Сост. и общая ред. тома Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачёва. М., 1969.

Содержание

1. Введение	3
2. Образование древнерусской литературы	4
3. Возникновение русской письменности	12
4. Переводная повествовательная литература Древней Руси.....	22
5. Литература Киевской Руси	27
6. Летопись	32
7. «Слово о полку Игореве»	40
8. Жанр жития	46
9. Повести монгольского нашествия	59
10. Областные литературы XV века	65
11. Публицистика Древней Руси	72
12. Литература XVII века	88
13. Бытовые повести XVII столетия	97
14. Сатирическая литература XVII века	103
15. Историческая беллетристика XVII века	109
16. Книжная поэзия Древней Руси	114
17. Заключение	120

Уалихан Кибраевич Абдыханов

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Курс лекций

Редактор
Технический редактор

Формат 60*60, 1/16. Гарнитура Times New Roman
Условные печатные листы 7,75. Тираж   Заказ
Отпечатано